

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2012

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceeol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2012

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2012
© Ivanovo State University, 2012

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amyrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Сибиряков И. В.* Феномен «моральной растерянности»: террор в России на рубеже XX—XXI веков глазами интеллигенции (Уроки одной дискуссии) 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Пчелинцева Е. В.* Взгляды русской интеллигенции на проблему преодоления последствий насилия над ребенком во второй половине XIX — начале XX века 18
- Лобок Д. В.* Научная интеллигенция и ее профессиональные объединения (1917—1922) 27
- Ермушин М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы новой экономической политики 40
- Кузьмина В. М.* К вопросу об участии творческой интеллигенции в организации художественной самодеятельности на селе в годы индустриальной модернизации 55
- Капустина О. В.* Особенности пенсионного обеспечения советской интеллигенции 67

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Корнилов А. А., Рогожин А. А.* Роль интеллигенции в процессе формирования немецкого национального самосознания: вклад И. Г. Фихте 78

ДЕБЮТ

- Веселов А. А.* Формирование законодательной регламентации союзов художественной интеллигенции в конце XIX — первой четверти XX века 89
- Шалбин В. Л.* Проблемы формирования социальной сплоченности в России и роль интеллигенции в условиях аномического общества 99

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Меметов В. С., Усманов С. М.</i> В лабиринтах техногенной цивилизации	108
<i>Комиссаров В. В., Калинин А. К.</i> Интеллигент — человек, несущий свет	114
<i>Порозов В. А.</i> Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: была ли у нас частная жизнь? Статья вторая	120
<i>Аннотации</i>	135
<i>Информация для авторов</i>	144

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Sibiryakov I. V.* The phenomenon of «moral confusion»: terror in Russia at the end of the 20th — the beginning of the 21st century from the point of view of intelligentsia (lessons of one discussion) 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Pchelintseva E. V.* Views of Russian intelligentsia on the problem of overcoming the consequences of violence against children at the end of the 19th — the beginning of the 20th century 18
- Lobok D. V.* Scientific intelligentsia and its trade unions in 1917—1922 ... 27
- Ermushin M. V.* Engineering-technical intelligentsia and trade unions during the New Economic Policy period 40
- Kuzmina V. M.* To the issue of creative intelligentsia participation in the organization of amateur performances in countryside during the period of industrial modernization 55
- Kapustina O. V.* Features of pension provision of the Soviet intelligentsia 67

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kornilov A. A., Rogozhin A. A.* The role of intelligentsia in the process of German national consciousness formation: contribution of I. H. Fichte 78

DEBUT

- Veselov A. A.* Formation of a legislative regulation of art intelligentsia unions at the end of the 19th — the first quarter of the 20th century 89
- Shalbin V. L.* Problems of social unity formation in Russia and the role of intelligentsia in the conditions of anomic society 99

MAKING CONCLUSIONS

<i>Memetov V. S., Usmanov S. M.</i> In the labyrinths of technogenic civilization	108
<i>Komissarov V. V., Kalinin A. K.</i> An intelligent — is a person bringing light	114
<i>Porozov V. A.</i> The image of Russian province intelligentsia of the second part of the 20 th century in book series «Perm as a text»: did we have private life? Article two	120
<i>Annotations</i>	135
<i>Information for authors</i>	144

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)53-283.2

И. В. Сибиряков

ФЕНОМЕН «МОРАЛЬНОЙ РАСТЕРЯННОСТИ»: ТЕРРОР В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ ГЛАЗАМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (УРОКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ)

Террористические акты, которые произошли на рубеже XX—XXI веков в России и за ее пределами, обнажили целый ряд серьезных проблем не только в политическом, экономическом, социальном, но и духовном развитии общества. Последние, применительно к России, условно, могут быть разделены на три основные группы.

Во-первых, российский социум оказался не готов к восприятию террористических актов в качестве важного и неизбежного элемента жизни страны. Отсутствие четких обоснованных устойчивых нравственных оценок феномена терроризма в отечествен-

© Сибиряков И. В., 2012

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). sibirjkovig@mail.ru

ной истории и политической практике XX века усилило ситуацию «моральной растерянности», особенно в тех слоях населения, которые за последние годы в силу разных причин утратили способность к саморефлексии и интеллектуальному творчеству.

Во-вторых, российская интеллигенция не смогла инициировать широкую общественную дискуссию о причинах, сути, нравственных последствиях новой волны террора в российской истории. Внимание общества после первых масштабных терактов было переключено на политические аспекты террора, а в дальнейшем — на совершенно иные проблемы развития государства.

В-третьих, в общественном сознании на рубеже XX—XXI веков стали формироваться «нравственно нейтральные» образы терроризма и террористов, которые оказались серьезным препятствием для создания новой системы ценностей нового российского общества, способной адекватно отражать масштабные изменения в жизни социума и тем самым формировать «культурный фундамент» модернизации.

Конечно, отдельные представители современной отечественной интеллигенции пытались привлечь внимание общества к проблемам нравственной оценки терроризма как важного явления современной политической истории. После крупных терактов элементы некой общественной дискуссии периодически возникали на страницах литературных журналов и некоторых газет («Независимая газета»), а также в русскоязычном сегменте Интернета. Так, осенью 2004 г. инициатором разговора о роли интеллигенции в эпоху терроризма стал журнал «Иностранная литература». В известной мере его начинание было поддержано и журналом «Огонек».

В дискуссии приняли участие А. Ливергант (заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература»), Е. Бунимович (заслуженный учитель Российской Федерации), А. Венедиктов (главный редактор радиостанции «Эхо Москвы»), писатель А. Генис, политик И. Хакамада. С одной стороны, каждый из участников дискуссии высказывал свое личное мнение и формулировал свою собственную позицию, что исключает возможность прямой экстраполяции этих суждений на всю социальную группу в целом. Но, с другой стороны, каждый из участни-

ков дискуссии вольно или невольно в своем выступлении отражал те настроения и оценки, которые получили широкое распространение в различных группах отечественной интеллигенции. С учетом этого фактора, суждения, высказанные в ходе спора, имеют, на наш взгляд, большое значение для понимания некоторых процессов, происходивших и происходящих до сих пор в среде российской интеллигенции.

Открывая дискуссию, А. Ливергант заметил, что после событий в Беслане в российском обществе сложилась очень странная ситуация. «Бросается в глаза то, — говорил А. Ливергант, — что крупнейшие деятели нашей культуры не отозвались на последние трагические события. Молчит Солженицын, который отзывался и на более мелкие события, видя в этом смысл. Молчит он, молчат многие крупные писатели. С другой стороны, не очень понятно, что говорить. Террористический акт, стоит ему свершиться, окружается невероятным количеством банальностей. Банальностей политиков, что надо укреплять бдительность. Банальностей сотрудников спецслужб, что они все предвидели, да случайности помешали. <...> Есть статьи аналитиков, пишущих о терроре, но кто обращает на них внимание? А что делать деятелям культуры в этой ситуации, песни сочинять?»¹. Показательно, что в своем выступлении А. Ливергант не использовал термин «интеллигенция», заменив его категорией «деятели культуры». При этом он даже не пытался скрыть свою растерянность и неспособность объяснить «поведение» тех, кто должен был, по его мнению, выразить доминирующее настроение и сформировать адекватную позицию социума. Желание А. Ливерганта «переложить» бремя принятия тяжелого нравственного решения «на чужие плечи» (в данном случае «крупных писателей») очень хорошо демонстрирует одну из главных особенностей мышления значительной части российской интеллигенции, которая еще в XIX веке в любой тяжелой кризисной ситуации предпочитала пользоваться «рецептами» и «суждениями» тех, кто именовался «властителями дум». Боязнь выработки собственного суждения, до сих пор свойственная многим представителям отечественной интеллигенции, имеет, на наш взгляд, сложную историко-психологическую природу и требует самостоятельного глубокого ис-

следования. Не предугадывая его результатов, считаем необходимым обратить особое внимание на онтологическую близость природы и технологии мышления верующего человека традиционного общества и представителей наиболее массовых групп интеллигенции.

В отличие от А. Ливерганта, Е. Бунимович «не постеснялся» в своем выступлении использовать термин «интеллигенция», но фактически усомнился в реальности существования такой группы населения страны. Новые «постсоветские искушения — жратвой, властью, а теперь жизнью и смертью — она толком не пережила», — сказал Е. Бунимович. «И то, что ныне голоса интеллигенции не слышно, — констатация реального факта: этого голоса нет, он не нужен, не востребован. И дело не в том, что кого-то затыкают, а в том, что голос этот незначим»². Е. Бунимович не стал анализировать причины этой «невостребованности», которые, по нашему мнению, следует искать в радикальном изменении технологий получения, сохранения и передачи информации, произошедшем в конце XX века, в стремительном укреплении позиций религиозных организаций в жизни современного социума, в истории отечественной интеллигенции, многие страницы которой до сих пор очень неоднозначно воспринимаются наиболее влиятельными группами населения. Размышляя над тем, чем отличается нынешнее общение власти с интеллигенцией от сталинского и хрущевского, А. В. Малашенко в своей статье «Конец “охоты на волков”» очень точно заметил: «...тем, что теперь власть к ней (интеллигенции. — *И. С.*) безразлична. Власти некого бояться, ей нечего бояться. <...> Общество инертно, нелюбопытно к словам, спектаклям, фильмам. Нет больше райкинских шуток, от которых у зрителей шел холодок по спине. Интеллигенция уже не “фактор” политики. Ее диссидентство — по-прежнему щемяще, но выглядит картонно. Она не креативна, не интересна громадному большинству. Это ее беда, а не вина. Она не востребована, как фильм “Гараж”, ставший памятником прежнему строю и борьбы против него»³.

Другой участник дискуссии, А. Венедиктов, тоже был очень осторожен в отношении термина «интеллигенция». «Я не понимаю разговоров на тему отношения интеллигенции к терро-

ру, — подчеркивал А. Венедиктов. — Все эти социальные и классовые категории — рабочий класс, крестьянство, служащие, интеллигенция — не действуют». Он обратил внимание участников дискуссии на то, что многочисленные социологические опросы показали отсутствие единого мнения о произошедших событиях во всех социальных слоях. Ни в одном социальном слое «нет единого мнения о том, что происходит и как из этой ситуации выходить», — говорил А. Венедиктов. Такого рода дифференциация общественного сознания, на наш взгляд, связана с интенсивной социальной дифференциацией, которая произошла в российском обществе за последние несколько лет и имеет очень сложную внутреннюю природу. При ее анализе необходимо учитывать не только разрыв в уровне доходов различных групп той же интеллигенции, но и качественно разное реальное образование, полученное представителями этих групп, специфику социальной самореализации и целый ряд других факторов.

Размышляя о том, что должна делать образованная часть населения после трагедии в Беслане, А. Венедиктов заметил: «...что касается образованной части населения, не скажу интеллигенции, то образованная часть населения должна выяснять корни и причины террора, а не то, как бороться с террором. С террором пусть борются спецслужбы и политики». Такой подход получил очень широкое распространение в среде самой интеллигенции, однако до сих пор очень слабо реализован на практике. Замечание А. Ливерганта о том, что на статьи аналитиков, посвященные проблемам террора, мало кто обращает внимание, имеет огромное значение, так как позволяет более ясно сформулировать еще одну проблему для современной российской интеллигенции. Это проблема ***поиска адекватной формы передачи накопленного или выработанного знания, системы нравственных ценностей***. Создание такой формы является сложнейшей исторической задачей, которая сегодня, к сожалению, по-прежнему не разрешена. И речь, по нашему мнению, должна идти не только о специфике языковых конструкций, но и о соответствующем культурно-информационном контексте.

А. Венедиктов в конце своего выступления заметил: «С тем, что голос интеллигенции не был слышен в эти трагические

дни, я категорически не согласен. Как раз он-то и был слышен. Сначала это был голос утешения и поддержки. Нас слушали в Беслане, как слушали в августе 91-го: стояли машины с открытыми дверями, а вокруг них люди ловили каждое слово. И не потому, что мы говорили что-то особенное. Выступали те, кто понимал, что родственникам заложников нужно утешение в эти жуткие дни и часы. Первый шаг, который могут сделать люди образованные, называйте их интеллигенцией или нет, — это утешение. Если вы посмотрите, кто сейчас организует гуманитарную помощь, это те, кого называют интеллигенцией. Именно события в Беслане выявили, что интеллигенция в России есть»⁴.

А. Генис, так же как А. Венедиктов, попытался определить возможную миссию тех, кто не имеет прямого отношения к принятию важнейших политических решений. В его понимании «главная задача гуманитарной мысли — это найти новую концептуальную раму для того, что сегодня происходит. После Первой мировой Элиот писал, что война возникла не из-за конкретных политических кризисов, а из-за распада христианской общности, которой был Запад. Сейчас трудно представить возможность войны между Англией и Францией. Значит, эта общность опять появилась. То же с террором. Нужна новая концептуальная рама, чтобы вставить в нее происходящее. Террор — общая мировая простуда. У каждого ее вида свой специфический микроб, но болезнь общая. И понять ее надо в более широких категориях, чем конкретные события и трагедии...»⁵. Трудно не согласиться с А. Генисом, когда он признает необходимость осуществить фундаментальный анализ болезни под названием «террор». Однако роль российской интеллигенции в этом процессе, на наш взгляд, не может быть идентична роли европейской или американской культурной элиты.

На это же обратила внимание и И. Хакамада. Завершая дискуссию, она сформулировала свою позицию политически остро: «Вызовы, которые ставит террор перед Россией, отличаются от других стран. Вызов первый — это необходимость понять, в чем приоритет борьбы с террором, — сохранение великого духа великой нации или спасение жизней конкретных людей? Это вызов именно России, где никогда не думали о людях. Вызов

второй — это представление хоть о какой-то честности. Вряд ли кто-то, увидев трупы детей, может сказать, что террористы — нормальные люди. Но делать это поводом для обвинения тех, кто напоминает, что именно война в Чечне является причиной, по которой мы получаем эти теракты, нечестно. И как в сталинские времена мы накидываемся друг на друга с воплями: “Ты пособник террористов”, “Нет, ты пособник”. И третий вызов, очень важный. Удары террористов абсолютно не вписываются в логику цивилизации. И ответ на них, по моему мнению, должен быть вне привычных наших мер: проверить еще тысячи машин, поставить еще по милиционеру у школ, запретить выезд в Париж, где новый грипп, назначать губернаторов, сделать две лояльные партии в парламенте, изменить Конституцию, вернуть авторитарную власть. Это не поможет. Мы будем только получать следующие теракты и новые безграмотные действия властей, которые ни перед кем не отвечают, что бы ни случилось». Идея совместных действий интеллектуальной и политической элиты общества в борьбе против террора, высказанная И. Хакамадой, банальная по своей внешней форме, обозначила очень серьезную проблему консолидации тех сил социума, которые осознают степень опасности и масштабы последствий новой волны террора. Необходимость осознанного и реального компромисса между всеми участниками данного процесса требует серьезного обновления базовой системы ценностей российского общества. Однако основа для этого обновления остается предметом острых дискуссий.

Не случайно И. Хакамада заметила: «Я чувствую себя абсолютно одинокой в непопулярном мнении, но считаю, что без милосердия, христианской любви к каждой человеческой жизни мы не сможем победить людей, для которых человеческая жизнь ничего не значит. Мы проигрываем потому, что и для нас она ничего не значит. Мы играем на площадке террористов и будем проигрывать до тех пор, пока наш ответ не станет асимметричным их действиям. Пока главной ценностью для нас не станет жизнь отдельного человека. А она пока что ничего не значит ни для террористов, ни для тех, кто с ними борется, принимая их же правила игры»⁶.

Формирование новой системы ценностей, даже с использованием самых современных информационных технологий, — это процесс очень мучительный и не быстрый. Любая попытка жесткого декларативного утверждения или административного навязывания тех или иных нравственных ориентиров, как показывает опыт российской истории, часто дает прямо противоположный эффект. С этой точки зрения, необходима поэтапная разноплановая работа по консолидации тех сил общества, которые готовы к поиску политического, социального, нравственного компромисса на базе противостояния идеологии и практики терроризма. «Мы все сейчас находимся в аморальном состоянии и должны понять, что расплачиваемся за наше равнодушие», — сказал вскоре после трагедии в Беслане кинорежиссер И. Дыховичный. Его поддержал другой кинорежиссер — Ю. Гусман, который подчеркнул: «...мы стали слишком спокойными, черствыми, к терактам стали относиться как к некоей данности. Я больше всего боюсь, что мы свыкнемся с мыслью: люди умирают и будут умирать». А композитор А. Журбин добавил: «...я уверен, что каждый должен заниматься своим делом, в конце концов, на нас, на деятелей культуры, все смотрят. Поэтому пускай, кто умеет писать книги — пишет книги, кто умеет играть на скрипке — играет на скрипке, кто снимается в кино — пусть продолжает сниматься в кино. И тогда мы победим»⁷.

Безусловно, принять участие в работе по консолидации социума смогут далеко не все группы современной российской интеллигенции, далеко не все представители различных влиятельных религиозных организаций, далеко не все государственные деятели и лидеры политической элиты. Для многих из них террористические акты, произошедшие в России на рубеже XX—XXI веков, стали важным элементом в борьбе за власть, в решении коммерческих и личных проблем⁸.

Учитывая тот факт, что интересы этих людей, как и интересы непосредственных участников террористических актов, защищают, в том числе, и отдельные представители интеллигенции, ситуация «моральной растерянности» перед лицом нового крупного террористического акта, на наш взгляд, может повториться в России еще неоднократно.

Примечания

- ¹ *Ливергант А.* Почему молчит Солженицын? URL: <http://god.dvoynik.ru/genkat/1033.htm> (дата посещения: 15.09.2011).
- ² *Бунимович Е.* Поколение, выросшее в лесу // Там же.
- ³ *Малашенко А. В.* Конец «охоты на волков» // Независимая газета. 2010. 23 июня.
- ⁴ *Венедиктов А.* Беслан показал, что интеллигенция есть. URL: <http://god.dvoynik.ru/genkat/1033.htm> (дата посещения: 15.09.2011).
- ⁵ *Генис А.* Террор — общемировая простуда // Там же.
- ⁶ *Хакамада И.* Террор нельзя победить ненавядя людей // Там же.
- ⁷ *Культурная элита не заметила Беслана* // Независимая газета. 2004. 7 сент.
- ⁸ *Барабаш Е. Ю.* Реклама на крови // Там же. 8 сент.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)53-283.2

Е. В. Пчелинцева

ВЗГЛЯДЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРОБЛЕМУ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ НАСИЛИЯ НАД РЕБЕНКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение истории российской интеллигенции находится в сфере актуальных проблем современной науки, что определяется ее исторической ролью в осуществлении политических, экономических, культурных задач в различные периоды развития России. Традиционно в отечественной истории большая роль в создании и сохранении духовных ценностей, формировании самосознания общества принадлежала и принадлежит интеллигенции, отстаивающей гуманистические преобразования в обществе. Особенно важным представляется исследование педагогической деятельности интеллигенции в кризисные периоды истории России, а именно во второй половине XIX — начале XX века. Именно в начале 60-х годов в кружках либерально настроенной интеллигенции ак-

© Пчелинцева Е. В., 2012

Пчелинцева Евгения Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования Института развития образования Ивановской области. ksenn1@yandex.ru

тивно обсуждается тема поиска наиболее эффективных путей преодоления последствий насилия над детьми, осуществления социальных преобразований в сфере общественных отношений. Рассуждая о насилии, разрушающем личность ребенка, видные представители интеллигенции, такие как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, отмечали взаимообусловленность между насилием над ребенком со стороны взрослых и общественным устройством крепостнической государственной системы, поскольку «нельзя считать независимой от общественных условий существующую авторитарную систему воспитания»¹.

Разочарования в законодательно утвержденных нормах воспитания не могли не возбудить в интеллигенции, некогда с таким воодушевлением относившейся к реформам, глубокого недоверия к правительству и тем методам, которыми оно пользовалось. Мировоззрение образованного слоя общества, его идеалы носили ярко выраженный революционно-демократический характер. Передовая интеллигенция находилась в резкой оппозиции к правительству, боролась за освобождение личности против власти общества, опираясь при этом на материализм и науку.

Обращаясь к педагогическим сочинениям, представители интеллигенции подвергли самой резкой критике распространенные в России авторитарные воспитательные системы, основанные на насилии, подчинении, беспрекословном повиновении детей взрослым.

С точки зрения Н. Г. Чернышевского, «сторонники крепостнической системы воспитания и авторитарной педагогики отстаивали теорию слепого повиновения и безусловного подчинения детей авторитету родителя, совершенно не считаясь с особенностями и склонностями детей, действовали средствами принуждения, насилия, приказаниями и запретами. По их мнению, дети не должны иметь собственной воли, а обязаны во всем слепо подчиняться требованиям родителей. Приказание родителей должно быть для детей законом и исполняться без малейшего рассуждения. Безусловное повиновение — характерная особенность авторитарной педагогики»².

Признанный представитель интеллигенции Н. А. Добролюбов находил, что рассуждения, внешне кажущиеся логичными и справедливыми, на самом деле обнаруживают «страшную педан-

тическую гордость почтенных родителей, соединенную с презрением к достоинству детской природы»³. Обращаясь к представителям официальной педагогики, утверждавшим, что дети склонны только к порокам и что они от природы «неразумны», а потому должны, безусловно, повиноваться разуму взрослых, Добролюбов писал: «Придайте разумность обезьяне с вашей системой (т. е. сделайте посредством такой педагогики обезьяну разумной), и тогда целый мир с благоговением преклонится перед этой системой и будет по ней воспитывать детей своих. Но вы этого не можете сделать и потому должны смиренно признавать права разумности в самой природе ребенка и не пренебрегать ею, а благо разумно пользоваться теми выгодами, какие она вам предоставляет»⁴. Принадлежность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова к интеллигенции была сопряжена, прежде всего, с принятием социально заостренных ценностей гуманистической цивилизации.

В своих нелегальных изданиях (студенческий журнал «Свисток» и др.) и в легальных статьях Добролюбов гневно разоблачал реакционность сочинения «Основные законы воспитания» Миллера-Красовского, писавшего, что «гражданская обязанность» молодежи — умение «беспрекословно подчиняться и верно служить богу и царю», что «всякая гражданская обязанность есть безусловное подчинение нашей индивидуальной воли правительству и отечественным законам»⁵.

Н. А. Добролюбов показал общественный смысл этой реакционной теории: старания сделать детей на всю жизнь покорными исполнителями чужих велений обрекают общество на вечный застой, «на вечное повторение одних и тех же, раз навсегда установившихся обычаев и предрассудков; этой системой уничтожается всякая возможность нововведений и усовершенствований, осуждается всякая борьба против укоренившегося зла, всякая реформа в каком бы то ни было деле»⁶.

Рассматривая ребенка как биосоциальное существо, главное значение в формировании личности Добролюбов придает влиянию социальных связей, отношений ребенка с окружающими взрослыми. Безусловное повиновение и подчинение детей авторитету родителя замедляет развитие личности ребенка. «Авторитарное воспитание, сопровождающееся насилием, не может рассматриваться какой-то особой категорией, существующей самобытно

и в самой себе заключающей оправдание. Его нельзя считать независимым от общественных условий и остающимся неизменным при изменении этих условий»⁷.

Обращаясь к родителям, воспитателям, он говорил: «...мы требуем, чтобы родители выказывали более уважения к человеческой природе и старались о развитии, а не о подавлении внутреннего человека в своих воспитанниках, и чтобы воспитание стремилось сделать человека нравственным — не по привычке, а по сознанию и убеждению»⁸.

Большое значение для развития гуманистической педагогической мысли в области воспитания и правильной постановки практики воспитания детей в семье имел трактат Н. А. Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» (1857). В этом произведении он рассмотрел последствия насильственной крепостнической системы воспитания детей, указав на то, что «подавление личности ребенка, полное пренебрежение действительной жизнью и природой детей, является следствием превращения ребенка в жертву педагогических расчетов»⁹. Это происходит потому, что «вознесшись на своего нравственного конька, родитель считает воспитанника своей собственностью, вещью, с которой он может делать, что ему угодно»¹⁰.

Добролюбов пропагандировал необходимость учитывать в воспитании законы развития ребенка, установленные естественными науками. Он говорил, что официальная педагогика упускает из виду одно весьма важное обстоятельство — действительную жизнь и природу детей и вообще воспитуемых. Добролюбов настаивал на том, чтобы воспитатели, зная особенности детской природы и опираясь на них, разумно руководили развитием детей, обеспечивая им свободу, необходимую для проявления тех качеств, которые должны быть у передового человека. Обосновав «апологию прав детской природы против педагогического родительского произвола, останавливающего естественное развитие», Н. А. Добролюбов выдвигает требование к родителям: «уважение к человеческой природе дитяти, предоставление ему свободного, нормального развития, старание внушить ему, прежде всего и более всего — правильные понятия о вещах, живые и твердые убеждения, — заставить его действовать созна-

тельно, по уважению к добру и правде, а не из страха и не из корыстных видов похвалы и награды»¹¹.

Признанные лидеры российской интеллигенции Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев не только представили научно-психологическое обоснование теории разумного свободного воспитания детей, но и одновременно показали родителям, воспитателям, как важно анализировать свои поступки, действия с точки зрения их влияния на психику ребенка. При полном безусловном подчинении дети становятся орудием чужой воли: «...тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположение овладевает душою ребенка, он становится угрюм, вял, безжизнен, высказывает неприязнь к другим и делается жертвою самых низких чувств и расположений»¹².

Русская интеллигенция уделяла много внимания вопросам дисциплины. Она решительно осуждала палочную дисциплину, применение розог и других средств, оскорбляющих человеческое достоинство воспитанника, называя эти средства антипедагогическими, варварскими, пользующимися признанием там, где в воспитании и обучении требуют «не рассуждать, а исполнять» и из детей готовят не сознательно мыслящих и активно действующих граждан, а покорных исполнителей воли угнетателей. Беспощадную борьбу со сторонниками таких взглядов Добролюбов считал обязанностью каждого честного человека и педагога и всякое отступление от этой борьбы расценивал как явление крайне вредное.

Насилие над детьми было следствием крепостнической системы государственной власти, преодоление его последствий возможно, с точки зрения российской интеллигенции, путем раскрепощения личности, общественного переустройства России целом. Находясь в противоречии с интересами освободительного движения, насилие над детьми являлось тормозом формирования новой педагогической теории.

Так, великий педагог К. Д. Ушинский осознавал важную роль интеллигенции в жизни общества. Поднимая вопрос об ответственности интеллигента-мыслителя перед своим народом, перед людьми вообще, он выступал против всякого рода наказаний. Прогрессивными, с учетом рассматриваемого нами исторического

периода развития педагогики, являются взгляды Ушинского на взаимоотношения взрослых с детьми. Отношение родителей к детям оказывает решающее влияние на процесс воспитания и его эффективность. Ведущую роль в этом процессе К. Д. Ушинский отводил учителю-воспитателю: «...влияние личности на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений»¹³.

Ребенок, подавляемый педагогом, не чувствует себя личностью, он безволен, пассивен. Исключительную роль в семейном воспитании детей дошкольного возраста Ушинский отводил матери: «Мать стоит ближе к детям, проявляет непрестанные заботы о них со дня рождения, лучше понимает их индивидуальные особенности»¹⁴.

Обращаясь к анализу семейного воспитания детей дворянства, К. Д. Ушинский указывал на «недопустимость проявления семейного эгоизма в воспитании детей, сопровождающегося лицемерием, самолюбием, завистью и другими дурными качествами»¹⁵, что способствует формированию пагубных привычек поведения. Отмечая непреходящее значение народной педагогики, пронизывающих ее содержание народных сказок, песен, фольклорных произведений устного народного творчества, Ушинский указывал, что «в семейном воспитании детей народа отразились положительные черты природного славянского ума и добродушия, практической народной мудрости, чувства родственной любви, товарищества, дружбы, честности, правдивости»¹⁶.

Именно «народная сказка, сказочный сюжет раскрывает перед ребенком сложный мир взаимоотношений, заранее обеспечивая его арсеналом средств, помогая ему разобраться в происходящем»¹⁷. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что К. Д. Ушинский, отстаивая гуманистические традиции воспитания детей, рассматривал проблему преодоления последствий насилия над детьми в контексте вовлечения ребенка в разнообразные возрасту детские виды деятельности, отдавая предпочтение народному искусству.

Важным в контексте изучения данного вопроса является рассмотрение педагогических взглядов П. Ф. Лесгафта. Отстаивая

антропологические позиции семейного воспитания, Лесгафт смело выступал против произвола и насилия над личностью ребенка, царившего в семейном воспитании: «Как родители в семье, так и воспитатели в школе совершенно не отдают себе отчета, почему именно следует применять к нему те или иные другие воспитательные меры; а ведь подобное бессознательное руководство личностью ребенка никогда не проходит без серьезных последствий и отзывается иногда на всей последующей жизни»¹⁸. В педагогическом сочинении «Семейное воспитание ребенка и его значение» Лесгафт провозгласил лозунг: «Щадить личность своего ребенка», подразумевая, прежде всего, ограничение его от произвола и обеспечение неприкосновенности.

Особо выделяя ранний период семейного воспитания детей (от рождения до школы), П. Ф. Лесгафт указывал, что ведущим методическим направлением в оказании помощи маленькому ребенку будет изучение «обычаев, привычек данной местности, семьи, оказывающих большое влияние на жизнь человека и оставляющих почти неизгладимый след на всем его будущем существовании»¹⁹. В работе «Задачи антропологии и методы ее изучения» он пишет: «...необходимо, чтобы с малолетства человек приучался к признанию личности и к уважению ее неприкосновенности; всего яснее он поймет значение личности в том случае, если он сам от близких людей не подвергался личным оскорблениям или произволу, а приучался рассуждениям отдавать себе отчет во всех своих действиях, относящихся к личности других»²⁰. Изложив научные основы семейного воспитания детей раннего и дошкольного возраста, он указал, что ведущим направлением в преодолении домашнего насилия является «разумное сочетание свободной деятельности ребенка и разумного руководства, любви, внимания к его нуждам, потребностям»²¹.

К вопросам преодоления последствий насилия обращается и П. Ф. Каптерев. Ученый указывает, что «распространенные в теории и практике телесные наказания, использованные педагогами с целью исправления вреда, причиненного дурным поведением, способствующие тому, чтобы такие действия не повторялись, т. е. имеющие отпугивающий характер, калечили душу ребенка»²².

Резко осуждая телесные наказания, в одной из своих работ Каптерев пишет: «С ослаблением страха телесных наказаний, вследствие постепенного изгнания последних, многие признавали совершенно необходимым возбуждать в детях страх более тонкий и деликатный — страх духовных страданий, страх мучений уязвленного самолюбия, неудовлетворенного честолюбия и тщеславия, мук соперничества, борьбы, поражений. В школах были введены ряд позорящих наказаний, задевающих самолюбие, а с другой — множество наград...»²³

В рассуждениях об определении путей преодоления последствий насилия Каптерев обращает внимание на драматическую игру, «новизна сюжета которой помогает ребенку почувствовать смену впечатлений, мыслей, чувствований в соответствующих движениях, перестановке предметов»: «тут дитя творит и припоминает, и переживает множество волнений, и совершает множество действий, и, наконец, наговорится. Все это, вместе взятое, весьма важно и приятно, доставляет самые разнообразные и полезные упражнения детским силам»²⁴. Поэтому, писал Каптерев, необходимо продуманное руководство со стороны воспитательницы драматическими играми детей: «Лучше всего та драматическая игра, когда дети не забывают действительности и в то же время переживают известный замысел, продолжают приятную иллюзию, наслаждаются теми особенными душевными состояниями, которые в них возникают при такой игре»²⁵.

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что проблема преодоления последствий насилия была одной из центральных в философско-педагогической мысли России во второй половине XIX — начале XX века. Отстаивая гуманистические позиции в образовании, но по-разному понимая пути преодоления последствий насилия, представители русской интеллигенции создали теоретическую основу для появления различных подходов к созданию альтернативных концепций и практики обучения и воспитания.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. М., 1948. С. 92.
- ² Там же. С. 31.
- ³ См.: Хрестоматия по истории педагогики / под ред. С. А. Каменева. М., 1934. Т. 3. С. 123.
- ⁴ Там же. С. 367.
- ⁵ Там же. С. 116.
- ⁶ Цит. по: Баркова Н. Н. Нравственный идеал в русской педагогике (вторая половина XIX — начало XX в.) // Педагогика. 1998. № 2. С. 70.
- ⁷ Там же. С. 116.
- ⁸ Хрестоматия по истории педагогики. С. 73.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 75.
- ¹¹ Цит. по: Баркова Н. Н. Указ. соч. С. 73.
- ¹² Там же.
- ¹³ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. М., 1990. Т. 6. С. 221.
- ¹⁴ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 148.
- ¹⁵ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. Т. 6. С. 211.
- ¹⁶ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. С. 98.
- ¹⁷ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. Т. 6. С. 234.
- ¹⁸ Лесгафт П. Ф. Антропология и педагогика : избр. пед. соч. М., 1988. С. 366.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 376.
- ²¹ Там же.
- ²² Каптерев П. Ф. История русской педагогики : учеб. пособие. СПб., 2004. С. 157.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 432.
- ²⁵ Каптерев П. Ф. Дидактические очерки : избр. пед. соч. М., 1982. С. 123.

Д. В. Лобок

**НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
(1917—1922)**

К началу XX века научная интеллигенция представляла собой фактически бессловную группу привилегированной части буржуазной интеллигенции. Специфика научного знания, сходные условия труда и академической карьеры, устойчивые корпоративные традиции нивелировали, превращали в формальность сословные различия.

Данные послужных списков за 1917 год о сословном происхождении 936 профессоров и преподавателей вузов министерства просвещения свидетельствуют, что только треть из тех, кто преподавал в университетах и высших гуманитарных школах, и четверть работающих в инженерных институтах являлись потомственными дворянами. Основную же их часть составляли выходцы из разночинско-чиновничьей среды, а также представители предпринимательского мира и мелкобуржуазных слоев¹.

Либеральные и консервативные умонастроения — две главные тенденции политического размежевания профессорско-преподавательской корпорации окончательно сформировались к Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Большинство академиков-либералов поддержало буржуазно-демократическую республику и Временное правительство. Постепенно, не без давления со стороны младших преподавателей, началось создание полупрофессиональных и профессиональных объединений научной интеллигенции. Так, 13 марта 1917 года было проведено организационное собрание Союза деятелей выс-

© Лобок Д. В., 2012

Лобок Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. dima_1964@mail.ru

шей школы Москвы, в состав которого вошли и сотрудники научных учреждений. Свою задачу московский Союз определил как «строительство и ведение высшей школы»². Союз выступал за поддержку Временного правительства, уповая на назначение министром просвещения московского профессора А. А. Мануйлова.

С апреля 1917 года под председательством академика А. Н. Карпинского стало действовать постоянное совещание представителей ученых учреждений и вузов³.

Главными центрами организационного строительства стали Петроград и Москва — здесь концентрация научной интеллигенции была наибольшей, здесь жила и работала самая высококвалифицированная часть ее слоя.

Основная масса интеллигенции стремилась провозгласить «беспартийность» своих организаций и союзов. Одним из объединений подобного типа стала Лига интеллигентного труда, созданная 25 июля 1917 года⁴. Устав Лиги гласил, что объединение «вырабатывает и проводит в жизнь способы и средства защиты личности от насилия и труда от эксплуатации». Лига выступала за устройство бирж труда для научной интеллигенции, проведение посредничества при разрешении возникающих конфликтов. Объединение стремилось распространить свою деятельность на всю Россию, содействуя возникновению профессиональных союзов «работников умственного труда»⁵.

Несмотря на то что в совет Лиги входили представители партии народных социалистов профессор Г. Я. Гуревич, С. П. Мельгунов, она не пользовалась популярностью у научной интеллигенции. Большинство либеральной профессуры шло за кадетами.

25 сентября 1917 года Лига провела первый съезд трудовой интеллигенции. Обстановку, царящую на съезде, передавал корреспондент газеты «Свобода и жизнь» — в комментарии говорилось: «Малоллюдно, серо, тускло. Как этот съезд символизирует положение русской интеллигенции! Печать прибитости, пришибленности лежит на всех делегатах. Их так мало, всего около 40, и от того так жутко»⁶.

После Октябрьской революции Лига интеллигентного труда просуществовала до начала 1918 года. 20 января 1918 года газета «Свобода и жизнь» отмечала: «Совет непопулярен и неработоспо-

собен». Вскоре Лига распалась на множество мелких профессиональных объединений, самым крупным из которых была «Артель интеллигентного пролетария» в Петрограде (около 300 человек)⁷.

Более серьезным влиянием пользовалась в среде научной интеллигенции партия кадетов. Это особенно ярко проявилось в решениях IV Делегатского съезда Всероссийского Академического союза, проходившего 7—10 июня 1917 года. Кадетское большинство стремилось продемонстрировать свою лояльность Временному правительству. Резолюции съезда не затрагивали вопросы материального положения ученых и преподавателей.

После Октябрьской революции 1917 года состояние профессиональных объединений научной интеллигенции изменилось. Большинство ученых и преподавателей высшей школы не признали Октябрьской революции. Особенно ярко это проявилось на V Всероссийском академическом съезде, который проходил в июне 1918 года в Москве. На нем присутствовали представители от Москвы, Новочеркасска, Саратова, Ярославля, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Юрьева и Риги. С докладом о положении науки выступил академик Н. К. Кольцов⁸.

Последовавшие затем ораторы выразили неприятие основной массой ученых Советской власти. Вот только несколько выдержек из выступлений участников съезда: «Воронежский сельскохозяйственный институт отстаивает свое существование от служителей, которые то стараются выжить профессоров из квартир... то стремятся забрать институт в свои руки... В Саратове комиссаром над университетом был назначен аптекарский ученик, который постоянно все больше входит во вкус власти и без санкции которого профессора не могли получить своего вознаграждения»⁹. Только два представителя от учебных заведений заявили, что отношения с Советской властью установились сносные¹⁰.

По докладу профессора Н. Н. Полянского об автономии Высшей школы была принята резолюция, в которой говорилось: «Автономия Высшей школы имеет своей целью свободу преподавания и объективное, независимое от каких бы то ни было политических влияний искание научной истины... грубым посягательством на автономию Высшей школы представляется всякое вмешательство в ее жизнь со стороны местных властей, не принадлежащих к ее составу»¹¹.

Схожая позиция выражалась и в статье академика С. Ф. Ольденбурга «Красный крест, наука и просвещение»: «Мы видим, увы, и сейчас... ту же старую жажду ломки прежнего, чтобы удовлетворить устремлениям “социализма”, как раньше, напротив того, ломали все, что, казалось, носит даже зачатки “социализма”... власть применяет те же старые приемы грубой силы...»¹² Однако в отличие от ученых, призывавших к сопротивлению новой власти, С. Ф. Ольденбург предлагал не бросать работу: «Культурное строительство и физически и технически возможно... минет ночь невежества и тупой, бессмысленной, так называемой “классовой борьбы”, порожденной исключительно грубым невежеством»¹³.

Помимо сомневающихся были среди научной интеллигенции и те, кто не задумываясь пошел на службу новой власти. К августу 1919 года — 29 722 специалиста науки и техники работали в различных наркоматах¹⁴.

Большое влияние на взаимоотношение профессуры с Советской властью оказывала проводившаяся реформа Высшей школы. Прогрессивные, в целом, начинания новой власти не были подкреплены материальной базой, проводились непродуманно. Сопротивление профессуры вызывалось введением бесплатного образования, отменой дипломов, упразднением ученых степеней для занятия кафедры и т. п. Выступали они и против введения в Советы университетов представителей студенчества, народного комиссариата просвещения и трудящегося населения. Именно это обстоятельство, а также тяжелое материальное положение ученых привело к созданию и укреплению профессиональных объединений научной интеллигенции.

В период Гражданской войны профсоюзы научной интеллигенции выступили в роли «независимых» организаций. Наиболее крупными из них были «Объединенный Совет Научных учреждений и Высших учебных заведений Петрограда», созданный на основе постоянного Совещания представителей ученых учреждений и вузов, а также «Профессиональный союз профессоров и преподавателей Высших учебных заведений г. Москвы и ее окрестностей», продолжавший традиции Союза научных деятелей Москвы.

В правление Объединенного Совета Научных учреждений и Высших учебных заведений Петрограда входили видные ученые: А. П. Карпинский (председатель), А. А. Иванов (товарищ председателя), А. А. Миллер (товарищ председателя), А. А. Апатов (секретарь), И. М. Тулайков (секретарь), А. А. Браудо, И. М. Быков, С. К. Булич, Ю. М. Шакольский, И. Я. Марр, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг¹⁵.

Согласно уставу Объединенный Совет имел широкий круг задач организационного, научного и профессионального характера. Главной целью в своей деятельности он ставил «обеспечение развития науки, искусства и высшего образования»¹⁶.

В состав организации могли входить как государственные, так и частные вузы и ученые общества. Денежные средства составлялись из взносов учреждений, входящих в состав Совета, ассигнований из казны, взносов общественных организаций, пожертвований. Каждое научное учреждение имело возможность направить своего представителя в состав комитета Объединенного Совета с правом решающего голоса. Совет разделялся на три секции: научные учреждения и общества, вузы университетского типа, специальные вузы.

Анализ устава Объединенного Совета позволяет сделать вывод, что принципы его построения полностью совпадали со стремлением к академической автономии, которую поддерживало большинство профессуры. В то же время, отсутствие в уставе пунктов, предусматривающих отчетность руководства Совета и демократичность перевыборов, позволяло «верхушке» профессуры удерживать свое влияние в руководстве организации. Многие положения программы устава были схожи с программой партии кадетов.

Несмотря на это, руководство Объединенного Совета шло на сотрудничество с Советской властью. После своего образования Совет подал ходатайство о регистрации в комиссариат народного просвещения. 6 июня 1919 года заместитель наркома по просвещению Э. Г. Гринберг утвердил эту организацию¹⁷. Устав Совета не утверждался и не обсуждался на коллегии наркомпроса. Тем самым Советское государство показало, что признает Объединенный Совет как самостоятельную организацию. Его влия-

ние, однако, не смогло достигнуть общероссийского масштаба. Основной причиной этого была Гражданская война, которая мешала установлению связей между научными учреждениями. Тем не менее Объединенный Совет стремился к увеличению числа организаций, входящих в его состав. В момент своего создания Совет состоял из 78 учреждений. В их числе: научных учреждений — 25, вузов 31, ученых обществ — 22. К концу 1919 года число организаций, входящих в его состав, увеличилось до 88¹⁸, а в 1921 году достигло 115¹⁹.

Таким образом, окончание Гражданской войны способствовало росту этой организации. Объединенный Совет предпринимал попытки установить более тесные контакты с Профессиональным союзом профессоров и преподавателей высших учебных заведений г. Москвы и ее окрестностей, созданным на тех же принципах и зарегистрированным в нотариальном отделе Моссовета²⁰.

Стремясь дистанцироваться от гражданской войны, руководители союзов научной интеллигенции придумали удобную формулу. Ученым предлагалось служить делу развития науки и высшего образования «вообще»²¹.

Уже первые месяцы деятельности новых объединений показали, что провозглашенная Объединенным Советом и Профсоюзом научных деятелей Москвы «аполитичность» сильно мешала их продуктивной деятельности. В условиях жесточайшей классовой борьбы, разрухи, голода позиция стороннего наблюдателя не помогала, а только препятствовала установлению деловых контактов с новой властью.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что часть научной интеллигенции открыто встала на сторону белого движения. Некоторые представители научной интеллигенции активно сотрудничали в Осваге²² (профессора Э. Д. Грим, Соколов, Ладагиников, приват-доцент Ленский и др.)²³. Ведущие ученые Сибири при Колчаковском правительстве создали институт исследования Сибири, который просуществовал до июня 1920 года²⁴.

Известны случаи участия ученых в белогвардейском подполье Петрограда и Москвы. Так, в 1921 году была раскрыта «Петроградская боевая организация» во главе с профессором

В. Н. Таганцевым, куда кроме него входили профессора Н. И. Лазаревский, Н. Д. Туманов, М. М. Тихвинский и др.²⁵

Все это порождало недоверие к научной интеллигенции со стороны Советской власти, приводя к арестам и задержаниям ученых в качестве заложников. По сведениям Объединенного Совета, с апреля 1919 года по январь 1920 года было произведено 135 арестов среди ученых и преподавателей вузов²⁶.

Правление Совета неоднократно обращалось к представителям Советской власти с просьбами освободить задержанных. Чаще всего власти после проверки шли навстречу обращениям объединений научной интеллигенции. Так было в случае с арестом ученых — владельцев небольших имений в Соголевской волости Клинского уезда Московской губернии.

Местный совет обложил контрибуцией профессора С. Я. Капустина, академика Я. И. Смирнова и других ученых в размере от 5 до 15 тыс. рублей. В результате обращения А. И. Карпинского к А. В. Луначарскому ученых освободили от денежного обложения²⁷.

В период самых массовых арестов, имевших место в сентябре 1919 года, товарищ председателя Объединенного Совета В. Н. Тонков был делегирован от имени ученой корпорации к В. И. Ленину²⁸. Вопрос об арестах среди интеллигенции обсуждался на Политбюро ЦК РКП (б), которое в своем решении предложило Ф. Э. Дзержинскому, Н. И. Бухарину и Л. Б. Каменеву пересмотреть дела арестованных. Это помогло освобождению большой группы ученых.

Постепенно произошли изменения и в отношении профессуры к проходившей реформе высшей школы. Невзирая на ошибки и «левацкие» перегибы реформа была демократична по своей направленности. Всё, что могли противопоставить ей представители белого движения, — это требование вернуться к платной, элитарной высшей школе. Например, газета «Великая Россия», выходившая под редакцией В. В. Шульгина, напечатала статью «Плата за учение». В ней утверждалось, что введение бесплатного обучения в Советской России «всех низвергает на положение нищих пролетариев». По мнению автора статьи,

среднее и особенно высшее образование не должно было предоставляться бесплатно²⁹.

В то же время белогвардейская печать отрицательно относилась к деятельности профессиональных союзов, в том числе и среди научной интеллигенции. Как неуместное и неприятное событие оценивала «Великая Россия» выступление представителя профсоюзов на торжественном заседании, посвященном годовщине Таврического института³⁰.

Перелом в военных действиях на полях Гражданской войны, укрепление Советской власти не могли не оказать влияния на позицию ученых. В деятельности Объединенного Совета намечился поворот к сотрудничеству с Советской властью. В конце 1919 года Правление Совета составило список всех квалифицированных ученых и профессоров высшей школы Петрограда, в числе 4000 человек, и представило через А. М. Горького в Совнарком³¹. Из членов Правления была организована особая комиссия в составе: С. Ф. Ольденбурга, П. С. Осадчего, В. А. Стеклова, В. Н. Тонкова и А. Е. Ферсмана³². Результатом ее работы явилась докладная записка «О судьбе русской науки и ученых». Комиссия просила Совет народных комиссаров об улучшении питания, предоставлении гарантий личной неприкосновенности ученых, создании для них нормальных жилищных условий. В результате 23 декабря 1919 года СНК, ознакомившись с проектом, издал декрет об основании специальной комиссии по улучшению быта специалистов при Совете народных комиссаров³³.

На основании этого декрета исполком Петросовета учредил Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ). В ее состав вошли: А. М. Горький, З. Г. Гринберг, М. П. Кристи, А. Л. Акатов, И. И. Манухин, С. Ф. Ольденбург, И. С. Осадчий, А. П. Данкевич, В. Н. Тонков, А. Е. Ферсман, В. М. Шимкевич и др.³⁴

Комиссии поручалась выработка мероприятий, проектов, декретов и постановлений, обеспечивающих нормальную работу ученых учреждений, а также «физическую и моральную обстановку быта ученых, необходимую для плодотворной работы»³⁵. Для работы ПетроКУБУ был выделен бывший дворец княжны Марии Павловны. Создание и деятельность ПетроКУБУ помогли

сближению Объединенного Совета с органами Советской власти, способствовали установлению доверительных и деловых отношений между ними.

С первых дней своего существования ПетроКУБУ взялось за реализацию главной задачи — продовольственной. Очевидец тех дней, профессор биологии Б. Е. Райков в своих воспоминаниях о работе комиссии рассказывает: «Была сделана перепись научных работников города. Все они были разбиты на три категории. В первую категорию вошли академики, во вторую — профессора и доктора наук, в третью — все остальные...»³⁶ На декабрь 1921 — январь 1922 года было 3000 лиц, получающих академический паек³⁷.

Нельзя не сказать о помощи, которая приходила от различных благотворительных зарубежных организаций и частных лиц. ПетроКУБУ получала посылки от Красного Креста Бельгии, Франции, Германии, Норвегии, Чехословакии, США и Прибалтийских государств³⁸. Благодаря принятым мерам удалось задержать процесс выбывания квалифицированных научных работников.

На втором месте после продовольственной проблемы стоял жилищный вопрос. В первые годы Советской власти ученые находились в полной незащищенности от различных «покушений» на их жилища, будь то уплотнение или выселение. Это объяснялось тем, что большинство вселявшихся в квартиры рабочих считали научную интеллигенцию представителями привилегированного сословия. Такие настроения искусственно поддерживал и использовал в своих интересах зарождающийся слой советских чиновников и бюрократов. Прикрываясь именем рабочего класса, они чисто механически причисляли ученых к свергнутым классам и нередко использовали это в своих корыстных интересах.

Единственной организацией, куда могли обратиться за помощью научные работники, была ПетроКУБУ. Вот только несколько примеров.

15 января 1920 года в ПетроКУБУ поступило заявление профессора Г. Ф. Ланга. В нем говорилось, что некий товарищ Гусев, называя себя начальником штаба обороны, выселил профессора из квартиры. При этом Гусев заявлял, что квартира нужна

для штаба обороны. Как показало дальнейшее расследование, квартира была нужна не для штаба обороны, а как частная жилплощадь для него и его супруги³⁹.

В еще более трудных условиях оказался преподаватель Военно-медицинской академии А. Войнич-Сапожнецкий, так как новые соседи, въехавшие в его квартиру по уплотнению, начали подавать на него необоснованные доносы в ЧК⁴⁰.

Исходя из обращений ученых, СНК 16 января 1922 года принял особое постановление «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников», которое было опубликовано в «Известиях ВЦИК»⁴¹. Согласно первому пункту этого постановления, всем работникам науки, зарегистрированным в Комиссии по улучшению быта ученых, было предоставлено право на одну дополнительную комнату сверх числа жилых комнат, причитающихся по общегражданской норме им и членам их семей, а также в исключительных случаях, с особого разрешения, комиссия предоставляла им право пользования жилплощадью для лабораторий, библиотек, коллекций и всякого рода научных занятий, необходимых по специальности⁴².

Опираясь на это постановление, с помощью народных судов, рабоче-крестьянской инспекции, Комиссия по улучшению быта ученых защищала интересы ученых в жилищном вопросе. В лице своего профсоюза ученые нашли защитника от жуликов, рвачей и спекулянтов, которые выступали в роли представителей власти на местах — квартальных надзирателей, комендантов домов, членов домоуправлений.

Деятельность профессиональных объединений научной интеллигенции принимала все более широкий характер. Для координации их усилий была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых⁴³. Кроме материально-бытовой, комиссия выполняла издательскую, медико-санитарную, юридическую, культурно-просветительскую функции. В Петрограде, Москве и других городах России создавались Дома ученых, клубы ученых, стал издаваться журнал «Наука и ее работники».

Журнал сыграл очень важную роль в объединении научных сил. Материалы, которые в нем помещались, давали представление об условиях жизни и работы ученых. Сведения не замыкались

в своей географии только на Петрограде и Москве. Журнал публиковал данные о положении ученых в Сибири, на Украине, Северном Кавказе.

Бурное развитие Комиссии по улучшению быта ученых привело к падению роли Объединенного Совета и Профессионального союза ученых деятелей Москвы. В то же время данные профсоюзные объединения научной интеллигенции продолжали строить свои отношения с Советской властью как с работодателем и отстаивать свою независимость. Большинство ученых поддерживало эту политику, считая, что ученый должен быть «аполитичен» и «нейтрален».

Отражая подобные настроения, А. М. Горький писал: «...истинная наука действительно беспартийна... основное ее стремление, главная цель — благо всего народа, счастье всего человечества»⁴⁴.

После перехода к восстановлению народного хозяйства Советское государство встало перед выбором: продолжать сотрудничество с Объединенным Советом и Профсоюзом научных деятелей Москвы или волевым решением прекратить их деятельность, воссоздав на советской платформе.

Боязнь потерять руководящие рычаги, нетерпеливость, подсознательная неприязнь к старой интеллигенции, нежелание отвечать за неудачи при проведении реформы высшей школы — все это обусловило позицию Наркомпроса по отношению к закрытию профсоюзов научной интеллигенции.

26 марта 1921 года специальная комиссия из представителей Наркомпроса, ВЦСПС и ВЧК, ознакомившись с уставом Союза научных деятелей Москвы, пришла к выводу, что данная организация представляет собой «замкнутое кастовое объединение», нарушающее декреты Советской власти и не соответствующее статусу профессиональных союзов⁴⁵. На основании материалов комиссии Политбюро ЦК РКП (б) 8 апреля 1921 года вынесло решение о роспуске Союза научных деятелей, и 26 апреля ВЦСПС и Наркомпрос закрыли его⁴⁶.

К сожалению, именно репрессивные меры реализовывались наиболее целеустремленно. В марте 1922 года, используя забастовки, прошедшие в связи с введением нового Положения о ву-

зах, регламентирующего государственное снабжение и финансирование высшей школы, Советская власть пошла на закрытие Объединенного Совета, создав подконтрольное ей профессиональное объединение научной интеллигенции⁴⁷.

Преодолеть корпоративную замкнутость профсоюзов научных работников за короткий период было невозможно. Основной причиной этого оказалось неверие ученых в социалистические идеалы и, как следствие этого, нежелание входить в систему советских профессиональных союзов. В то же время, деятельность первых независимых профсоюзов научной интеллигенции способствовала защите социально-экономических прав ученых, а также позволила вести конструктивный диалог с Советской властью во имя сохранения научного потенциала России.

Примечания

¹ *Иванов А. Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX века: общественно-политический облик // *История СССР.* 1990. № 5. С. 61.

² *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988. С. 159.

³ *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции 1917—1927 гг. М., 1980. С. 210.

⁴ *Свобода и жизнь.* 1917. 31 июля. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 25 сент. С. 3.

⁷ Там же. 1918. 28 янв. С. 2.

⁸ *Слово народа.* 1918. 11 июня. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Наш век.* 1918. 14 (1) июля. С. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 145.

¹⁵ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 6307. Оп. 3. Д. 19. Л. 6, 7.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 434. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 3. Д. 19. Л. 6.

- ¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 434. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
- ²⁰ Научный работник. 1925. № 2. С. 159.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 3. Д. 19. Л. 6.
- ²² Осваг — отдел пропаганды при Особом Совещании Деникинской армии.
- ²³ Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив Русской революции. М., 1991. Т. 1/2. С. 45—58.
- ²⁴ Культурное строительство в Сибири, 1917—1941 гг. : сб. док. Новосибирск, 1979. С. 135.
- ²⁵ Федюкин С. А. Указ. соч. С. 242.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 3. Д. 19. Л. 8.
- ²⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 265. Оп. 6. Д. 459. Л. 1.
- ²⁸ Наша Искра. 1925. № 1. С. 2.
- ²⁹ Великая Россия. 1920. 26 авг. С. 3.
- ³⁰ Там же. 1919. 18 сент.
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 3. Д. 19. Л. 7.
- ³² Там же. Л. 9.
- ³³ Декреты Советской власти. М., 1977. Т. 7. С. 427.
- ³⁴ Петроградская правда. 1920. 13 янв. С. 2.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Горький и наука. М., 1964. С. 254—255.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 75. Л. 108.
- ³⁸ Там же. Д. 1. Л. 8.
- ³⁹ Там же. Д. 61. Л. 93.
- ⁴⁰ Там же. Л. 233.
- ⁴¹ Известия ВЦИК. 1922. № 16. С. 1.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Научный работник. 1927. № 11. С. 20.
- ⁴⁴ Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 5.
- ⁴⁵ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 214.
- ⁴⁶ Работник просвещения. 1921. № 6. С. 30.
- ⁴⁷ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 217.

М. В. Ермушин

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОФСОЮЗЫ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В отечественной историографии рассматриваемая проблема затрагивалась слабо. Как правило, в исследованиях профсоюзного движения в СССР вопросы создания и деятельности профсоюзных организаций анализировались на примере рабочих¹. Работ, посвященных функционированию профессиональной организации инженерно-технической интеллигенции — Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ), сравнительно немного².

Советские историки обращали внимание на несколько аспектов работы ВМБИТ:

- 1) перевоспитание старых специалистов и их привлечение к социалистическому строительству;
 - 2) решение проблем взаимоотношений между профессиональными союзами и специалистами;
 - 3) сплочение новой инженерно-технической интеллигенции.
- При этом защита ИТР, как прямая функция профсоюзной организации инженеров, выпала из поля внимания ученых.

В 90-е годы акцент в исследованиях меняется. На первый план выходит вопрос о правовом положении инженерно-технической интеллигенции. В связи с этим более глубокому анализу подвергнута работа ВМБИТ по защите прав специалистов.

В немногочисленных работах деятельность ВМБИТ в этом направлении оценивается неоднозначно. Часть историков исходят из того, что инженерно-технические секции (ИТС) были неспособны защитить права специалистов, поскольку изначально ориентировались на проведение антиинтеллектуальной политики советского государства в отношении интеллигенции³.

© Ермушин М. В., 2012

Ермушин Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии. ermuschin@yandex.ru

Другие исследователи выделили два аспекта, в которых деятельность ВМБИТ оказалась наиболее результативной: допуск к высшему образованию детей ИТР и обеспечение инженеров и техников жильем. В то же время ими отмечается, что в обоих случаях интересы инженеров полностью реализованы не были⁴.

В целом, общее мнение современных исследователей таково, что права инженерно-технической интеллигенции остались декларацией. Если рассматривать защитную деятельность ИТС в этом контексте, то необходимо признать, что она провалилась. На наш взгляд, такой подход сильно упрощен.

Вне поля зрения исследователей остались показатели численности ВМБИТ. Поскольку защитой интересов инженерно-технической интеллигенции занимались непосредственно ИТС, то необходимо проследить время возникновения и динамику их численного состава в различных регионах. Это позволило бы определить время, с которого фактически началась защита прав инженеров со стороны профсоюзов, что важно для выяснения степени эффективности работы ВМБИТ. Кроме того, не рассматривалась роль ИТС в судебных процессах над инженерами.

Наиболее полные сведения по изучаемой проблеме отражены в документах профсоюзных организаций и органов Народного комиссариата труда. Материалы дают информацию о количестве и формах конфликтов. Сохранились протоколы некоторых судебных заседаний, переписка официальных лиц по различным делам, письма фигурантов с объяснением своих позиций, жалобы на несправедливый исход дела и т. д.

Первая организация инженерно-технической интеллигенции — Всероссийский союз инженеров (ВСИ) образован в ноябре 1917 г. Первое делегатское собрание союза прошло в Петрограде 25 ноября 1917 г. Вслед за Петроградом в начале января 1918 г. в Москве состоялось заседание I областного съезда. На нем большинство делегатов выступили с предложением превратить ВСИ в профессиональный союз инженеров. Для этого 1 декабря 1918 г. в Москве созывается конференция, на которой решение закрепляется специальным постановлением⁵. Изначально идея ИТР о создании своего профессионального органа, оформленная на чрезвычайной конференции Всероссийского союза инженеров в декабре 1918 г., не нашла поддержки у Советской власти, поскольку ВСИ

в ноябре 1917 г. выступил против нее. Да и сама идея о существовании отдельного от ВЦСПС союза была неприемлема. Пленум ВЦСПС 27 декабря 1918 г. дал следующую резолюцию: «Существование отдельного союза инженеров не допустимо». Далее были определены границы, в которых возможно существование инженерного движения: «Члены существующей корпорации инженеров переходят в соответствующие производственные союзы по их специальности, где создаются секции на общих основаниях»⁶. Тем самым власть определила рамки будущего развития профессионального движения инженерно-технической интеллигенции, в которых оно происходило в последующем. Стремление ВСИ к независимости от каких-либо государственных структур противоречило общему ходу развития профдвижения в Советской республике. Единственное, на что могла рассчитывать инженерно-техническая интеллигенция, это автономия внутри отраслевых профсоюзов.

Только когда в апреле 1919 г. в устав союза были внесены изменения в соответствии с требованием ВЦСПС, а сам он переименован во Всероссийскую ассоциацию инженеров (ВАИ), тогда Наркомюст зарегистрировал, а Совнарком утвердил создание ВАИ как научной организации⁷.

Вслед за этим весной 1919 г. при отраслевых профсоюзах стали возникать инженерно-технические секции. Первыми были образованы секции в союзе металлистов, затем в союзе текстильщиков и в Московском губотделе строителей; в 1920 г. организованы секции инженеров в союзах химиков, горняков, пищевиков. Однако, в условиях милитаризации труда и всеобщей трудовой повинности, практика организации ИТС не получила распространения. В большинстве союзов секции не были открыты. Часть ИТС позднее закрывается. Так, например, секция технических сил при Московском губотделе строителей по решению Всероссийского съезда союза строителей в 1920 г. была ликвидирована и возобновила работу только в 1921 г.⁸ Такая же судьба оказалась у ИТС текстильщиков, закрытой в 1920 г. (вновь открылась в ноябре 1925 г.) Таким образом, в период 1919—1921 гг. защита интересов инженерно-технической интеллигенции, как одна из функций ИТС, не была реализована.

Новый толчок к развитию профессиональных организаций инженерно-технической интеллигенции связан с переходом к нэпу и отказом советского правительства от применения принудительного труда. С принятием в 1922 г. нового Трудового кодекса возникли условия для защиты прав ИТР. Правительство начинает проводить политику привлечения специалистов к хозяйственному и культурному строительству. Это нашло отражение в известном постановлении Совнаркома РСФСР от 25 августа 1921 г. «О мерах к поднятию уровня инженерно-технических знаний в стране и к улучшению условий инженерно-технических работников РСФСР» и резолюции XI партийного съезда «Профсоюзы и спецы».

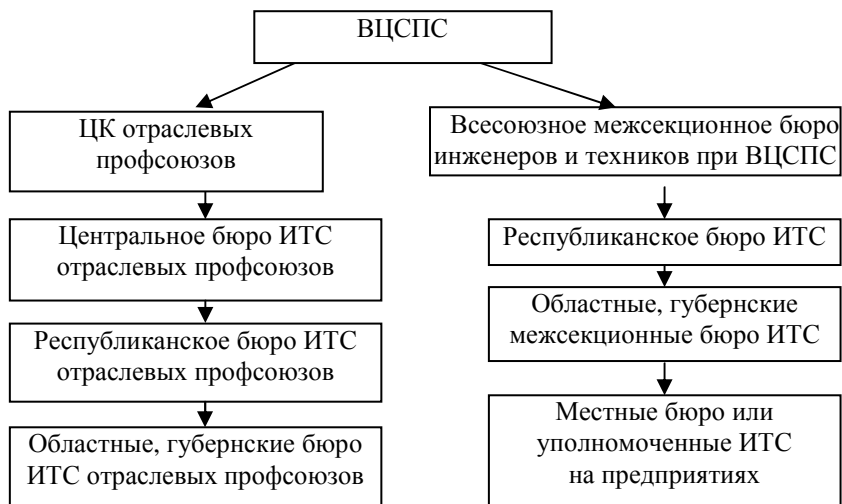
По инициативе ЦБ металлистов 17 января 1921 г. было созвано объединенное заседание центральных бюро инженерных секций. Результатом явилась резолюция, в которой постановили организовать инженерный центр при ВЦСПС⁹. Для разработки положения была создана комиссия в составе инженеров И. И. Роговина, В. Б. Леви и И. И. Орлова. В июле 1921 г. ВЦСПС, одоббив эту инициативу, принял решение о создании Инженерного центра. А в ноябре 1921 г. ВЦСПС утвердил «Положение об инженерном центре». Позднее, резолюцией V Всероссийского съезда профсоюзов в октябре 1922 г., предусматривалось обязательное создание в профессиональных союзах инженерно-технических секций, которые приравнивались к производственным секциям. До этого ИТС играли роль подсобного, консультативного органа¹⁰.

В декабре 1922 г. состоялся I Всероссийский съезд инженеров, на котором присутствовало 207 человек. Часть делегатов на съезде отстаивали принцип независимости профессионального союза инженеров. Эта идея была распространена в инженерной среде. Еще в мае 1921 г. в резолюции съезда ВАИ было записано: «Признать в отношении защиты профессиональных прав инженерства наиболее правильным решение образования самостоятельного союза инженеров с широкими задачами обслуживания инженеров»¹¹. Одновременно существовала другая точка зрения, которую высказывали некоторые отраслевые профсоюзы. Суть ее заключалась в том, чтобы ликвидировать инженерные секции и «слить» инженерство в профессиональный союз с рабочими. В конечном итоге М. П. Томский, выступая на I Всероссийском съезде инженеров, все расставил по местам. Он заявил: «Мы рас-

считаем ВАИ как научно-техническое общество Инженерного центра, и ВАИ не параллельная организация Инженерного центра, это не профсоюзная организация»¹². В резолюции съезда было записано, что «профессионально-производственное положение инженерно-технических сил не может рассматриваться независимо от общих задач профессионального движения»¹³. Таким образом, был достигнут временный компромисс между различными позициями. ВМБИТ, с одной стороны, получало автономию (статус отдела ВЦСПС), с другой — было включено в структуру ВЦСПС. Тем не менее, на протяжении 20-х годов инженерами неоднократно выражалось желание независимости своей организации.

В процессе работы по организации I Всероссийского съезда инженеров возникла необходимость в создании губернских инженерных центров при губпрофсоветах. Инженерный центр разработал и направил в ВЦСПС проект положения о губернских межсекционных объединениях. Президиум ВЦСПС его утвердил и рекомендовал губпрофсоветам содействовать их созданию¹⁴.

Схематически структуру ВМБИТ можно представить следующим образом.

Подобная структура позволяла инкорпорировать ИТС в систему ВЦСПС, закреплялся принцип двойного подчинения по союзному и территориальному признаку. Несмотря на кажущуюся

двойственность, на практике все замыкалось на ВЦСПС. Таким образом, создавалась четкая вертикаль власти.

Губернские межсекционные бюро (ГМБИТ) стали образовываться с 1922 г. В декабре их было всего 5, в июне 1923 г. — 23, а к 23 февраля 1924 г. — 47¹⁵. При организации ГМБИТ, за редким исключением, особых трудностей не встречалось. Иногда, как это было в Москве, Губернские союзы профессиональных союзов возражали против создания бюро и всячески противодействовали этому. В Москве только после издания специального постановления ВЦСПС в 1924 г. было создано ГМБИТ¹⁶.

Численный состав ГМБИТ быстро рос. Так, в Ярославском ГМБИТ на декабрь 1923 г. состояло 177 человек, а во втором полугодии 1924 г. — 535 человек. В Иваново-Вознесенском ГМБИТ в марте 1924 г. насчитывалось 383 члена, а в декабре уже 557. В Калужском ГМБИТ на 1 апреля 1924 г. состояло 118 ИТР, к 1 июля — 124¹⁷. За несколько месяцев прирост составлял от 7 % до 67 %. Всего по стране в 1924 г. насчитывалось 360 инженерных секций. Их численность выросла с 10 000 в 1922 г. до 23 300 в 1924 г.¹⁸

Однако выявить процент инженеров и техников, входивших в ИТС, достаточно сложно. Это связано с определением численности ИТР в целом.

Подсчеты также осложняются тем, что в отраслевых профсоюзах по-разному решался вопрос о членстве в ИТС. В союзе металлистов ИТС объединяла наиболее квалифицированный технический персонал, то есть лиц с высшим техническим образованием и выполняющих инженерную работу. В союзе текстильщиков в ИТС включались не только инженеры, но и практики, и др.¹⁹ В одних профсоюзах членство в ИТС было обязательным, в других — добровольным.

В табл. 1 приведены сведения о ИТР, зарегистрированных подотделами учета и распределения технических сил Губернскими отделами труда в первом полугодии 1924 г., и данные о количестве членов ГМБИТ пяти губерний Центрального промышленного района²⁰.

Как видно из таблицы, 20,42 % (3163 чел.) от общего числа инженерно-технических работников рассматриваемых губерний являлись членами союза. Из них 1285 (40,63 %) имели высшее образование и 995 (31,45 %) — среднее, что вместе составляет

14,72 % от общего количества ИТР. Таким образом, большая часть инженерно-технической интеллигенции в приведенных губерниях находилась вне ВМБИТ.

Таблица 1

**Данные о ИТР и членах ГМБИТ
Центрального промышленного района**

Губерния	ИТР			Члены ГМБИТ		
	Образование	Кол-во	%	Кол-во	в % по образованию	%
Ярославская (без Рыбинского УМБИТ)	Высшее	295	29,67			
	Среднее	211	21,23			
	Низшее, практики	488	49,1			
	Всего	994	100			
Тульская (без химической промышленно-сти)	Высшее	266	22,87	137	51,5	11,78
	Среднее	224	19,27	110	49,1	9,46
	Низшее, практики	673	57,86	59	8,76	5,07
	Всего	1163	100	306		26,31
Нижегородская	Высшее	6016	56,84	343	51,57	17,36
	Среднее	2295	21,68	302	38,08	15,28
	Низшее, практики	2273	21,48	151	29,15	7,64
	Всего	10584	100	796		40,28
Московская	Высшее	6016	56,84	690	11,46	6,52
	Среднее	2295	21,68	408	17,77	3,85
	Низшее, практики	2273	21,48	663	29,16	6,26
	Всего	10584	100	1761		16,63
Калужская (без союза Рабзем-леса)	Высшее	217	28,1	42	19,35	5,44
	Среднее	517	66,97	76	14,7	9,84
	Низшее, практики	38	4,93		Нет сведений	
	Всего	772	100	118		15,28
Всего по пяти губерниям	Высшее	7459	48,15	1285	17,22	8,29
	Среднее	4040	26,09	995	24,62	6,42
	Низшее, практики	3990	25,76	883	22,13	5,7
	Всего	15489	100	3163		20,42

На первом месте по охвату инженерно-технической интеллигенции профсоюзным движением находилась Нижегородская губерния, затем Тульская, Ярославская, Московская и Калужская губернии. В Московском регионе, несмотря на большую концентрацию ИТР, в ГМБИТ состояло незначительное количество инженеров и техников. Это объясняется тем, что здесь ГМБИТ возникло сравнительно поздно, в 1924 г., и в первом полугодии 1924 г. находилось на стадии формирования. К концу года Московское ГМБИТ с 1761 человека увеличилось до 5195 (на 33,9 %).

В других губерниях ГМБИТ образованы в период 1922—1923 годов. То есть к середине 1924 г. структура ГМБИТ в них сложилась. Поэтому приведенные показатели членства ВМБИТ в Ярославской, Тульской, Нижегородской и Калужской губерниях, на наш взгляд, могут служить неким критерием доверия инженерно-технической интеллигенции к профсоюзу. Так, в Нижегородской и Тульской губерниях более 50 % инженеров, зарегистрированных подотделами учета и распределения технических сил Губернскими отделами труда, состояли в профсоюзе. В остальных губерниях этот показатель значительно меньше — от 24,74 % в Ярославской до 11,46 % в Московской.

В 1923 г. Бюро технических сил НКТ РСФСР выявило 48 188 специалистов со средним и высшим техническим образованием. В первое полугодие 1924 г. их насчитывалось 54 100²¹. Если учесть, что численность ИТС в 1924 г. составляла 23 300 человек, то получается, что около 43 % специалистов РСФСР были охвачены профсоюзным движением.

К 1927 г. численность членов ГМБИТ значительно возрастает. В табл. 2 представлены данные об изменении количественного состава ГМБИТ в губерниях Центрального промышленного района в 1923—1927 годах.

Как видно из таблицы, в 1923—1924 годах положительная динамика охвата ИТР профсоюзами высока. В ряде регионов (Владимирской, Иваново-Вознесенской губерниях) она составляла более 200 %. К 1927 г. процент прироста членов профессиональных организаций, в отношении к предыдущему году, снижается. Его верхний показатель — 59,2 % во Владимирской губернии, нижний — 2,6 % в Калужской губернии. Это связано с тем, что к 1927 г. большая часть специалистов была охвачена профес-

сиональным движением. В 1925 г. Тверским ГМБИТ по союзу текстильщиков охвачено 98 % специалистов; строителей, горняков и коммунальщиков — 100 %. К концу 1926 г. в Тверской губернии вне профсоюзов находилось 15 % от общего числа ИТР²². Не вошли, главным образом, инженеры и техники, работавшие на мелких предприятиях, удаленных от Твери в Калининском, Кимрском и Весьегонском уездах, где ИТС не существовало.

Таблица 2

Численность ГМБИТ губерний Центрального промышленного района на второе полугодие 1923—1927 гг.²³

Губерния	Год образования ГМБИТ	Численность ИТР в ГМБИТ				
		1923	1924	1925	1926	1927
Владимирская	1923	122	470	594	665	1059
Иваново-Вознесенская	1922	112	383	817	1137	1215
Калужская	1923	-	124	430	644	661
Нижегородская	1922	704	796	1420	1964	2035
Тульская	1923	111	274	621	755	870
Ярославская	1923	180	535	928	1069	965
Костромская	1924	-	-	598	542	641
Московская	1924	-	5195	-	15614	16962

В декабре 1926 г. VII Всесоюзный съезд профсоюзов принял решение об обязательном членстве ИТР в инженерно-технических секциях отраслевых профсоюзов. В отчетах 1926—1927 годов губернские МБИТ Центрального промышленного района констатировали либо полное вовлечение ИТР в профсоюзную работу, либо незначительное количество оставшихся вне ее. Как видно, с полной уверенностью можно констатировать, что к 1928—1929 годам все инженерно-технические работники были включены в профессиональные организации.

Актуальной проблемой для инженерного корпуса в 20-е годы являлась правовая незащищенность на производстве. В 1926 г. ВМБИТ обследовало 20 тыс. инженеров. Выяснилось, что 135 привлечены к уголовной ответственности, из них за несоблюдение техники безопасности — 57 %, производственные ошибки — 27,4 %, злоупотребления — 15,6 %²⁴. Как видим, лидирующей являлась статья — несоблюдение техники безопасности. Владимирское ГМБИТ в 1927 г. зафиксировало между инженерами и хозяйственными органами предприятий значительное количество конфликтов, которые повлекли за собой судебное преследование²⁵. Член Президиума ВСНХ СССР А. И. Юлин приводил пример, когда на одном из заводов за три года сменилось шесть директоров. Каждый из них шел по линии «подтягивания спецов». Он же заявлял: «Я знаю заводы, где положение технического персонала лучше, но, к сожалению, не известен ни один завод, где положение было бы нормально»²⁶. Например, инспектор Наркома труда СССР, обследовавший заводы РСФСР в 1925 г., пришел к выводу, что «специалист поставлен в условия инженера для отсидки»²⁷.

Одной из причин сложившейся на предприятиях ситуации являлось отсутствие типового положения о правах и обязанностях инженерно-технического персонала на производстве. До 1927 г. они регулировались только лишь коллективным договором. Однако особенность их была такова, что администрация предприятий старалась исключить пункты о правах инженеров или не прописывать их подробно. В результате взаимоотношения руководства предприятий с инженерами и техниками складывались в ходе производственной практики и выливались в формы, которые не определялись никакими нормами²⁸. Инженеры попадали в сильную зависимость от дирекции, которая могла произвольно ухудшить или улучшить их условия работы. Зачастую инженер за любой недочет в работе или критику дирекции предприятия мог оказаться под судом. Этому способствовало отсутствие в Уголовном кодексе четкой регламентации случаев привлечения к уголовной ответственности за несоблюдение правил по технике безопасности. Имелись лишь общие нормы ответственности. Это приводило к случайности квалификации «преступлений»²⁹.

Не последнюю роль также играло и то, что на производстве на инженеров смотрели как на людей, не разделявших идеи пролетарской диктатуры, а значит, потенциально опасных. Эта мысль укреплялась тем обстоятельством, что специалисты зачастую не проявляли общественной активности, были замкнуты.

Проблема правовой защиты инженера была поднята на I Всероссийском совещании МБИТ в 1923 г. Необходимость четкого определения прав и обязанностей инженера осознавали и в ВСНХ. Несмотря на очевидность проблемы, ВСНХ приступило к ее решению только в 1925 г. после постановления ЦК ВКП (б) от 18 сентября 1925 г. «О работе специалистов», в котором охватывался широкий круг социально-правовых вопросов³⁰. ВСНХ СССР 29 марта 1926 г. циркулярно ввел типовое положение дополнительного соглашения к коллективному договору, определявшее права и обязанности технического директора, заведующего цехом и производственного мастера на предприятиях металлической и электротехнической промышленности. Осенью 1926 г. ВСНХ СССР было издано положение о правах и обязанностях технического директора комбината, заведующего производственным комбинатом и мастера текстильной промышленности³¹.

Заключение дополнительных соглашений шло с большим трудом. Главным препятствием являлась администрация предприятия. Ей было выгодно перекладывать ответственность за недочеты в работе на технический персонал. На это, как на главную причину медленного распространения дополнительных соглашений, указывают губернские бюро³². Таким образом, к 1928 г. условия для возможности судебного преследования инженера сохраняются.

В этой ситуации позиция ГМБИТ была очень важна. В октябре 1925 г. Наркомост РСФСР по представлению ВЦСПС издал циркуляр, в котором разрешал включать представителей ГМБИТ в число народных заседателей губернских судов при слушании дел ИТР. На местах при ГМБИТ, с целью проведения более объективного судебного расследования по делам инженеров, создавались бюро судебных экспертов. Они были призваны выявить причины аварии и дать профессиональную оценку действий инженера.

Вмешательство ГМБИТ в конфликты благоприятно сказалось на правовом положении инженерно-технической интелли-

генции. Так, в Тверской губернии в 1927 г. 83 % судебных дел завершились в пользу специалистов³³. В Калужской губернии этот показатель составил 75 %³⁴. В табл. 3 представлены данные о привлечении специалистов к судебной ответственности в 1927 г. по пяти губерниям Центрального промышленного района.

Таблица 3

Привлечение специалистов членов ИТС к ответственности в 1927 г.³⁵

ГМБИТ	Число конфликтов членов ИТС с хозорганами	Судебные дела	Заведенные уголовные дела от количества конфликтов, %	Техника безопасности		Ошибки на производстве		Злоупотребления	
				Осуждено	Оправдано	Осуждено	Оправдано	Осуждено	Оправдано
Московское	65	39	60	5	29	2	-	1	2
Нижегородское	27	20	74	3	3	6	5	2	1
Рязанское	15	15	100	-	3	1	11	-	-
Ярославское	13	13	100	-	6	-	2	4	1
Тульское	2	2	100	-	-	-	-	1	1
Всего	122	89	72,95	8	41	9	18	8	5

Как видно из таблицы, для специалистов значительная часть столкновений с хозяйственными органами предприятий завершалась судебным преследованием. Благодаря губернским МБИТ по 71,9 % рассмотренных дел были вынесены оправдательные приговоры.

«Шахтинское дело» стало событием, которое перечеркнуло все успехи, достигнутые бюро по защите специалистов в суде. ГПУ Северо-Кавказкого края установило связь «вредителей» и инженерных секций. Один из фигурантов «Шахтинского процесса» — инженер Ю. Н. Матов в своих показаниях указывал на

стремление «Московского центра вредителей» использовать инженерные организации (ВАИ, Центральное бюро ИТС) для подрывной деятельности³⁶. Тем самым ВМБИТ было скомпрометировано и не могло оказать помощи обвиняемым инженерам в защите на «Шахтинском процессе». Наоборот, каждая секция провела собрание, на котором резко осудили деятельность «вредителей». Все это сказалось на общей практике.

«Шахтинское дело» вызвало в регионах всплеск разоблачений «вредительской работы» специалистов. На московской фабрике им. Бабаева студент-стажер разглядел «шахтинское вредительство» в работе инженера по установке нового оборудования. На Рошальском заводе им. Косякова специалист еще только устанавливал машины, а администрация завода уже подсчитала убытки. В июне 1928 г. вскрыта «преступная бесхозяйственность» ИТР в Калужском текстильном тресте, «Кузнецкое дело» на заводе «Красный Октябрь» в Москве и др.³⁷ Зафиксированы случаи, когда нанятые ИТС эксперты отказывались выступать в суде.

Таким образом, о защите инженерно-технической интеллигенции со стороны профсоюзов можно говорить лишь с середины 20-х годов, когда инженерно-технические секции получили организационное оформление и большая часть инженеров стала их членами. Усилиями ВМБИТ был создан механизм, который позволял ИТС достаточно эффективно отстаивать права специалистов в судебных процессах. Однако «Шахтинское дело» привело к резкому снижению активности инженерно-технических секций. Страх повторения «Шахтинского процесса», подозрительность к работе ИТР фактически уничтожили предыдущие достижения ВМБИТ.

Примечания

¹ История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова и др. М., 1970. Т. 4 : Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР 1921—1937 гг. Кн. 1 : 1921—1929 гг. ; История профсоюзного движения в СССР : учеб. пособие / под ред. А. М. Панкратовой. М., 1955 ; История профсоюзов СССР (1905—1937) : учеб. пособие. М., 1977. Ч. 1 ; Петрова Л. И. Советские профсоюзы в восстановительный период, 1921—1925 гг. М., 1962 ; и др.

- ² *Пыстина Л. И.* Культурно-просветительская деятельность инженерно-технических секций профсоюзов Сибири в 1922—1928 гг. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2 ; *Она же.* Организация и первый этап деятельности инженерно-технических секций профсоюзов Сибири // Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974 ; *Халиулин Г. Г.* Партийное руководство профессиональными инженерно-техническими секциями (ИТС) в годы первой пятилетки // Из истории профессиональных организаций Кузбасса : материалы науч. конф. по истории профсоюзных организаций Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма (4—5 июня 1971 г.). Кемерово, 1972. С. 83—86 ; *Чудиновский Г. С.* О создании инженерно-технических секций профсоюзов (1921—1925 гг.) // Из опыта КПСС в социалистическом строительстве. Владимир, 1976 ; *Наумов О. В.* Массовые источники по истории формирования технической интеллигенции в СССР (1917 — середина 30-х годов) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 137—150 ; *Боровик В. Е.* Участие профсоюзов в формировании советской технической интеллигенции в восстановительный период, 1921—1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- ³ *Абрамов В. Н.* Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 — конец 30-х гг.). СПб., 1997. С. 62—63.
- ⁴ *Пыстина Л. И.* Проблемы изучения социально-правового положения технической интеллигенции в 20-е — начале 30-х годов // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1996. С. 424—426 ; *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е — начале 1930-х годов. Новосибирск, 1999. С. 74—84.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.Р. 5548. Оп. 1. Д. 3а. Л. 17.
- ⁶ Там же. Д. 1. Л. 2.
- ⁷ Там же. Д. 5 Л. 5.
- ⁸ Там же. Оп. 5. Д. 231. Л. 10.
- ⁹ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 1 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 1—3 ; Оп. 6. Д. 4. Л. 20 ; Профсоюзы СССР : док. и материалы : в 4 т. М., 1963. Т. 2. С. 323.
- ¹¹ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
- ¹² Там же. Д. 9. Л. 57.
- ¹³ Там же. Д. 6. Л. 10.
- ¹⁴ Там же. Д. 8 Л. 3, 12, 17 ; Д. 19. Л. 1, 4—19.

- ¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 4.
- ¹⁶ Второй Всесоюзный съезд инженеров — членов профсоюзов. М., 1924. С. 84.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 3. Д. 28. Л. 159, 162, 166 ; Д. 29. Л. 1, 2, 225.
- ¹⁸ Отчет ВЦСПС VI съезду профсоюзов. М., 1924. С. 409 ; Седьмой съезд профессиональных союзов : стенограф. отчет. М., 1927. С. 122.
- ¹⁹ *Боровик В. Е.* Указ. соч. С. 35.
- ²⁰ Подсчитано автором по: ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 3. Д. 39. Л. 21 ; Д. 29. Л. 1, 91 об., 140, 225, 292 ; Д. 39. Л. 1 ; Ф.А. 390. Оп. 4. Д. 1284. Л. 60 ; Д. 1292. Л. 44 ; Д. 1322. Л. 6а ; Д. 1318. Л. 3—6 ; Д. 1294. Л. 20.
- ²¹ Там же. Ф.А. 390. Оп. 4. Д. 1349.
- ²² Там же. Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 26. Л. 5 ; Оп. 5. Д. 27. Л. 85.
- ²³ Составлено автором по: ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 2. Д. 13. Л. 37, 75, 79, 80, 97, 98, 104, 168, 175, 176, 185 ; Д. 28. Л. 48, 58, 159, 166 ; Д. 29. Л. 1—2, 80, 91 ; Оп. 4. Д. 26. Л. 149 об., 262, 264 ; Д. 37. Л. 27 ; Д. 25. Л. 1 об. ; Оп. 5. Д. 34. Л. 2 ; Д. 26. Л. 46 ; Оп. 6. Д. 41. Л. 53, 119, 125, 125 об., 222.
- ²⁴ Там же. Ф.Р. 5548. Оп. 6. Д. 4. Л. 49.
- ²⁵ Там же. Д. 41. Л. 94.
- ²⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 3782. Л. 46.
- ²⁷ Там же. Л. 49.
- ²⁸ Там же. Д. 1792. Л. 15.
- ²⁹ ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 43. Л. 5—6.
- ³⁰ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967) : в 5 т. М., 1967. Т. 1 (1917—1928). С. 496.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 264. Л. 1 ; ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 6. Д. 6. Л. 42 об., 43.
- ³² ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 7. Д. 32. Л. 134.
- ³³ Там же. Оп. 6. Д. 41. Л. 227.
- ³⁴ Там же. Л. 106 об.
- ³⁵ Там же. Д. 6. Л. 44.
- ³⁶ Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2011. Кн. 1. С. 83, 521.
- ³⁷ За внешними эффектами — преступная бесхозяйственность // Торгово-промышленная газета. 1928. № 3. 22 июня. С. 4 ; ГАРФ. Ф.Р. 5548. Оп. 7. Д. 32. Л. 126, 135 об.

В. М. Кузьмина

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ
ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СЕЛЕ
В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Всеобщий трудовой энтузиазм в течение многих десятилетий поддерживался системой пропаганды и культурно-массовой просветительской работы. Они были ориентированы на максимальное освещение трудовых достижений, формирование устойчивой ценностной ориентации на труд, усердие, энтузиазм.

По мнению С. Кара-Мурзы, форсированная индустриальная модернизация немислима без коммунистической идеологии, которая позволяла манипулировать советскими гражданами ради интересов государства¹. А для того чтобы данная идеология превратилась в веру, в нее должны были поверить, а для этого необходимо было искоренить православную веру. Интеллигенция активно привлекалась к организации и участию в массовых действиях, которые, с одной стороны, являлись непосредственной формой отражения гигантского социального переворота и были орудием пропаганды, с другой — приобщали народ к искусству. Неудивительно, что в недрах этих спектаклей рождались черты новой эстетики искусства и применялись некоторые новые средства выражения.

Правительство поддержало, а интеллигенция приняла активное участие в одной кампании, которая должна была направить энергию трудового народа не только на стройки страны, но и в иные формы искусства.

© Кузьмина В. М., 2012

Кузьмина Виолетта Михайловна — кандидат исторических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета. kuzmina-violetta@yandex.ru

Художественная самодеятельность справедливо рассматривается как мощное массовое движение в области искусства². Сущность, смысл этого движения состоит в непосредственном приобщении широких слоев населения к занятиям искусством, овладению навыками художественного творчества, во внедрении творчества в повседневный быт³.

Художественная самодеятельность не представляет собою какой-то специфической и новой формы искусства, не является самостоятельным его видом; она выступает, собственно, как своеобразная форма занятий искусством, приобщения к нему, как новая форма организации масс в целях вовлечения их в художественное творчество⁴. Основная специфика этой формы состоит в том, что массы людей, профессионально занятых в различных сферах производства и обслуживания, не разрывая своих связей с производством, в то же время систематически и постоянно отдают занятиям искусством, творчеству часть своего времени и как бы получают дополнительную «художественную» специальность⁵.

Благодаря желанию интеллигенции работать с населением не только в стенах государственных учреждений культуры, но и за их пределами, было организовано большое количество кружков, клубов. Само руководство пошло по пути создания благоприятных условий для культурного просвещения масс и семейного отдыха через создание Дома Красной армии, домов и дворцов культуры, домов народного творчества.

Вслед за дворцами в Воронеже, Курске, Тамбове, Борисоглебске, Ельце, Обояни, во многих уездных городах и рабочих поселках региона открываются пролетарские клубы. В них также начали функционировать многообразные виды музыкально-художественной самодеятельности: духовые и народные оркестры, хоровые и танцевальные кружки, театрализованная живая газета «Синяя блуза», агитационно-пропагандистские концертные бригады⁶. Несмотря на многие трудности, вызванные нехваткой материальных средств, музыкальных инструментов, нот, квалифицированных организаторов самодеятельного движения и музыкально-грамотных руководителей кружков и секций, в 1920-е годы они успешно продолжали втягивать в сферу художественного творчества все большее количество тружеников заводов, фабрик,

перерабатывающей промышленности, строителей, транспортников, коммунальщиков.

С первых дней своего существования популярностью у курской публики пользовался Советский хор (90—100 человек), созданный в начале 1920-х годов. Основой его репертуара стала аранжировка революционных и русских народных песен. Хотя у курян уже имелись художественные впечатления от академического хорового пения (выступали профессиональные хоры А. А. Архангельского и Г. М. Давидовского), для большинства жителей это было открытием⁷.

В с. Царевке Кирсановского уезда (ныне Уметский район) был создан Хор любителей пения. В его репертуаре насчитывалось 45 номеров: произведения Римского-Корсакова, Даргомыжского, Шумана и других композиторов. Хор численностью в 20 человек состоял из крестьян с привлечением интеллигенции. Участники хора поставили спектакли «Праздный сон до обеда», «В чужом пиру похмелье», «Бедность не порок» и др. Газета писала: «Как играли артисты, об этом говорить не приходится, так как критиковать людей, в первый раз выступающих на подмостках, — значит убивать в них веру в себя. Достаточно того, что здание театра не вмещало всех желающих посмотреть пьесы»⁸.

Особенно результативной в этом отношении была деятельность воронежского Дома рабочей молодежи, клубов коммунистов и железнодорожников, курского Центрального пролетарского клуба, городских клубов металлистов, сахарников, строителей, кожевников, сотрудников коммунальной службы, тамбовских клубов завода «Ревтруд», железнодорожников. Рабочий класс края с завидной заинтересованностью и энтузиазмом относился к деятельности своих очагов культуры, принимал живейшее участие в работе самодеятельных кружков, секций, коллективов. Об этом красноречиво говорят, в частности, документы о деятельности тамбовского городского Пролетарского клуба, где сразу же после открытия «при огромном стечении желающих были созданы хоровой коллектив, духовой и великорусский оркестры, многочисленные музыкально-вокальные кружки». Из сохранившихся источников мы узнаем и о том, что, помимо регулярных концертных выступлений в своих помещениях, участники художественной самодеятельности губернских рабочих клубов нередко выез-

жали с содержательными музыкальными пропагандистскими программами в уездные центры и деревни региона.

В связи со значительным увеличением числа промышленных предприятий и сопутствующим ему естественным ростом рабочего класса, в конце 20-х и особенно в 30-е годы XX века музыкально-художественная самодеятельность получает широкий размах непосредственно на фабриках и заводах. Созданные и успешно функционирующие там оркестры, хоры, концертные бригады пользовались доброй славой и популярностью далеко за пределами своих трудовых коллективов. Достойный пример являл собой, в частности, духовой оркестр воронежского паровозостроительного завода им. Дзержинского, которым руководил Иван Васильевич Петров (впоследствии видный советский военный дирижер, педагог и композитор).

За любой культурно-просветительской работой стоял также прагматический интерес власти, для которой важно было заставить людей поверить в значимость индустриальной модернизации, в ее историческую необходимость, поэтому при организации изб-читален парторганы рекомендовали интеллигенции и комсомольскому активу к этому виду просвещения колхозников относиться серьезно.

Поддерживая художественную самодеятельность, представители интеллигенции Центрального Черноземья гордились своей работой в таких коллективах, как хоры народной песни колхоза «Январский перелом» Чигольского района и колхоза «Утренняя заря» Воронцовского района, ансамбль народных инструментов и хор колхоза «Хлебороб» Михайловского района, хор старинной русской народной песни колхоза «Свободный май» Гремяченского района, хоры сел Таловского района и мн. др.⁹

Именно о подобных формах работы говорилось в докладе о пятилетке развития самодеятельного искусства РСФСР от 7 июля 1930 года, в котором заключалось: «Признать правильной линией на усиление темпов развития самодеятельного искусства города и деревни как одного из возможных факторов социалистического строительства и культурной революции»¹⁰.

Центральный Комитет в ряде постановлений, принятых в период индустриальной модернизации, обращает внимание пар-

тийных организаций на необходимость широко развивать инициативу и самодеятельность трудящихся в культурной жизни. На регулярных совещаниях отдела пропаганды и агитации Обкома ВКП (б) с 1934 по 1936 год отмечалась нерешенность проблемы подготовки кадров как для городских учреждений культуры, так и для районных¹¹. Многочисленные докладные записки о состоянии политпросветработы (точнее, о ее отсутствии) «заведующему культпропотделом Обкома ВКП (б) Рысину» и нерешенность кадровых проблем в низовых организациях партии оставались без внимания со стороны руководящих органов¹² — из докладной записки районов ВКП (б) о состоянии культурно-массовой работы на селе: «Волоконовский район: кадрами не занимаются», «Долгоруковский район: нет квалифицированных работников», «Золотухинский район: имеющиеся кадры бездействуют», «Медвенский район: организация культмассовой работы со стороны РОНО как главного проводника культуры очень слаба»¹³.

Наблюдая сложившуюся ситуацию, «секретарь Обкома ВКП (б) Путнин» провел в конце 1936 года собрание инспекторов политпросветработы, заведующих домами соцкультуры, читальнями и представителями института повышения квалификации. На данном собрании был сделан вывод о том, что «кадры практически не подготовлены для работы в культурном просвещении деревни»¹⁴. Руководствуясь этими указаниями, на местах заметно усилили борьбу за возрастание активности народных масс в культурном строительстве.

После таких совещаний заметно было оживление в работе интеллигенции с творческой самодеятельностью трудящихся. В кружках художественной самодеятельности занимались сотни трудящихся, учет которым стала вести четко налаженная система государственного управления культурно-просветительской работой.

Тенденцию устойчивого роста в условиях индустриальной модернизации по всему фронту демонстрировал рост количества клубных учреждений в Курской области: в 1933 г. их было всего 636, в 1935 г. — 1195, в 1937 г. — 1862, а в 1939 г. — 2088¹⁵. Наряду с клубами в городах стали создаваться дома и дворцы культуры. 12 ноября 1929 года открылся Дом Красной армии. В Курской области в 1940 году уже было: домов культуры — 51,

изб-читален — 1172, сельских клубов — 30, колхозных клубов — 400 (по стране число клубных учреждений увеличилось с 32 тыс. в 1929 г. до 54 тыс. в 1933 г.).

Важным центром культурной жизни Рыльска стал городской клуб, для которого в 1936 году восстановили разрушенное в Гражданскую войну «большое красивое здание с колоннами»¹⁶. В клубе проводились лекции, работали драматический, музыкальный, физкультурный, шахматно-шашечный кружки¹⁷. В 1925—1927 годах в привокзальной части Курска был построен Дом культуры железнодорожников (на фундаменте разобранной Николаевской церкви Ямской слободы — постройки 1884 года)¹⁸.

Бурному развитию социалистической культуры черноземного села хорошо послужили олимпиады колхозной музыкально-художественной самодеятельности. В феврале 1930 года в Воронеже был создан Дом искусств (ДИСК), взявший на себя организацию всей работы, связанной с развитием художественной самодеятельности, заботу о приведении в единую систему многочисленных культпросветобществ¹⁹. Именно тогда в начале 1930-х годов при ДИСКе начали работу передвижные инструктивные театры, разъезжавшие по деревням с показательными программами и заодно консультирующие на местах работников изб-читален, библиотек, первых клубов, творческих кружков. Именно ДИСК стал инициатором создания сети районных домов культуры и явился основоположником методической службы в нашей области. В 1934 году реорганизация административных структур повлекла за собой преобразование методических учреждений²⁰. Так, 17 сентября был создан Дом народного творчества, правопреемником которого и является нынешний Центр народного творчества. На протяжении всех своих 70 лет, начиная с первой областной олимпиады художественной самодеятельности в 1935 году, его заботой было содействие любительскому искусству всех жанров, борьба за идейный репертуар, изучение истории и состояния народного творчества, художественных вкусов и интересов населения.

9 октября 1934 года бюро Воронежского обкома ВКП (б) приняло решение «О проведении областной олимпиады самодеятельного искусства». По существу это был первый широкий общественный смотр состояния народного творчества и массовых видов искусства в колхозах и совхозах Воронежской области, в

нем приняло участие 250 колхозников и колхозниц из 23 районов области. Концерты олимпиады выявили примечательную особенность: в репертуаре солистов, вокальных и хоровых ансамблей, исполнителей на гармонике, жалейке, цимбалах наряду с народными песнями и наигрышами значительное место заняла музыка Глинки, Чайковского, Листа, Шуберта, Шопена и других классиков. Это было одним из ярких свидетельств воодушевляющего сдвига в музыкально-духовной жизни социалистической черноземной деревни. Удостоенная премии за исполнение на цимбалах колхозница из Михайловского района М. Н. Тесля говорила: «Большое вдохновение дала мне олимпиада. Знаете что в голове теперь? Буря! Тут и хоровой кружок и струнный оркестр. Приеду домой, все переверну... Теперь нам музыки больше надо! Теперь мы раскусили, какая она — музыкальная культура!»

На всех этапах олимпиады областная партийная организация проявляла к ней неослабевающий интерес. 30 октября 1934 года состоялась встреча участников смотра со вторым секретарем обкома И. Г. Ярыгиным и заведующим отделом культуры и пропаганды ленинизма М. Н. Генкиным; присутствовали и приняли участие в беседе композитор Г. А. Сметанин, руководитель хора областного радиокомитета С. В. Попов, актер театра им. А. Кольцова А. В. Поляков. Узнав о музыкальной работе, которую ведут присутствующие в колхозной деревне, секретарь обкома подчеркнул: «Величайшее дело делают у себя на селе участники олимпиады. Оно нужно нам, как и всякая культурная работа, направленная на то, чтобы ликвидировать противоположность между городом и деревней».

Одновременно И. Г. Ярыгин и гости горячо говорили о необходимости дальнейшего развертывания музыкально-художественной самодеятельности в деревне, о более тщательном и взыскательном подборе репертуара, об усилении шефской помощи города.

Подводя итоги первой областной колхозной олимпиады, бюро Воронежского обкома ВКП (б) отметило ее как яркое свидетельство большого культурного роста самодеятельного искусства деревни и сделало важные выводы: социалистический строй создал «предпосылки для развития общественного самодеятельного искусства и массового роста талантов во всех областях ис-

кусства из колхозников и колхозниц, особенно из молодежи», «олимпиада внесла значительное оживление художественной деятельности колхозных коллективов и одиночек и явилась большим мероприятием, которое мобилизует внимание и привлекает к общественному самодеятельному искусству новые слои колхозников и колхозниц»²¹.

Правильность этих выводов полностью подтвердят вторая и третья воронежские областные совхозно-колхозные олимпиады народного творчества и художественной самодеятельности; они приобрели еще более широкий размах, продемонстрировали новые успехи самодеятельного искусства тружеников села, всевозрастающий уровень их музыкальной культуры²². «Колхозники-кружковцы, — сообщала по этому поводу местная газета, — горячо поддерживают идею организации областной олимпиады самодеятельного искусства. Они обратились в районо с просьбой провести районную олимпиаду». Инициатива тружеников курского села была поддержана и одобрена партийными органами области, и в марте 1936 года такие олимпиады состоялись. Вскоре они были организованы также во многих городах и районных центрах Тамбовской области.

Опыт воронежских олимпиад получает широкое распространение и в других областях края. К середине 1930-х годов только в одном Валуйском районе Курской области работало 10 хоровых коллективов и 15 музыкальных кружков. Именно здесь нашла заинтересованную поддержку мысль о здоровом соревновании колхозных музыкантов и певцов, о проведении в Курской области районных и областных сельских олимпиад самодеятельного искусства и народного творчества.

Житель с. Чуево Суджанского района Курской области М. Н. Сердюков, которому удалось получить музыкальное образование в одном из музыкальных техникумов, вернувшись в середине 1930-х годов в родное село, создает из местных талантливых колхозных музыкантов духовой оркестр, обучает его участников игре по нотам и успешно исполняет со своим коллективом не только марши и вальсы, но и переложения сочинений Глинки, Чайковского, Моцарта, Шопена. «Особенной любовью среди колхозников, — как отметит пресса тех лет в статье о концертных выступлениях сельских музыкантов, — пользуется Бетховен»²³.

Нечто подобное происходило и в Волоконовском районе той же Курской области. Колхозник Н. З. Кривоспицкий, самостоятельно освоив скрипку и нотную грамоту, радуется своих односельчан исполнением произведений Глинки, Чайковского, Бетховена, Шуберта, Шопена.

Особый интерес сельское население Центрального Черноземья всегда питало к сценическим видам музыкального искусства. «Художественная работа в деревне требует особого внимания к себе, ибо массы тянутся к зрелищу», — справедливо подчеркивалось в одной из резолюций Курского губернского съезда работников искусств. На сцене колхоза «Новая деревня» Шаталовского района Воронежской области в течение довольно длительного времени доставляли неподдельное эстетическое удовольствие односельчанам спектакль «малороссийской оперы» по пьесе И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка» и историко-бытовая драма Т. Г. Шевченко «Назар Стодоля»²⁴. Радовал своих слушателей и хор Липецкого овощесовхоза, поставивший оперу Соколовского «Мельник — колдун, обманщик и сват». А завоевавший хорошую репутацию хор Битюгского свеклосовхоза Лосевского района с завидным успехом знакомил тружеников села со специально написанной для колхозной самодеятельности оперой Д. С. Васильева-Буглая «Родина зовет» и оперой С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», которую коллектив чуть позже покажет в Кремле. Силами колхозных исполнителей осуществляется постановка той же «Наталки-Полтавки» на сцене Маломихайловского Дома культуры Шебекинского района Курской области²⁵.

Происходящее в духовной жизни сел и деревень Центрального Черноземья в 1930-е годы должно быть по праву отнесено к явлениям исторически примечательным²⁶. Это было поистине массовое музыкальное движение, участники которого выступали в концертах, спектаклях, приобретали музыкальные инструменты вовсе не из-за желания развлекаться, «зрелищем» заполнить досуг или украсить интерьер избы ценной покупкой. Оно являло яркий пример серьезного отношения колхозного крестьянства края к своему духовному просвещению и образованию, к овладению настоящим искусством и культурой, отчетливо обнаруживало порожденное социализмом стремление селян

приблизиться и встать на один уровень в культурном развитии с горожанами и ни в чем им не уступать.

Зримые результаты социалистической музыкально-культурной интеграции позволила увидеть наиболее полно IV Воронежская областная олимпиада художественной самодеятельности, состоявшаяся в ноябре — декабре 1938 года. К этому времени, по далеко не полным данным, в области функционировало около 1500 самодеятельных коллективов, объединявших свыше 30 тыс. участников. Проводившиеся ранее в области смотры при всей их огромной социально-культурной значимости были, как правило, демонстрацией творчества или только жителей деревень, или только заводской, профсоюзной, красноармейской самодеятельности; велика была еще разница между выступлениями сельских и городских коллективов и отдельных исполнителей. В этих условиях впервые отпала необходимость делить самодеятельное искусство на искусство города и деревни. Значение IV Воронежской областной олимпиады в том и состоит, что здесь впервые и на равных соревновались труженики колхозов и совхозов, лучшие участники художественной самодеятельности рабочих коллективов города, представители интеллигенции Воронежа и десятков районов области²⁷.

Для руководства самодеятельностью и помощи в ее организации был создан Центральный дом самодеятельного искусства, преобразованный в 1936 году во Всесоюзный дом народного творчества (с 1939 года — им. Н. К. Крупской), а с 1958 года в Центральный дом народного творчества (ЦДНТ)²⁸. В 1940-х годах дома народного творчества были организованы во всех республиках, краях и областях. С 1928 по 1938 год Дом культуры железнодорожников именовался Народным домом им. Я. Э. Рудзутака. Курский областной Дом народного творчества как центр культурно-просветительской методической службы был открыт в сентябре 1938 года при областном отделе по делам искусств. Он проводил организационно-методическую работу по развитию художественной самодеятельности на территории Курской области²⁹.

В задачу руководства народными самодеятельными коллективами входило: постоянное повышение идейно-художественного уровня репертуара, совершенствование испол-

нительского мастерства, организация образцовой учебно-воспитательной и творческой работы для всех кружков и коллективов художественной самодеятельности.

В целом, творческая интеллигенция справилась с поставленной перед ней задачей по агитации, пропаганде социалистических ценностей, нового образа жизни в условиях индустриальной модернизации благодаря активной организации самодеятельных коллективов, берущих свое начало из кружков, агитбригад и избчитален. Активная совместная деятельность партийных и хозяйственных органов, работников культуры и искусства, как в центре, так и на местах, позволила добиться значительных достижений в области индустриальной модернизации Центрального Черноземья.

Примечания

- ¹ *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2009.
- ² *Вагнер Г. К.* О соотношении народного и самодеятельного искусства // Проблемы народного искусства. М., 1982.
- ³ *Путилов Б. Н.* Фольклор и художественная самодеятельность // Фольклор и художественная самодеятельность. Л., 1968.
- ⁴ *Мавлютова Р. Ф.* Развитие Башкирской народной музыки в рамках движения художественной самодеятельности в СССР // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 2 (4). URL: http://www.hist-edu.ru/hist/book6/12_ru.php.
- ⁵ *Гудовичев В. Н.* Художественная самодеятельность. М., 1964 ; Записная книжка участника художественной самодеятельности. М., 1965.
- ⁶ *Лобова Н., Пермяк Е.* Живая театрализованная газета. М. ; Л., 1932.
- ⁷ *Лапчинский Г. И.* Государственное музыкальное строительство в СССР в 20—30-е годы : на материалах Центрального Черноземья. Воронеж, 1990. С. 57.
- ⁸ *Чеботарева Н.* На заре советской культуры // Ленинец (Тамбов). 1984. 30 июня.
- ⁹ *Кузьмина В. М.* Государственная политика в области музыкального строительства и творческая интеллигенция Центрального Черноземья // Учен. зап. Курск. гос. ун-та : электрон. журн. Курск. 2007. № 2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa19.pdf>.
- ¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 645. Оп. 1. Д. 149 (2). Л. 127. Микрофотокопия.

- ¹¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее — ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 610. Л. 18 ; Д. 584. Л. 149 ; Д. 48. Л. 33.
- ¹² Там же. Д. 48. Л. 37 ; Д. 619. Л. 23 ; Д. 620. Л. 33 (в данном деле инициалы Рысина не указаны).
- ¹³ Там же. Д. 612. Л. 14, 15, 22, 25 (в данном деле инициалы Путнина не указаны).
- ¹⁴ Там же. Д. 620. Л. 113 (в данном деле инициалы Завыленкова не указаны).
- ¹⁵ *Татарская И. Ю.* Художественная самодеятельность. URL: <http://www.mke.su/doc/HUDOZHESTVENNAYA%20SAMODEYATELNOST.html>.
- ¹⁶ Рыльск в 1920—1943 гг. URL: http://otec-ippolit.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=98.
- ¹⁷ *Чалых Н. Н.* Рыльск и духовность рьян. Рыльск, 2001. С. 119.
- ¹⁸ Курская правда. 1938. 20 сент.
- ¹⁹ Воронежский областной центр народного творчества // Культура регионов России URL: <http://www.culturemap.ru/?region=86&topic=10&subtopic=19&id=1652>.
- ²⁰ Народное творчество России. История. URL: <http://www.rusfolk.ru/root117/root117429/root117429430/root117429430493/>.
- ²¹ Тамбовская правда. 1935. 16 сент. ; Курская правда. 1936. 6 янв., 3 февр.
- ²² *Лапчинский Г. И.* Указ. соч.
- ²³ Курская правда. 1936. 1 янв.
- ²⁴ *Лапчинский Г. И.* Указ. соч.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Кузьмина В. М.* Указ. соч.
- ²⁷ *Лапчинский Г. И.* Указ. соч. С. 38—45.
- ²⁸ Художественная самодеятельность // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru>.
- ²⁹ *Манжосов А. Н.* Дорога память пройденных лет // Из истории культуры Курского края. Курск, 1995. Ч. 1. С. 102—105.

О. В. Капустина

ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Несмотря на появление большого количества публикаций, посвященных истории российской интеллигенции, ее материальное положение остается малоизученным. Основными источниками пополнения бюджета людей интеллигентных профессий, к которым, безусловно, относятся работники образования, науки и культуры, являются заработная плата и гонорары. Кроме этого, существенное значение для представителей творческих профессий имеет пенсионное обеспечение — и как обеспечение старости, и как признание государством их заслуг перед обществом.

Пенсионное обеспечение в СССР строилось исходя из строго детерминированных потребностей государства, определяемых его финансовыми возможностями. Поэтому в первые годы советской власти большое внимание уделялось раненым на фронтах гражданской войны красноармейцам, а в конце 1920-х — начале 1930-х годов — рабочим основных профессий, занятым на предприятиях, обеспечивающих индустриализацию. Пенсионное обеспечение работников просвещения, науки и культуры в СССР было также обусловлено приоритетами и потребностями Советского государства.

Первые пенсии по старости были введены в СССР в 1927 году для рабочих текстильной промышленности и несколько позже распространены на рабочих ведущих отраслей: металлургов, горняков, железнодорожников.

Работники образования, науки и культуры, безусловно, относились к служащим и соответственно получили право на пенсию, предусмотренную для этой категории советских граждан. Пенсионное обеспечение служащих строилось поэтапно. Сначала

© Капустина О. В., 2012

Капустина Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, руководитель группы оценки пенсионных прав застрахованных лиц Управления Пенсионного фонда РФ в г. Гусь-Хрустальный. 8-(49412) 31-25

оно было предоставлено ИТР, обеспечивающим работу промышленных предприятий. Речь в данном случае идет о пенсиях по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца (СПК), при этом пенсии по инвалидности и СПК были производными от пенсий по старости.

Тяжелый для Советского государства 1937 год, с точки зрения пенсионного обеспечения, для служащих оказался счастливым. 31 июля этого года Совет народных комиссаров СССР утвердил постановление ВЦСПС «Об улучшении государственного социального страхования для служащих»¹ и принял постановление «Об отмене ограничений в пенсионном обеспечении для лиц, ранее лишившихся избирательных прав»². Этими документами служащие были разделены на три категории в зависимости от значения той отрасли народного хозяйства, в которой они трудились: 1 категория — служащие, работающие под землей и на вредных работах; 2 — служащие, работающие на производстве (как в цехах, так и в конторах); 3 — работающие не на производстве, а в учреждениях и организациях. Именно к третьей категории относились научные работники, работники образования и деятели культуры.

Служащие третьей категории получили право на пенсию по старости по достижении 60 лет (мужчины) и 55 лет (женщины), если они прекратили работу (или продолжают работать) после 1 августа 1937 года и имели соответственно 25 и 20 лет трудового стажа (для сравнения: служащие первой категории получили право на пенсию в 50 и 45 лет, а второй — в 55 и 50). Названными постановлениями была определена дата 1 августа 1937 года: если к этому дню служащие и выработали необходимый стаж, и достигли требуемого законом возраста, но по тем или иным причинам оставили работу, пенсия им не назначалась. При этом для лиц, ранее лишившихся избирательных прав в связи с социальным происхождением и прошлой деятельностью (за исключением тех, кто был лишен избирательных прав по суду), ограничения в пенсионном обеспечении отменялись.

Пенсия «лишенцам» назначалась только в том случае, если они работали после 5 декабря 1936 года (день принятия Конституции). Даже дети граждан, ранее лишившихся избирательных прав, в случае их смерти не могли претендовать на пенсию за

умершего кормильца, если кормилец не работал после этой даты. Что же касается размеров пенсии, они были установлены на одном уровне с рабочими соответствующих отраслей промышленности. Служащему первой категории пенсия назначалась в размере 60 % его заработка, второй категории — 55 % заработка и третьей — 50 % заработка.

Таким образом, впервые в 1937 году советские служащие в пенсионных правах были практически полностью приравнены к рабочим. Однако данный закон не предусматривал создания в Советском Союзе системы всеобщего пенсионного обеспечения. Такая система стала складываться в стране только с середины 1950-х годов, после ввода в действие с 1 октября 1956 года закона «О государственных пенсиях в СССР»³.

Названный закон уже не разделял рабочих и служащих, а устанавливал для них общие категории. Не упоминались в законе и лишенцы, хотя, справедливости ради, нужно сказать, что пенсии не выплачивались гражданам СССР в случае нахождения их под стражей или в местах лишения свободы. По-прежнему, работники интеллигентных профессий относились к третьей — не льготной — категории и могли рассчитывать на пенсию в размере 50 % от заработка. Минимальная пенсия по старости в 1950-х годах составляла 300 (30) руб., с 1971 — 45 руб. и с 1981 г. — 50 руб. Максимальная пенсия равнялась 120 руб. (без надбавок).

К концу 1980-х годов пределом желания для многих пенсионеров было получение пенсии в размере 132 руб. Данная сумма складывалась следующим образом: 120 руб. максимальная пенсия + 12 руб. надбавка за непрерывный стаж. Для сравнения: у служащих, занятых на подземных работах и во вредных условиях труда, размеры пенсий составляли 55 % от заработка, а максимальные пенсии они получали в пределах от 140 до 160 руб.

Признанные государством причины отсутствия полного возмещения утраченного при выходе на пенсию заработка очень хорошо изложены в работе уважаемого в СССР специалиста в области социального обеспечения В. А. Ачаркана «Государственные пенсии»: «потребности пенсионеров в большинстве материальных благ и услуг меньше, чем потребности работающих. Это относится, прежде всего, к такой важнейшей статье бюджета, как расходы на питание. Меньшая подвижность пенсионеров обуславливает

более скромные потребности в одежде, обуви, белье, а также более длительный срок износа этих предметов»⁴. Таким образом, большинство советских работников просвещения и культуры получали пенсии в меньших размерах, чем рабочие и служащие, занятые в основных отраслях промышленности: на горных работах, в металлургии и металлообработке, в химическом и стекольном производствах, а также в производстве взрывчатых веществ и боеприпасов. Иначе говоря, библиотекари, заведующие научными кабинетами и клубами в случае болезни или в старости были менее обеспечены, чем проходчики, бурильщики, литейщики, стеклоделы, ткачи тканей из стекловолокна, а также мастера и старшие мастера вредных производств.

Наряду с обычным пенсионным обеспечением существовало дополнительное. Прежде всего — выслуга лет. Этот вид пенсии был основным в императорской России. Большинство государственных чиновников, как военных, так и статских, обеспечивались именно пенсиями за выслугу лет. Основное отличие таких пенсий от пенсий по старости состоит в том, что для их назначения не требуется достижение какого-либо определенного возраста, достаточно лишь выработать требуемый стаж.

В середине 1920-х годов одной из стратегических задач советского государства стала ликвидация неграмотности. С целью привлечь учительские кадры для выполнения этой задачи и удержать их на рабочих местах в течение длительного времени, для педагогов в СССР было введено пенсионное обеспечение за выслугу лет.

До революции в России был установлен двоякий срок выслуги: 25- и 35-летний. 25 лет выслуги давали право на получение половинного оклада, 35 — на полный оклад. В советском государстве для получения пенсии педагогам требовалось выработать 25 лет.

Условия назначения пенсий за выслугу лет для работников образования и первоначальный круг их получателей были определены постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 15 января 1925 года «О пенсионном обеспечении учителей I ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне»⁵. Впоследствии круг получателей таковой пенсии был расширен. Индустриализация потребовала увеличения числа квалифицированных рабо-

чих, поэтому в 1929 году право на пенсию получили все учителя городских, поселковых и сельских начальных и средних школ, преподаватели учреждений начального профессионального образования, а также работники дошкольных учреждений и библиотекари.

Первоначально педагоги могли рассчитывать на 240 руб. в год или 20 руб. в месяц. Пенсия выплачивалась им из страховых взносов, а в случае их недостатка — из дополнительных сумм по государственному бюджету. Денежные суммы учителя получали через финансовые отделы местных исполкомов без всяких вычетов. Закон 1956 года закрепил существующие нормативы: по-прежнему, пенсия педагогам устанавливалась за 25 лет выслуги. Для более точного определения права на пенсию за выслугу лет в качестве приложения к Постановлению Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года № 1397 был составлен «Перечень учреждений, организаций и должностей...» работников здравоохранения и образования⁶. Конечно же, среди работников просвещения были поименованы учителя и преподаватели, однако наравне с ними пенсионными правами пользовались директора и заведующие образовательных учреждений, а также библиотекари и работники органов народного образования. Возможно, таким образом признавалась роль последних в идеологической работе.

В современной России права руководителей учебных заведений ограничены, а работники гороно и районо вместе с библиотекарями таких прав лишены, так как сегодня основным условием для получения данной пенсии является факт постоянной работы с детьми, выполняемой в течение времени, определенного ставкой заработной платы.

Сначала пенсия за выслугу лет устанавливалась всем работникам просвещения, выработавшим необходимый стаж. Она была своеобразной прибавкой к заработной плате (эту же функцию выполняют аналогичные пенсии и сегодня). Однако к 1960-м годам задачи, связанные с ликвидацией неграмотности в СССР, в целом были решены, а педагогические вузы готовили учительские кадры в достаточном количестве. Поэтому после повышения заработной платы работникам просвещения, с 1964 года пенсии за выслугу лет стали им выплачиваться только при оставлении работы. Здесь необходимо заметить, что пенсия за выслугу лет педагогам назначалась в размере 40 % от ставки за-

рабочей платы или оклада, а не заработной платы в целом, то есть ее размер не позволял получателям вести достойный образ жизни. Соответственно количество ушедших на пенсию за выслугу лет в это время резко сократилось. Педагоги, выработавшие 25 лет необходимого для выслуги стажа, уже не обращались за пенсией, а продолжали работать до достижения пенсионного возраста, достаточного для ухода на заслуженный отдых по старости в качестве служащих третьей категории.

Особое отношение в СССР существовало и к пенсионному обеспечению писателей, композиторов, работников изобразительных искусств и науки. В соответствии с «Положением о пенсионном обеспечении работников науки», утвержденным Постановлением Совмина СССР от 28 сентября 1949 года № 4140, правом на пенсии пользовались академики, доктора и кандидаты наук, работники министерств и ведомств по научному и учебно-методическому руководству высшими учебными заведениями и лица, занимавшие выборные должности, которые перед уходом на выборные должности трудились в вузах и научных учреждениях⁷.

Научные работники имели возможность уйти на заслуженный отдых как рабочие и служащие с 60 и 55 лет, но могли рассчитывать на пенсию в размере 40 % от заработка (на 10 % меньше, чем у рабочих и служащих). Эта норма была выгодна для ученых, имеющих научные звания и занимающих высокие посты. Как сказано выше, для рабочих максимальный размер был установлен в пределах 1200 (120) руб., а для действительных членов и членов-корреспондентов академии наук 40 % брались от предельного оклада 6000 (600) руб., то есть размер пенсии составлял — 2400 (240) руб.; для профессоров и докторов наук — от предельного оклада 4000 (400) руб. — соответственно 1600 (160) руб.

Постановление 1949 года действовало до распада Советского Союза практически без изменений. Был расширен только круг претендентов на данные пенсии. Среди новых категорий: ректоры и проректоры, научные работники Высшей партийной школы, преподаватели двухгодичных партийных школ, имеющие ученые степени сотрудники издательства «Советская энциклопедия». В вышеназванном Положении было прописано и право работников советской науки на дополнительную жилплощадь.

Специфика деятельности творческих работников (членов Союзов писателей, художников и композиторов) обусловила свои правила подсчета трудового стажа. При назначении пенсий писателям, композиторам и художникам в их стаж засчитывалось все время творческой деятельности, начиная со дня опубликования первого произведения, первого публичного показа или исполнения. В 1966 году этот порядок установления пенсий был распространен и на членов Союза кинематографистов.

Пенсии творческих работников, в отличие от всех других категорий получателей пенсий, могли быть исчислены не только из заработков, но и из гонораров. Первоначально, для литературных работников, работников съемочных групп кино и телефильмов устанавливался потолок для среднего заработка, применяемого при расчете пенсии, исчисленного с учетом гонорара в 200 руб. В 1968 году (для литераторов) и в 1979 году (для кинематографистов) он был поднят до 220 руб. Предельный средний заработок для сотрудников телевидения был оставлен в пределах 200 руб.

Выделение творческих работников в отдельную, более льготную, категорию означало признание значимости их труда для социалистического строительства: выдержанные в коммунистическом духе произведения литературы и искусства должны были воспитывать в гражданах необходимые черты характера, научные работы — обеспечивать мощь советского государства.

Последний вид пенсионного обеспечения, на который могли претендовать работники интеллигентных профессий, был предназначен для наиболее выдающихся их представителей. По замыслу советского правительства, каждый гражданин, внесший исключительный вклад в строительство советского государства, имел право на персональное рассмотрение его заслуг при назначении пенсии и в случае вынесения положительного решения именовался персональным пенсионером.

Уже в конце 1920-х — начале 1930-х годов в СССР был принят целый ряд законодательных актов, определяющих пенсионные права и льготы для наиболее выдающихся деятелей советского государства. В частности, в соответствии с «Положением об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой», утвержденным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 мая 1930 года, право на персо-

нальные пенсии было установлено за исключительные заслуги перед республикой в области революционной, профессиональной и общественной деятельности, советского строительства, а также в области науки, искусства и техники⁸. Наряду с членами революционных партий (здесь следует отметить множественное число), членами общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев и лицами, удостоенными за свои героические подвиги или исключительные труды одного или нескольких орденов, установленных правительством СССР или РСФСР, правом на такое обеспечение пользовались лица, получившие от Совнаркома РСФСР звание народного артиста республики или заслуженного деятеля науки, искусства и техники. Существовали персональные пенсии союзного, республиканского и местного значения. Персональные пенсии союзного значения устанавливались Комиссией при Совете Министров СССР, республиканского — при Советах Министров союзных республик, а местного — Советами Министров автономных республик или Исполнительными комитетами краевых, областных, окружных и городских (в городах республиканского подчинения) Советов депутатов трудящихся.

Размеры персональных пенсий определялись в каждом конкретном случае в зависимости от характера и степени исключительных заслуг лица, его материальной обеспеченности и количества иждивенцев. Официально максимальный размер пенсий составлял: для персональных пенсионеров союзного значения — 2000 (200) руб., республиканского — 1200 (120) руб., местного — 600 (60) руб. К моменту распада СССР официальные максимальные нормы были подняты до 250, 160 и 140 руб. соответственно. Кроме этого, персональным пенсионерам союзного значения, имеющим партийный стаж 50 лет, ежегодно выплачивалось денежное пособие в размере двух пенсий, имеющим 30 лет партийного стажа — в размере полуторамесячной пенсии; бывшим политкаторжанам, ссыльно-поселенцам и политзаключенным при буржуазных правительствах (как членам КПСС, так и беспартийным) — в размере месячной пенсии.

Основные принципы обеспечения персональных пенсионеров были сохранены и в «Положении о персональных пенсиях», утвержденном Постановлением Совета Министров СССР от

14 ноября 1956 года № 1475⁹. Впрочем, сведений о былой многопартийности в новом нормативном акте уже не содержалось.

Размеры персональных пенсий руководителей страны и наиболее известных представителей науки и культуры, скорее всего, были больше максимума, определенного перечисленными выше нормативными актами. Косвенные сведения о существовании «персонального» подхода к каждому претенденту при учете его заслуг имеются в воспоминаниях Е. К. Лигачева: «...при Брежнев... все решала степень личного благорасположения, иными словами, вопрос о пенсионном обеспечении держался на субъективной основе»¹⁰. Однако на местном уровне персональные пенсии назначались в строгом соответствии с законодательством.

Действительно, сравнивая официально утвержденные максимальные размеры пенсий, предусмотренные для персональных пенсионеров, можно сказать, что они не слишком превышают, а в некоторых случаях равны максимальным пенсиям по старости, предусмотренным для рабочих и служащих. И здесь необходимо сказать, что назначение персональной пенсии означало приобретение высокого статуса в обществе и дополнительное получение целого пакета льгот: право на дополнительную жилую площадь, 50%-ю оплату коммунальных услуг, преимущественное право на специализированную медицинскую помощь и протезирование для самого пенсионера и членов его семьи, находящихся на его иждивении (и на супругов, не являющихся иждивенцами), 20%-ю оплату лекарств, транспортные льготы, а также право на дополнительные пособия в связи с рождением детей или в случае «особой нужды» (пожар, наводнение, тяжелое заболевание и др.). Иначе говоря, персональные пенсионеры являлись самой привилегированной частью советских пенсионеров, они имели право на дополнительные льготы, призванные компенсировать утрату прежнего, во многих случаях высокого общественного положения.

Что же касается возраста, с которого могли назначаться персональные пенсии, то первоначально он был установлен в 55 лет для мужчин и 50 лет для женщин, т. е. с пятилетним снижением, как для рабочих и служащих, занятых в тяжелых условиях труда. Однако в 1977 году это снижение было упразднено, т. е. пенсии за заслуги перед страной стали назначаться с 60 лет мужчинам и с 55 лет женщинам, как гражданам, уходящим на пенсии

на общих основаниях. Это — единственный прецедент увеличения пенсионного возраста за все время действия пенсионного Закона 1956 года. Вероятно, государство лишило заслуженных граждан одной из главных льгот по их же собственным просьбам. Практически все персональные пенсионеры занимали начальственные должности, а назначение пенсии подразумевало уход с таковых должностей на заслуженный отдых — добровольно или принудительно, как в случае с «отцами-основателями» единой пенсионной системы в СССР — Л. М. Кагановичем и Н. С. Хрущевым.

Первоначально пенсионное обеспечение по старости было введено для того, чтобы, уходя на заслуженный отдых, пенсионеры освобождали рабочие места для более молодых граждан. Впоследствии, в связи с нехваткой трудовых ресурсов, советское пенсионное законодательство стало поощрять трудовую деятельность пенсионеров. С 1960-х годов идет усиление государственной работы по привлечению пенсионеров к труду. Однако поощрялся только труд на рабочих должностях. Для этого в советском пенсионном законодательстве существовал ряд интересных ограничений: так, рабочие и младший обслуживающий персонал независимо от места работы имели возможность одновременно получать заработную плату и пенсию в пределах 300 руб. А основная масса служащих могла получать в совокупности только 150 руб. Поэтому многие служащие после назначения им пенсии уходили со своих должностей и устраивались на рабочие должности, как правило, не требующие высокой квалификации (подсобные рабочие, уборщики и т. д.). Это коснулось многих учителей. Так происходило «выдавливание» пенсионеров, относящихся к категории «служащих», с привычных мест, особенно с руководящих должностей, на более низкоквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места.

Подводя общие итоги, можно сказать, что пенсионное обеспечение работников науки, культуры и образования имело достаточно сложную структуру. Однако основная масса работников интеллигентных профессий обеспечивалась на менее выгодных условиях, чем представители рабочего класса, особенно занятые во вредных производствах. Пенсионная система осуществляла перераспределение мест работы служащих, не давая им возмож-

ности продолжать после назначения пенсий привычную деятельность, но заставляя занимать низкооплачиваемые рабочие должности, которыми пренебрегали люди помоложе. Более льготное персональное и в ряде случаев обеспечение работников культуры и высшей школы создавало элитную группу получателей таких пенсий по отношению ко всем остальным пенсионерам.

Примечания

- ¹ См.: *Усиков А. Я.* Государственное пенсионное обеспечение. М., 1939. С. 39.
- ² См.: Там же.
- ³ О государственных пенсиях : закон СССР 14 июля 1956 г. // Социальное обеспечение в СССР. М., 1960. С. 7—22.
- ⁴ *Ачаркан В. А.* Государственные пенсии. М., 1967. С. 131.
- ⁵ Собрание законодательства СССР. 1925. № 3. С. 32.
- ⁶ О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства : постановление Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 г. № 1397 // Социальное обеспечение в СССР. С. 68—74.
- ⁷ Положение о пенсионном обеспечении работников науки : постановление Совета Министров СССР от 28 сентября 1949 г. № 4140 // Там же. С. 95—99.
- ⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 25. С. 325.
- ⁹ Положение о персональных пенсиях : постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1956 г. № 1475 // Социальное обеспечение в СССР. С. 102—108.
- ¹⁰ *Лигачев Е. К.* Предостережение. М., 1999. С. 56.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(4Гем)52-283.2

А. А. Корнилов, А. А. Рогожин

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ: ВКЛАД И. Г. ФИХТЕ

Немецкий народ — один из немногих европейских народов, процесс формирования национального самосознания которого был столь долг и сопровождался столь большим количеством трудностей. Генезис национального самосознания — сложный, занимающий столетия процесс осознания представителями данной нации себя как особенной, отличной от других национальной общности с присущими ей интересами, потребностями, особенностями культуры, языка и прочими характерными чертами¹. Формирование немецкого национального самосознания было осложнено рядом исторически обусловленных факторов: вековая раздробленность на экономически независимые друг от друга княжества, отсутствие у Германии естественных границ, несов-

© Корнилов А. А., Рогожин А. А., 2012

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. region@fmo.unn.ru

Рогожин Антон Александрович — аспирант кафедры зарубежного регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. region@fmo.unn.ru

падение границ германского языкового пространства с границами страны, отсутствие на протяжении долгого времени единой столицы, конфессиональный раскол страны на преимущественно католический юг и протестантский север.

В период раздельного существования немецкого этноса, до возникновения единого государства, самосознание народных масс и политической элиты имело в основном локальный характер. Тем не менее, тенденции к формированию единого немецкого самосознания прослеживались на литературном и культурном уровне. Носителем этой культурной общности стал новый социальный слой, постепенно возникавший в течение XVIII века, — слой дворянско-буржуазной образованной элиты. Именно в среде немецкой интеллигенции стала формироваться национальная идея и национальное самосознание².

Вместе с тем у интеллектуальной элиты германских государств не существовало единой трактовки таких ключевых понятий, как «нация» и «патриотизм». Плюрализм отечеств был важной проблемой для немцев XVIII века, патриотизм мог относиться к местности, городу, отдельному государству или к Империи. Различные трактовки нации к концу XVIII века обозначали либо неполитическую общность людей, либо принадлежность к конкретному государственному формированию³. Так, в очерках истории под названием «Национальная идея в Западной Европе в Новое время» отмечается, что «радиус действия национальной идеи и национального сознания был ограничен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, несмотря на то что национальная идея играла для немецкой интеллигенции довольно значительную роль в объяснении собственного существования, она все же не преобладала. Во-вторых, эта проблема оставалась делом только и исключительно элиты. Наконец, в-третьих, немецкий вариант национальной идеи в целом оставался индифферентным к политике»⁴.

Несмотря на достаточно давнюю предысторию, идея нации как политический и мировоззренческий феномен в германских землях приобретает четко выраженные формы лишь на рубеже XVIII—XIX веков. Одной из кризисных ситуаций, ставшей толчком для развития национальной идеи, была эпоха Французской революции и Наполеоновских войн⁵. Именно она положила начало первому и во многом определяющему этапу немецкого национализма.

Именно в условиях политической и психологической неопределенности усилия немецкой интеллигенции в деле формирования немецкого самосознания сыграли одну из решающих ролей. В эту кризисную эпоху круг распространителей национальной идеи чрезвычайно расширился. В него входили философы, поэты, историки и публицисты. Особое влияние на немецкое общество оказали мысли таких представителей немецкой интеллигенции, как Э. М. Арндт, Г. Луден, Ф. Л. Ян, но наибольший вклад в дело пробуждения национального самосознания внес немецкий философ, общественный деятель, первый выборный ректор Берлинского университета Иоганн Готтлиб Фихте.

Революция во Франции 1789—1799 годов первоначально была воспринята немецкой интеллигенцией как «духовная революция», «революция идей». Наиболее известные поэты и философы — Ф. Г. Клопшток, И. К. Шиллер, И. Кант, Г. В. Гегель — оценивали Французскую революцию как начало эпохи, в которой человечество окончательно победит бесправие, тиранию и угнетение⁶. Не был исключением и И. Г. Фихте, о чем свидетельствуют две его работы, опубликованные в 1793 году, — «Востребование от государей Европы свободы мысли, которую они до сих пор подавляли» и «Исправление суждений публики о французской революции».

Контраст продемонстрированной под национальными лозунгами французской мощи и собственного политического ничтожества резко усилил интерес к национальной проблематике. Излюбленной темой дискуссий стали национальные характеры французов и немцев. Представители немецкой интеллигенции пытались объяснить себе и другим, как оказалось возможным то, что французская легкомысленная нация вдруг стала способной на героизм и военные победы, то есть на дела, которые, по их мнению, должны быть предназначены немцам⁷. Однако по мере радикализации революции и погружения Франции в кровавую гражданскую войну многие представители немецкой интеллигенции изменили отношение к ней.

Ситуация кардинально изменилась с завоеванием немецких земель Наполеоном Бонапартом. Интенсивная эксплуатация германских государств, прямо задевавшая интересы широких слоев, вызывала у немцев чувство протеста против чужеземного господ-

ства. В то же время, в германских землях происходили стремительные политические изменения: в течение трех лет, с 1803 по 1806 год, исчезло более тысячи суверенных владений, были созданы новые крупные государства, рухнула девятисотлетняя Священная Римская империя, осуществлялись либеральные реформы. Вследствие разрыва множества устоявшихся социальных, политических и психологических связей, в сознании немцев стало освобождаться место для восприятия национальной идеи. Вместе с тем ситуация была неоднозначной, поскольку обстановка интеграционного и идентификационного кризиса и чужеземного господства в той же, если не в большей степени усиливала и локальный патриотизм⁸.

И. Г. Фихте, как и большинство немецких националистов, видел в прусском государстве оплот культуры и организованной свободы. Когда Пруссия в 1806 году была разгромлена, Фихте радикально изменил свое отношение к плодам Французской революции, но от своих современников его отличало одно немаловажное обстоятельство — именно за эти годы вызрело и развилось его философское учение, плодом которого, а не только оскорбленного национального чувства, и стало его обращение к немецкой нации⁹.

Причислить И. Г. Фихте к отцам-основателям немецкой национальной идеи позволяют, прежде всего, знаменитые «Речи к немецкой нации», которые были прочитаны им в Академии наук в Берлине с 13 декабря 1807 по 23 марта 1808 года в виде курса лекций. В них он определял германскую нацию как сущность, сформированную всеми немецкоговорящими странами, невзирая на их политическую раздробленность¹⁰. Идея нации Фихте неразрывно связана с его философией истории и концепцией нравственного воспитания. Согласно Фихте, история определяется изменениями разума, в своем развитии проходящего ряд ступеней: после эпохи «разумного инстинкта», в которой люди действуют разумно, но не осознают этого и потому не являются свободными, следует эпоха «принудительного авторитета», когда разумные действия людям навязываются сверху. Это давление вызывает потребность в освобождении, реализующуюся в следующей эпохе «пустой свободы», в которой люди, освобожденные от «принудительного авторитета» и вместе с тем потерявшие «разумный ин-

стинкт», целиком находятся во власти эгоизма. Фихте называет это время «эпохой законченной греховности», поскольку действительность постпросвещенческой Европы, современником которой и считал себя Фихте, глубоко не удовлетворяла его как представителя немецкой интеллигенции. С помощью своей философии он надеялся указать путь к новым, более совершенным эпохам «разумной науки» и «разумного искусства»¹¹.

В эпоху «пустой свободы» человек, отбрасывая мировоззрение, продиктованное ему авторитетом, в силу стремления к ясному и самостоятельному пониманию, обращается к рассудку с его выработанными в целях сохранения и обеспечения индивидуального существования представлениями. Мышление и разум, таким образом, оказываются неотъемлемо причастными индивиду, а его образование становится важной задачей. Это ведет к распространению образования на все общество, возникновению средств его распространения — системы образования, печатного дела, периодической печати. Общество начинает мыслить как совокупность и результат взаимодействия индивидов, каждый из которых движим своим частным интересом, а государство представляется регулятором частных устремлений в целях наиболее эффективного удовлетворения частных интересов в целом¹².

Вследствие этого особую роль Фихте отводил воспитанию, которое должно было быть, прежде всего, нравственным, но вместе с тем национальным. Просвещение, по мнению философа, занималось лишь поверхностным развитием разума, оставляя в стороне более глубокие нравственные мотивы и побуждения человека. Прежнее воспитание было построено на себялюбии человека, доказывая ему, что и общественное благо для него выгодно. Таким образом, человек, воспитанный подобным образом, внешне хорош, но внутренне он любит только себя¹³. Выход виделся Фихте в новом нравственном и национальном воспитании. В то же время, воспитание немцев в национальном духе являлось и главным средством сохранения немецкой нации в эпоху потрясений. Только когда в людях будет утверждена настоящая любовь к нравственности и любовь к общему благу по внутреннему побуждению, станет возможной и победа над эгоизмом. И именно немцам, по мнению философа, принадлежит основная роль в выполнении этой великой задачи.

И. Г. Фихте, таким образом, отошел от занимаемой ранее космополитической позиции и устремился в направлении немецкого национализма. Согласно его ранним взглядам, в «Основе естественного права» лежит идея всеобщей воли, что ведет к идее единства всех человеческих волей в мировом сообществе. Фихте также прогнозировал создание конфедерации народов. Он полагал, что система прав может стать действительно устойчивой только вследствие учреждения мирового сообщества. Однако Фихте пришел к выводу, что идеалы Французской революции, вызвавшие его юношеский энтузиазм, были преданы Наполеоном и что немцы больше, нежели французы, годились для того, чтобы вести человечество к его цели. Именно немцы, по его мнению, как никто, подходили для усвоения принципов наукоучения, а стало быть, для просвещения человечества. Иначе говоря, Фихте полагал, что у Германии есть своя культурная миссия и эта миссия не может быть эффективно реализована без политического единства немецкого народа. Культурное и языковое единство идут вместе, и никакая культура не может быть единой и устойчивой без хребта политического единства. Вследствие этого Фихте предвкушал создание единого германского рейха, способного положить конец существующему разделению немцев на множество государств. Немецкий философ надеялся, что в Германии появится лидер, который сможет достичь этого политического объединения немцев в одно «разумное государство»¹⁴.

Начиная с четвертой лекции «Речей к немецкой нации» Фихте описывает особые качества немецкой нации, которые дают ей преимущества перед другими народами и позволяют выполнить всемирно-историческую миссию нравственного совершенствования. Согласно Фихте, народы делятся на две основные части — романские народы и германскую нацию, к которой он относит все германоязычные народы. Именно характер языка определяет, по Фихте, духовный строй народа, а следовательно, и его роль в истории¹⁵.

Немецкий язык является изначальным, глубоко природным и единственным чистым, что немаловажно, так как язык для Фихте — это не просто средство общения, в нем говорит «человеческая природа», он определяет нрав и характер народов. Из цивилизованных народов Европы, доказывал Фихте, только

немцы говорят на оригинальном языке, в то время как французы, англичане, испанцы, итальянцы, будучи, хотя бы отчасти, народами немецкого происхождения, обесмыслили свою интеллектуальную жизнь, используя чуждый им производный язык. В результате у этих народов произошло отчуждение образования и философского мышления от изначальной жизни. Романские народы могут быть лишь посредниками в передаче культурного наследия древности, но сами не способны на оригинальное культурное творчество, на него, по Фихте, способны только германцы. Подобен языку и дух таких народов, он ограничивается лишь миром явлений. Чистый же язык германоязычных народов способен проникать за оболочку явлений, передавать сверхчувственное в чувственных формах и таким образом влиять на душу, нравственность и дух народа¹⁶.

Уникальность немецкого языка и духа обеспечивает, по Фихте, своеобразие и неповторимость немцев как нации. Немцам словно передаются качества их языка: они также являются потомками «изначального народа», для которого характерно все творческое, живущее, стремящееся к свободе и совершенствованию. Однако в таком понимании «изначального народа» и сами немцы не вполне соответствовали этому идеалу. Национальное воспитание, по мысли Фихте, должно поднять немцев к большей «немецкости» и более высоким нравственным качествам, совокупность которых немецкий философ называет «характером», полагая, что «иметь характер и быть немцем, без сомнения, одно»¹⁷.

Таким образом, сосредоточившись на духовных и нравственных аспектах «немецкости», Фихте создает метафизический, идеалистический образ немца, который оторван от немецкой нации, понимаемой как общность языка, происхождения и т. д. Это доказывает его утверждение: «всё, что верит в духовность и свободу этой духовности... где бы оно ни было рождено и на каком бы языке ни говорило, нашего рода...». Однако очевидно, что главные надежды на нравственное обновление Фихте связывал все-таки с немцами, он обращался к ним в Берлинской академии наук: «...среди всех новых народов именно вы — те, в ком... заложено зерно человеческого совершенствования... если вы исчезнете, то с вами исчезнет все человечество, без надежды когда-либо возродиться»¹⁸.

В «Речах к немецкой нации» Фихте не оставляет без внимания и актуальные политические проблемы германских земель, прежде всего французское господство и перспективы единого государства. Не призывая прямо к свержению чужеземного гнета, Фихте утверждал, что в силу всемирно-исторической миссии немецкого народа его подчинение другому «не позволено». Таким образом, немцы должны сопротивляться Наполеону, подобно тому как их предки — германцы сопротивлялись господству римлян. Если немцы покорятся французам, это будет означать крушение лучших надежд человечества и его культуры¹⁹.

Фихте являлся сторонником сильного единого государства, которое должно быть подчинено нации: «Народ и отечество... выше, чем государство в обычном смысле слова, выше общественного порядка... Именно поэтому любовь к отечеству должна сама управлять государством как самая высшая... власть»²⁰. Именно государство должно было не просто воспитывать в национальном духе, но «насаждать немецкость». При этом Фихте выражал готовность ограничить личную свободу сразу в двух направлениях: по отношению к государству временно, пока и поскольку оно занимается национальным воспитанием, по отношению к нации постоянно, поскольку любовь к ней и отечеству выше личного блага.

Призыв Фихте нашел свой отклик у интеллигенции Германии, что привело к возникновению немецкого «романтического национализма», который впитал в себя результаты исследований немецкой нации своих предшественников и развил идею нации, определяющейся и находящей свое выражение через общность культуры, языка. Определения нации и этноса, данные немецкой интеллигенцией на конкретном историческом этапе, заложили основу примордиалистского подхода к анализу этничности. Это научный подход, согласно которому этничность рассматривается как изначальная и не подверженная изменениям характеристика индивида, а народ понимается как общность, возникающая на основе единства «крови и почвы»²¹.

Понимание нации у Фихте являло собой отход от идеала равноправных и равноценных наций другого представителя немецкой интеллигенции — И. Г. Гердера. Националистический

потенциал идеи об особой миссии немцев, возвышавшей их над всеми другими народами, у Фихте смягчался общечеловеческой направленностью этой миссии. Однако его идеи об «изначальном народе», как и его антисемитизм с теорией тайного еврейского «государства в государстве», представляли собой готовые формулы для идеологии радикального национализма более позднего времени, что подтвердил так называемый «ренессанс Фихте» в начале XX века, когда имя философа стало знаменем агрессивного национализма²².

Пышная, обращенная к широкой публике германофильская риторика Фихте, несомненно, содействовала не только росту национального самосознания немцев, но культивировала и национальную гордыню, при которой наличное состояние нации принималось за верх совершенства, а также содействовала формированию чувства национального превосходства. Преувеличенный же национальный пафос автора «Речей» объясняется во многом тем бедственным положением, в котором находилась немецкая нация в тот момент, желанием вернуть ей самоуважение и веру в себя²³. Фихте рисовал идеализированный образ немецкой нации, которая была консолидирована только в сознании небольшого круга немецкой интеллигенции. В реальности немцам предстоял еще очень долгий и тяжелый путь к национальному единству.

Лишь немногие философские сочинения настолько же неоднозначно были восприняты общественным мнением и настолько же сильно поляризовали его, как «Речи к немецкой нации». В доказательство отметим, что в течение XIX века эта работа выдержала в Германии более 40 переизданий, в то время как другие труды Фихте были изданы в виде Собрания сочинений за тот же период после его смерти лишь однажды. В XIX веке и в первой половине XX века в глазах общественного мнения Германии Фихте являлся одним из столпов национального самосознания. Разумеется, в 20—40-х годах его мысли были использованы теоретиками национал-социализма, которые стремились представить Фихте в качестве своего предшественника. Соответственно, после 1945 года восприятие «Речей к немецкой нации» не могло не измениться радикальным образом. Прославляемый прежде в качестве идейного вдохновителя немецкого единства, Фихте для

очень многих превратился в предтечу национал-социализма. Крайним выражением этой позиции является суждение Б. Рассела в «Истории западной философии», где он утверждает, что философия Фихте не обладает никаким научным значением и интересна только в качестве истока немецкого национализма²⁴.

Не отрицая того, что Фихте наряду с другими представителями интеллигенции Германии заложил основы не только культурного, но и политического национализма и шовинизма, следует отметить, что формирование националистических идей на данном этапе являлось защитной реакцией на международно-политическое положение немецких государств. Немецкая интеллигенция не могла предвидеть трагические последствия претворения этих идей в жизнь, ведь на момент их формирования даже объединение немецких земель в одно государство представлялось весьма сомнительным. Стремление ободрить и воодушевить немецкий народ обернулось в будущем реализацией националистических идей в самом их радикальном виде.

Осознавая опасность потерять то единственное, что объединяло немецкие земли — литературный немецкий язык, интеллигенция начала создание основ немецкой национальной идеи — превосходство немецкого языка, миф об особой роли Германии в истории человечества, противопоставляя свою культуру культурам других народов. Несомненно то, что кризисная ситуация усилила восприимчивость всех социальных слоев к национальной идее. Национальное же самосознание низших слоев общества вызывалось, в первую очередь, не позитивным идеалом немецкой нации, а враждой по отношению к французам, апелляцией не к разуму, а к эмоциям. Однако после ликвидации наполеоновской угрозы интенсивность развития национального сознания значительно уменьшилась. Такие факторы, как конфессиональный раскол, социально-культурные различия германских земель и стремление к обособленному развитию в рамках своей «малой родины» — отдельной земли, препятствовали формированию немецкого национального самосознания на данном этапе. Тем не менее, к моменту образования Германской империи в 1871 году, немцы накопили немалое количество теоретических обоснований существования немецкой нации и ее роли в истории человечества.

Примечания

- ¹ Садохин А. П. Этнология : учеб. слов. М., 2002. С. 95—96.
- ² Wehler H. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1987. Bd. 1. S. 48—50.
- ³ Национальная идея в Западной Европе в Новое время : очерки истории / отв. ред. В. Бондарчук. М., 2005. С. 404.
- ⁴ Там же. С. 406.
- ⁵ Петров И. А. Объединение Германии : историко-культурные и общественно-психологические аспекты // Междунар. ист. журн. 2000. № 9. URL: http://history.machaon.ru/all/number_09/analiti4/germany_print/index.html (дата обращения: 10.02.2011).
- ⁶ История Германии : учеб. пособие / под общ. ред. Б. Бонвеча : в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 408.
- ⁷ Национальная идея в Западной Европе... С. 406.
- ⁸ Там же. С. 407.
- ⁹ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009. С. 11.
- ¹⁰ Маклаков А. Нация и государство: конец Вестфальского мира. URL: http://dialogs.org.ua/ua/project_ua_full.php?m_id=13392 (дата обращения: 10.02.2011).
- ¹¹ Fetscher J. Johann Gotlieb Fichte // Pipers Handbuch der politischen Ideen. München ; Zurich, 1986. Bd. 4. S. 181—184.
- ¹² Фихте И. Г. Указ. соч. С. 19.
- ¹³ Fichte J. G. Fichtes Rede an die deutsche Nation. Berlin, 1912. S. 19—23.
- ¹⁴ Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М., 2004. С. 100.
- ¹⁵ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 21.
- ¹⁶ Национальная идея в Западной Европе... С. 408.
- ¹⁷ Fichte J. G. Op. cit. S. 109, 126—127, 200.
- ¹⁸ Там же. С. 127, 268.
- ¹⁹ Кон Г. Национализм: его смысл и история // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1994. № 41/42. С. 88—169.
- ²⁰ Fichte J. G. Op. cit. S. 103—104, 138.
- ²¹ Садохин А. П. Указ. соч. С. 91—96.
- ²² Национальная идея в Западной Европе... С. 411.
- ²³ Фихте И. Г. Указ. соч. С. 27.
- ²⁴ Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М., 2000. С. 657.

ББК 63.3(2)53-283.2

А. А. Веселов

**ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОЮЗОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНЦЕ XIX —
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Первые общественные организации в России появились еще во второй половине XVIII в. Именно тогда был принят первый законодательный акт, касающийся общественных организаций (обществ, товариществ, братств) — «Устав благочиния или полицейский» 1782 г. Он разрешал их создание с согласия властей. По «Уставу учебных заведений, подведомственных университетам»¹ 1804 г. получили разрешение на свое развитие общества при университетах, но дальше этого законодательная инициатива государства по общественным организациям не пошла.

Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. в Москве возникли культурно-просветительные, пожарные общества, профсоюзы, общества фабрикантов, кооперативы, Российское общество Красного Креста и т. д. По произведенным подсчетам, в Москве в этот период действовало более 63 только художественных обществ и союзов. Данная ситуация требовала четкой юридической регламентации их деятельности на законодательном уровне.

© Веселов А. А., 2012

Веселов Александр Александрович — аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва).
ostash@yandex.ru

В 1895 г. директор департамента полиции Н. Н. Сабуров указывал, что общества должны действовать «как бы под стеклян­ным колпаком»² его ведомства. Неслучайно, что в том же году в Москве официально было открыто только одно объединение творческой интеллигенции — «Общество художников историче­ской живописи». Учредителями общества стали лояльно отно­сившиеся к власти участники Первой выставки картин художни­ков исторической живописи³.

Министр внутренних дел Д. С. Сипягин 10 июня 1901 г. обратился к губернаторам, градоначальникам и обер-полицмей­стерам с секретным циркуляром № 6235 об обязательном наблю­дении за частными обществами. Он, например, закрыл «Союз взаимопомощи русских писателей», который, по его мнению, яв­лялся «приютом для разного рода сомнительных в политическом отношении лиц и источником пропаганды вредных для суще­ствующего строя идей»⁴. По этой же причине ряду обществ было отказано в регистрации. В практику вводился предварительный просмотр цензурой художественных выставок перед их публич­ным обозрением.

Правительством разрабатывались специальные законы, со­здавались административные структуры при губернских властях с целью регулирования и контроля деятельности общественных организаций. Так формировалась правовая основа их существо­вания, узаконивались возможности удовлетворения культурных потребностей интеллигенции через негосударственные организа­ции, но под «присмотром» властей.

На этом общественно-политическом фоне художественная интеллигенция оставалась тем общественным слоем, который пока еще не высказывал в открытую неприязнь к ограничению своей свободы. Союзы интеллигенции предпочитали заниматься сугубо своей творческой деятельностью.

Свое недовольство действующим законодательством худо­жественная интеллигенция в открытую начала высказывать лишь после первой русской революции 1905—1907 гг.

Формально свобода союзов была провозглашена в Манифе­сте Николая II 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании госу­дарственного порядка» и получила разработку во «Временных правилах об обществах и союзах» (4 марта 1906 г.), которые дей­

ствовали вплоть до Февральской революции. Временные правила определяли четкие границы свободы деятельности обществ и их взаимоотношения с государством. Все пункты правил были адресованы обществам, которые имели возможность вести просветительную работу имперской направленности.

Этот закон ограничивал право участия в обществах для многих категорий населения. Законом запрещались общества: «а) преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом или же угрожающие общественным спокойствию и безопасности, и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границею, если общества эти преследуют политические цели». Желаящие учредить общества должны были подать заявление губернатору или градоначальнику. Для рассмотрения данных заявлений создавались губернские (городские) по делам об обществах присутствия. Правилами 4 марта 1906 г. властям разрешалось закрывать общества или приостанавливать их деятельность. Вся внутренняя жизнь обществ жестко регламентировалась и ставилась под надзор полиции. Соединение нескольких профессиональных обществ в союз запрещалось, открытие отделений обществ ограничивалось⁵.

Этот закон вызывал резкое неприятие в среде художественной интеллигенции. Первым серьезным ее ответом стала попытка создания «Всероссийского союза деятелей изящных искусств» в Москве в 1906 г. Союз был задуман группой художников, литераторов и любителей искусства и его цель заключалась в объединении «деятелей всех изящных искусств для достижения и защиты такого правового положения, при котором в области свободного искусства будет свободно и проявление деятелей его служителей»⁶.

В организационное бюро союза вошли многие известные художники, архитекторы, композиторы, танцовщики, актер — князь А. И. Сумбатов-Южин и многие другие деятели культуры. Предполагалось, что высшим органом союза будет съезд, созываемый в Москве, а в промежутках между съездами — центральный комитет.

Инициаторы союза приняли декларацию и выработали проект устава, в котором сформулировали ближайшие цели: «Достижение надлежащего пересмотра законов страны, касающихся

области изящных искусств, и выработка проектов новых законоположений в этой области», а также «отмена цензуры на произведения искусства». Это был призыв к объединению всех творческих сил в условиях, когда государство ограничивало их свободы. «Временные правила об обществах и союзах» представители творческой интеллигенции по праву расценили как чрезвычайно жесткое ограничение своих юридических прав. В конечном итоге в регистрации союза было отказано по политическим мотивам «в связи с революционными событиями».

Еще одним серьезным шагом представителей художественной интеллигенции того времени стало открытое письмо М. В. Добужинского, К. А. Сомова, А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере в петербургской прессе под заголовком «Голос художников», в котором вновь прозвучал призыв к объединению творческой интеллигенции в условиях краха старой идеологической платформы: «В начале великого обновления страны необходимо высказаться и художникам. ... Мы призываем к объединению всех, кому дорого искусство. Надо открыто высказаться и выяснить путь, куда направить усилия»⁷.

Организирующим центром такого объединения стал художественный журнал «Золотое Руно». Он начал выходить в Москве с января 1906 г. Редактором-издателем его был представитель известной московской купеческой династии Николай Рябушинский.

Художественные выставки с самого начала стали предметом пристального внимания «Золотого Руна». Его собственная выставочная деятельность была представлена организацией в 1907 г. в Москве выставки «Голубая Роза»⁸, которая впоследствии даже дала название и художественному объединению.

Таким образом, провозглашенная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода союзов в правовом отношении не была реализована во «Временных правилах об обществах и союзах».

Необходимость замены временных правил постоянно действующим законом была высказана П. А. Столыпиным 6 марта 1907 г., когда он формулировал план деятельности своего кабинета в Государственной думе второго созыва. Столыпин признал декларативность закрепленных временными правилами свобод, в том числе свободы союзов, которые составляли материальные нормы, воплощающие в себе новые правоотношения, вытекаю-

шие из реформ последнего времени. Наряду с актами, устанавливающими свободу слова, собраний, печати, совести, неприкосновенности личности и жилищ, закон о свободе союзов закладывал нормативную базу для формирования в России правового государства, что признавалось Столыпиным одной из главных целей правительства⁹.

В проекте постоянного закона об обществах и союзах сохранялась существовавшая ранее процедура учреждения обществ: явочный порядок для обществ, не имевших устава и прав юридического лица, и регистрационный — для организаций, претендовавших на статус юридического лица. Прежней же осталась процедура закрытия общественных организаций: постановлением местного присутствия либо (для обществ с отделениями) властью министра внутренних дел.

Считая, что закрытие обществ судами уместно там, где развито правосознание и чувство законности, они утверждали, что этого нельзя сказать о России, в которой объединение в общества и союзы нередко трактуется как средство политической борьбы¹⁰.

Новым было распространение регистрационного порядка на союзы в качестве обязательного. Новизна столыпинского законопроекта об обществах и союзах по сравнению с Временными правилами заключалась в централизации контроля над общественными организациями путем образования «Главного по делам об обществах присутствия» под председательством министра внутренних дел, призванного координировать действия ведомств и учреждений в регламентации образования и деятельности обществ и союзов, разрешать спорные вопросы, возникавшие между ними, согласовывать их с общегосударственной политикой.

Главное присутствие включало в свой состав представителей МВД (департаментов общих дел, полиции и местного хозяйства), министерств юстиции, торговли и промышленности. В случае необходимости правом голоса в нем наделялись должностные лица других министерств и ведомств, не входивших в его состав, но приглашавшихся для рассмотрения касавшихся их вопросов. Директор Департамента общих дел должен был готовить дела к слушанию и представлять их присутствию¹¹.

Новым в сравнении с Временными правилами явился 3-й раздел законопроекта, регламентирующий порядок деятельности

обществ, которым предписывалось «открывать действия» в течение шести месяцев со дня легализации (ст. 39), устраивать общие собрания по месту нахождения их правлений (ст. 45) и т. д.¹²

В целом этот закон не внес принципиальных изменений в правовой механизм регламентации обществ и союзов, установленный Временными правилами. Утвердить их постоянно действующим законом не удалось в связи с происшедшей в 1911 г. гибелью П. А. Столыпина, а также с начавшейся Первой мировой войной, ориентировавшей законотворческий процесс на иные задачи.

В ходе революций 1917 г. старое законодательство прекратило свое действие, и уже 12 апреля 1917 г. Временное правительство приняло Закон об обществах и союзах, согласно которому «все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». В то же время, если деятельность общества или союза преследовала цели, запрещенные уголовным законом, предусматривалось принудительное их закрытие. Но уже через 3 месяца — 19 июля 1917 г. был издан Закон об обязательной регистрации обществ в окружных судах¹³, что, впрочем, суды отказывались делать, ссылаясь на загруженность другими делами. Сложившаяся ситуация привела художественную интеллигенцию к тому, что в интересах защиты своей деятельности актеры, музыканты, художники вынуждены были объединиться в профессиональные союзы и самостоятельно регламентировать свою деятельность с помощью уставов, правил поведения и т. д.

Однако найти какое-либо общее основание для объединения творческая интеллигенция так и не смогла фактически до 1919 г., когда постановлением сверху, административным путем, все союзы работников искусств были объединены во Всероссийский профессиональный союз работников искусств (Всерабис). Однако до объединения все профессиональные союзы действовали самостоятельно и пытались выработать свою линию действий в условиях Гражданской войны.

В годы Гражданской войны профсоюзы рабис нашли себе применение в организации благотворительных концертов и спектаклей для Красной армии, после которых руководство этих отрядов выделяло определенное количество продуктов для артистов. Это была своего рода оплата за труд. Политических лозун-

гов в этот период работники искусств не выдвигали. Вся деятельность первичных организаций союза рабис в 1918 г. сводилась к проведению регистрации деятелей культуры и поискам работы для своих членов с последующим распределением между ними скудных материальных средств, получаемых от различных первых советских и красноармейских организаций. В начальный период своей деятельности в 1918 г. союз рабис выполнял и такую функцию, как привлечение масс к искусству, организацию их художественного воспитания. С этой целью союз открывал музыкальные школы, студии, художественные мастерские, устраивал дискуссии и лекции по вопросам искусства.

В этих условиях московская художественная интеллигенция пыталась подстроиться под новую административную систему, создавая различные творческие объединения, не зависящие от рабис, в которых идеологическая составляющая при этом занимала весьма значительное место.

Так возникли союзы театральных служащих, актеров, оркестрантов, художников и др. Они были немногочисленны и поначалу не связаны между собой. На этом фоне в Москве весной 1917 г. на митинге деятелей искусств, прошедшем под председательством коллекционера М. Ф. Ходасевича, художественная интеллигенция попыталась объединиться в единый «Совет организаций художников Москвы»¹⁴. Цели и задачи этих организаций были разными по своей сути: если профсоюзы работников искусств стремились защитить всевозможными средствами право деятелей культуры на творчество, помочь им в обеспечении сносных бытовых условий жизни, получении средств к существованию, то «Совет организаций художников Москвы» не просто стремился определиться как независимая от власти организация, но и ставил цель, «чтобы никакое правительственное начинание в области искусства не проводилось без участия совета». По этой причине его деятельность была переустроена на основе профессиональных союзов (Профессиональный союз художников-живописцев Москвы, Московский профессиональный союз скульпторов-художников и др.).

Статья 16 Конституции РСФСР узаконила права рабочих и гарантии крестьянам объединяться в общества и союзы, но при этом права и возможности общественных объединений интелли-

генции и так называемых «лишенцев» (т. е. лиц, лишенных избирательных прав как бывших представителей правящего класса) были обойдены молчанием.

Вслед за этим, в 1918 г. был принят Декрет об обязательной регистрации обществ¹⁵. Незарегистрированные исполкомами Советов добровольные общества и союзы автоматически подлежали закрытию, а их имущество, оборудование и денежные счета передавались на баланс соответствующих ведомств. Именно после этого декрета перестало существовать одно из ведущих художественных объединений в дореволюционной России — «Московское художественное общество». 18 июня 1918 г. декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина МХО было закрыто, его денежные суммы, движимое и недвижимое имущество национализированы, а училище передано в ведение Наркомпроса¹⁶.

12 мая 1923 г. наркоматы юстиции, внутренних дел и просвещения утвердили совместно «Нормальный устав научных, научно-художественных и литературных обществ», в котором декларировался запрет на критику основ существующего строя¹⁷. Поэтому уже XII конференция РКП (б) в августе 1922 г. приняла резолюцию о попытке эсеро-меньшевистских и мнимо беспартийных буржуазно-интеллигентских верхов использовать легальные прикрытия «в контрреволюционных целях» и соответственно рекомендовала противопоставить буржуазному влиянию «целую систему мер агитационно-пропагандистского характера», не отказываясь и от мер репрессивных¹⁸. Именно после этого решения были высланы за границу такие видные общественные деятели, как Н. А. Бердяев, И. И. Лапшин, С. Л. Франк и др.

По подсчетам Т. П. Коржихиной, за 1922—1925 гг. в РСФСР было издано 80 государственных актов о включении почти 100 обществ в состав 70 государственных органов на уровне наркоматов¹⁹.

Данное обстоятельство хорошо прослеживается на примере общества московских художников «Бубновый валет». После 1917 г. члены «Бубнового валета» не смогли выбрать свой творческий путь в новых условиях — к кому присоединиться или против кого бороться. Это за них в 1925 г. сделала Академия художников революционной России (АХРР), заставив признать «бубнововалетцев» факт своего банкротства. На заседании АХРР

(протокол № 32 от 6.11.25 г.) его члены Г. Г. Григорьев, Перельман, Кауман, Щекотов, Н. Котов, Берингов, Машков, Белородский постановили «включить бывших “бубнововалетцев” в состав АХРР по их заявлениям на общих основаниях...»²⁰, хотя эта позиция изначально была не единственной по отношению к художникам. Секретарь АХРР Перельман тогда заявил: «“Бубновый валет” потерпел крах не только политический, но и художественный. Представители “Бубнового валета” деградировали в русском искусстве... Очень мало надежд на новое перерождение бубнововалетцев в ахрровцев. Таких случаев в истории искусств мы не знаем. АХХР не нужна мертвечина. Вхождение “Бубнового валета” в АХРР — есть, несомненно, победа АХХР, но есть победы, которые хуже всяких поражений»²¹.

В постановлении XIII съезда ВКП (б) «Об очередных задачах партийного строительства»²² была провозглашена идея превращения всех добровольных обществ в звенья политической системы государства диктатуры пролетариата.

Через 2 года после образования СССР вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними» от 9 мая 1924 г., которое указывало на необходимость предварительного согласования проектов обществ в государственных инстанциях. Это было повторением статьи аналогичного закона от 3 августа 1922 г.²³ Следующее постановление от 16 февраля 1925 г. прямо предписывало сократить число обществ, сведя их до минимума, сохранив лишь такие, как «Долой неграмотность» и оборонно-спортивные.

Со временем органы Советской власти пришли к необходимости создания аппарата управления искусством и творчеством художественной интеллигенции, что вело к сползанию государства с демократических начал, существовавших в некоторой степени в первые два—три года Советской власти, к системе командования и в этой области.

В 20-е гг. XX столетия объединения художественной интеллигенции чаще всего имели особый статус среди профессиональных союзов и соответственно конкретные цели и задачи, которые перед ними ставила партия большевиков. Законодатель-

ными актами деятельности творческой интеллигенции, их объединений, в том числе и художественной, были постановления РКП (б) и правительства, например постановление ЦИК и СНК СССР 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними»²⁴.

Таким образом, проблема законодательной регламентации деятельности общественных художественных объединений впервые в российской истории остро встала еще в конце XIX в., но не была четко выработана. В условиях новой государственной системы, при идеологическом давлении власти законодательная регламентация была фактически оформлена в совместных постановлениях ЦК партии большевиков и СНК.

Примечания

- ¹ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 2323. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 6.
- ² Там же. Оп. 5. Л. 7.
- ³ Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932): справ. по рус. искусству / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкин. СПб., 1992. С. 200.
- ⁴ ЦИАМ. Ф. 2323. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 1.
- ⁵ Там же. Ф. 2069. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 5 об.
- ⁶ Золотой век художественных объединений... С. 50.
- ⁷ Голос художников. 1906. № 1. С. 132—133.
- ⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 701. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5.
- ⁹ Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год: стенограф. отчеты. СПб., 1907. Т. 1. С. 106.
- ¹⁰ Там же. Л. 75—76.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. 1908. Д. 14. Л. 217.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 4. 1908. Д. 239. Л. 77—77 об., 121—121 об.
- ¹³ Вестник Временного правительства. 1917. 21 июля // Евреи в России: история и культура. СПб., 1995. С. 32.
- ¹⁴ Золотой век художественных объединений... С. 271.

- ¹⁵ Известия ВЦИК. 1918 г. № 142. 9 июля // Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1917—1920. М., 1920. С. 31.
- ¹⁶ Золотой век художественных объединений... С. 137—138.
- ¹⁷ *Фортунатов В. В.* Как произошло огосударствление общественных организаций в СССР // В поисках исторической истины. Л., 1990. С. 36.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 588—592.
- ¹⁹ *Коржихина Т. П.* К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата // Государственные учреждения и общественные организации СССР : история и современность. М., 1985. С. 57.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ²¹ Там же. Л. 18. об.
- ²² КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 48.
- ²³ Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 63. Ст. 626 ; 1922. № 49. Ст. 622.
- ²⁴ Там же.

ББК 63.3(2)64-283.2

В. Л. Шалбин

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В РОССИИ И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ АНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Экономические и политические преобразования, происходящие в нашей стране в последние годы, оказывают серьезное влияние на трансформацию ценностных ориентаций, переоценку социальных, экономических и политических ценностей населения, по которым, как мы предполагаем, можно судить о спонтан-

© Шалбин В. Л., 2012

Шалбин Владимир Леонидович — аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного архитектурно-строительного университета. shalbin@mail.ru

ной социальной сплоченности в обществе. В указанных условиях без знаний текущей картины согласованности и рассогласованности ценностных ориентаций общества, без определения ведущей по ценностным ориентациям социальной группы или групп и поддерживаемых ими ценностных ориентаций невозможно определить современное состояние социальной сплоченности в обществе и ценностный вектор его саморазвития и самоуправления.

Достаточно распространенным в современной России оказалось определение ее режима как олигархического, авторитарного или делегативной демократии. Это означает, что Россия ушла от своего прошлого, но значительно отличается от западных моделей демократии, что проявляется в отсутствии развитого гражданского общества и консенсуса между различными социальными группами по базовым ценностям, в неразвитости рыночных отношений, в гипертрофированной роли государства и бюрократии, ограничении роли представительных органов. При этом фрагментация общества и социальные конфликты становятся неизбежными.

Нынешнее российское общество представляется нам лишенным не только идеи социальной сплоченности, но даже и минимального общенационального единения. Структуры и ценности, скрепляющие общество в целое, стремительно размываются, что представляет собой прямую угрозу его стабильности и безопасности. Социальная сплоченность, на наш взгляд, может стать именно тем признанным руководящим принципом, который ослабит процесс дезинтеграции значимых групп и институтов, укрепит именно те структуры, в отсутствие которых в обществе открывается простор для деструктивных элементов, для выброса энергии социального хаоса и дестабилизации жизни, как это уже наблюдается два десятилетия.

Природа этических принципов любого общества, демократического в первую очередь, такова, что само оно не в состоянии воспроизводить их рациональным образом. К их числу относятся религиозные ценности и традиции, а также нравы, обычаи, политические и социальные установления. Все эти нормы управляют жизнью общества, не требуя никакого законодательного вмешательства со стороны государства. Предписывая человеку, что он

должен делать и от чего воздерживаться, они составляют наследственный культурный запас общества. С течением времени они изменяются — но лишь параллельно с накоплением исторического опыта и политическим развитием общества. Именно демократические, открытые общества более всего зависят от этих норм.

Мы можем сказать, что характер эпохи, ее культурно-ментальное пространство, статус социальных субъектов определяют заданность и моделируют характер социальных преобразований, и особенно важным становится переосмысление целостности общества, его «перекодирование» через мировоззренчески-смысловые, ценностные параметры.

Крушение официальной коммунистической идеологии в свое время привело к распаду формировавшегося десятилетиями образа социального мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Ценностный конфликт, являющийся обязательным и неизбежным компонентом радикальной трансформации структуры общественного сознания, сопровождается изменением менталитета современного российского общества, что напрямую связано с процессом социальной адаптации в новых условиях. Вместе с тем переход к обновленному обществу в значительной мере затруднен многочисленными негативными явлениями, которые накапливались в течение длительного времени и оказались сегодня на поверхности российской действительности, в результате чего стали чаще проявляться апатия и нигилизм, безответственность и агрессивность, цинизм и индивидуализм, отчужденное отношение к государству.

Современное российское общество находится в состоянии аномии, которая, по определению российских исследователей, представляет собой «отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам»¹. То есть социум, находящийся в состоянии, представляющем собой конфликт или рассогласования между «культурной» и «социальной» структурами, не способен достичь определяемых культурой целей нормальными, законными, общественно установленными средствами и побуждает к поиску

иных — девиантных — способов удовлетворения потребностей и путей адаптации к сложившейся ситуации.

Сегодня, отвечая на вопрос о том, что служит причиной слабо развитой социальной сплоченности в современном социуме, мы наталкиваемся на ряд проблем, которые принципиально мешают оптимизации социальной системы и способны помешать более глубокому раскрытию внутреннего потенциала общества. Одной из этих проблем является рост социальной изоляции в индивидуалистическом и испытывающем дефицит моральности постиндустриальном обществе.

«В социальной сфере постмодернизм соответствует обществу потребления и массмедиа (средства массовой коммуникации и информации), основные характеристики которого выглядят аморфными, размытыми и неопределенными. В нем нет четко выраженной социально-классовой структуры. Уровень потребления — главным образом материального — выступает основным критерием деления на социальные слои. Это общество всеобщего конформизма и компромисса. К нему все труднее применять понятие “народ”, поскольку последний все больше превращается в безликий “электорат”, в аморфную массу “потребителей” и “клиентов”... Постмодерный человек... склонен жить одним днем, не слишком заботясь о дне завтрашнем и тем более о далеком будущем. Главным стимулом для него становится профессиональный и финансовый успех. Причем этот успех должен прийти не в конце жизни, а как можно раньше. Ради этого постмодерный человек готов поступиться любыми принципами... Мировоззрение постмодерного человека лишено достаточно прочной опоры, потому что все формы идеологии выглядят размытыми и неопределенными... это мировоззрение можно определить как неофатализм... человек уже не воспринимает себя в качестве хозяина своей судьбы... Он понимает, что слишком много в его жизни зависит от игры случая, удачи и везения... Постмодерное общество теряет интерес к целям»².

Общее мировоззренческое, ментальное поле, пространство культуры здесь как бы мозаично, поэтому социальная трансформация не выражена надличностными субъектами (классами, нациями и т. д.), но скорее задана индивидами и их свободными

ассоциациями, с одной стороны, а с другой — определяется в значительной мере системно-организационными процессами технического, технологического, информационного плана. Наиболее четкими проявлениями социально-субъектных различий становятся такие, как «элита (политическая, прежде всего) и общество», «интеллектуалы — лица массовой культуры». Последнее является непосредственно результатом утраты нескольких функций традиционной интеллигенции и приводит к перерождению ее в новую для России группу интеллектуалов и частичному переходу бывших представителей интеллигенции в совершенно иные социальные группы (предприниматели, маргиналы)³.

Безусловно, социально-экономические изменения в России сказываются на положении всех социальных групп, но нам видится приоритетным рассмотрение именно высокоресурсных групп, одной из которых и является интеллигенция. Данная социальная группа на протяжении всей истории своего существования играла ведущую роль в социокультурном и экономическом развитии общества. К изменению интеллигенции и ее роли на рубеже XX—XXI веков привели и развитие средств массовой информации, и научно-технический прогресс. Но, прежде всего, рассуждая о социальной роли интеллигенции, необходимо обратить внимание на роль того масштабного структурного кризиса, которому, на наш взгляд, не удалось разрешиться и в настоящее время.

Изменения социальной роли интеллигенции в ходе серьезных социально-экономических потрясений выражаются в настоящее время в неспособности современной интеллигенции выполнять некоторые функции, изначально присущие данной социальной группе, а также в формировании новых требований ученых вследствие изменения социально-экономической ситуации в России.

Интеллигенция, по мнению некоторых специалистов, больше не является носителем нравственности. Она перестает преподносить образцы поведения, к которым нужно стремиться. Подавляющее большинство авторов говорит о недостаточном уровне интеллигентности у все возрастающей по численности интеллигенции, особенно технической. Интеллигентностью называют качественную характеристику, степень развития ко-

торой определяется высоким профессионализмом, широким кругозором, добросовестным отношением к труду, стремлением к постоянному совершенствованию, требовательностью к себе и окружающим⁴.

По мнению специалистов, интеллигенция утрачивает привилегию в осуществлении экспертной оценки. Она не имеет возможности контролировать средства массовой информации, Интернет, другие коммуникативные сети, деятельность политической элиты. Именно они на данном этапе развития России продуцируют эталоны оценок, образы друга и врага, стирают границы между реальными и виртуальными событиями, провоцируют общественные настроения и эмоции⁵.

Интеллигенция больше не является оппонентом власти. Исследователи отмечают гипертрофированное стремление современной интеллигенции занять место во власти. Это стремление осуждается частью научного сообщества, а также народными массами⁶.

После социально-экономической перестройки России в научном сообществе стали говорить еще об одной функции интеллигенции. На данную группу возлагаются надежды по глобальному изменению сложившегося положения. Возникает противоречивая ситуация: именно эффективное использование интеллектуального потенциала страны должно вывести Россию из кризиса, но интеллигенция не обладает необходимыми для этого качествами. «В утвердившемся сегодня рефлексивном проекте современного российского интеллигента среди традиционного набора качеств — образованности, компетентности, совестливости, духовности, культуртрегерства и т. п. почти начисто отсутствуют составляющие успешной жизни: динамизм, признание, достижение, удачливость, карьера и др.»⁷. Получается, что либо интеллигенция должна измениться, либо надеяться надо не на нее.

Вместе с тем необходимо отметить, что происходившие социальные трансформации носят революционный характер. В нашей стране имеет место нечто большее, чем смена парадигм общественного развития или «тихая» революция⁸. «Можно принять и оценку происходящих в сфере сознания процессов как цивилизационный шок. Пропагандистская замена социалистическо-

го мифа о всеобщем равенстве на миф о капитализме как обществе всеобщего благоденствия породила своеобразный посткоммунистический синдром, воплощающийся в попытках понять происходящее на основе несовместимых идеалов либерализма и коммунизма. Поэтому немалая часть общества, не привыкшая к конкуренции и плюрализму, воспринимает происходящее как нарастающий хаос и анархию»⁹. Исследователи говорят о наличии общего фона фрустрационных настроений и социальной напряженности во всех странах экс-социалистического лагеря¹⁰.

В подобных условиях не произошло смены поколений, которая должна была завершиться полной адаптацией населения (или его подавляющей части) к системе новых отношений и новой жизненной обстановке. Сложность в том, что общественное развитие и, в частности, адаптационные процессы разворачиваются весьма противоречиво. Мы можем сказать, что наблюдаем такой переломный момент возможной непредсказуемости выбора вариантов социокультурного идеала (в конечном итоге выбор всего эволюционного пути общества), который вполне может быть обозначен как момент нахождения нашего общества в точке бифуркации. Зона точки бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью — неизвестно, станет ли развитие системы хаотическим или родится новая, более упорядоченная структура, называемая диссипативной. Возможность спонтанного возникновения таких структур (порядка) из хаоса — важнейший момент процесса самоорганизации системы¹¹.

Подобного рода динамика социальных изменений типична для открытых социальных систем, способных усваивать как внутренние, так и внешние воздействия. Интенсивный обмен информацией, крайне неустойчивые, нелинейные отношения, состояние постоянной изменчивости — типичные характеристики социума, находящегося в состоянии неравновесности, причем неравновесности, ведущей не только к порядку и беспорядку, но открывающей также возможность для возникновения уникальных событий, ибо спектр возможных способов существования объектов в этом случае значительно расширяется (в сравнении с образом равновесного мира)¹².

Успешность реформирования современного российского общества в значительной мере зависит от того, насколько безболезненно населению, и интеллигенции в частности, удастся адаптироваться к условиям аномии.

Социальная система приспособляется не столько к спонтанно изменяющимся условиям среды, сколько к собственным растущим возможностям и последствиям человеческой деятельности¹³. Это обусловлено преимущественно особенностями современных адаптационных процессов, а также сложностью и феноменальным многообразием открывшихся в настоящее время вариантов приспособления индивидов к условиям современного аномического общества.

Анализируя деятельность интеллектуалов в сложившихся условиях, исследователи зачастую меряют ее старыми мерками. Интеллигенция теперь абсолютно иная, и стоит воспринимать это как неизбежный результат проведенных преобразований в стране. В настоящий момент изменение социальной роли интеллигенции выражается в неспособности данной группы быть носителем нравственности, давать экспертную оценку происходящего и критиковать власть.

Вместе с тем, говоря о роли интеллигенции в процессе консолидации российского общества, можно отметить, что исследователи возлагают большие надежды на интеллектуалов, которые благодаря своему социальному и культурному капиталу должны вывести страну из структурного кризиса и состояния аномии. Показатель степени организованности общества — не отсутствие кризисов, а грамотное управление в кризисной ситуации (управляемость кризисом). Профилактика кризиса заключается в накоплении новых потенций внутри существующей организации, внутри высокоресурсных групп. Важно помнить о том, что кризис требует не простых, а сложных решений, тех, которые ведут к возрастанию сложности системы, выводят ее на новый качественный уровень. В этой связи мы должны уделять значительное внимание увеличению функций и обязанностей интеллигенции по отношению к обществу, которые в дальнейшем могут способствовать его развитию.

Примечания

- ¹ Громов И. А., Мацкевич И. А., Семенов В. А. Западная социология. СПб., 2003. С. 531.
- ² Миронов В. В. Философия : учеб. для вузов. М., 2005. С. 304.
- ³ Осинский И. И., Добрынина М. И. Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков // СОЦИС. 2002. № 1. С. 143—146.
- ⁴ Левичева В. Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Там же. 2001. № 2. С. 57—61.
- ⁵ Там же. С. 143—146.
- ⁶ Витухин А. Специалисты для здоровой экономики. URL: <http://iv.ryazan.ru/cgi-bin/main?n=1066&m=10.html> (дата обращения: 27.02.2004).
- ⁷ Левичева В. Ф. Указ. соч. С. 57—61.
- ⁸ Белов Г. Эволюция нормативной политической системы современного российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 45—54.
- ⁹ Рукавишников В. О. Социология переходного периода // СОЦИС. 1994. № 8/9. С. 19.
- ¹⁰ Пантич Д. Конфликты ценностей в странах транзисии // СОЦИС. 1997. № 6. С. 24—36.
- ¹¹ Василькова В. В. Самоорганизация в социальной жизни // Социально-политический журнал. 1993. № 8. С. 22—28.
- ¹² Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—52.
- ¹³ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1998. С. 7.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)64-283.2

В. С. Меметов, С. М. Усманов

В ЛАБИРИНТАХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 2011 г. редакционно-издательский совет Санкт-Петербургского государственного гуманитарного университета профсоюзов в серии «Классика гуманитарной мысли» выпустил в свет труд одного из самых известных философов современной России, доктора философских наук, профессора, академика Российской академии наук Вячеслава Семеновича Степина. Книга называется «Цивилизация и культура» и представляет собой в значительной степени обобщение изысканий автора по очень широкому спектру проблем гуманитарных наук. Итоговый характер работы еще больше подчеркивается приводимыми в конце библиографическим указателем основных научных трудов академика В. С. Степина, а также хроникой главных событий его жизни и творчества.

Такая структура данного издания представляется вполне понятной и по-своему удобной для его читателей и исследователей, поскольку позволяет увидеть позицию широко известного ученого в концентрированной форме, изложенной последовательно, можно даже сказать — системно. Характерно, что сам

© Меметов В. С., Усманов С. М., 2012

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ. vs_memetov@mail.ru

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

академик В. С. Степин указывает в начале каждой главы, на основе какой из предыдущих его работ она написана. Как правило, это сочинения автора последних двух десятилетий. Однако знакомство с текстом работы «Цивилизация и культура» позволяет убедиться в том, что она отнюдь не является сборником статей. Напротив, перед нами весьма цельное произведение, впечатляющее своей основательностью, продуманностью, взвешенностью авторских формулировок.

Круг охваченных автором тем широк, и в узких рамках обзора-рецензии сложно откликнуться на все изыскания и научные разработки академика В. С. Степина, нашедшие себе место в его монографии. Но главными впечатлениями по поводу этой содержательной книги хотелось бы все-таки поделиться.

Прежде всего, обращает на себя внимание авторская трактовка цивилизационной проблематики. Напомнив читателю о существующих в науке концепциях цивилизационного развития, академик В. С. Степин вроде бы присоединяется к известной точке зрения британского историка А. Дж. Тойнби, который насчитывал более двух десятков цивилизаций в прошлом и настоящем человечества. Но В. С. Степин тут же группирует их в «два больших класса» — цивилизации традиционные и техногенные¹. Собственно, такая классификация широко известна. Она давно разработана теорией модернизации, но в ней обычно используется другая формулировка — «современное общество (modern society)». Такое терминологическое значение не случайно. И сам В. С. Степин, разумеется, упоминает «цивилизацию проекта “Модерн”».

Однако, как можно понять из его аргументации, именно техносфера составляет предмет особого внимания известного философа. И дело тут отнюдь не только в том, что В. С. Степин в конце 80-х гг. прошлого века был директором Института истории естествознания и техники АН СССР. Главное, что ученый очень хорошо чувствует эту тематику, охотно используя и достижения других исследователей².

Нам такой подход к интерпретации цивилизационного опыта представляется вполне резонным, имеющим свои выигрышные возможности. Именно этот подход позволяет академику В. С. Степину последовательно анализировать «человеческую активность», «программирующие функции культуры», «специ-

фику научного познания», «типы системных объектов», «научные онтологии» и другие проблемы. В «лабиринтах» техногенной цивилизации автор двигается очень смело и уверенно. Отмечая противоречивые последствия внедрения новых технологий в условиях глобализации, В. С. Степин делает важный вывод: «Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей. Их надо проанализировать, установить, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. Сегодня это уже не чисто абстрактные занятия, а практическая потребность определить возможные стратегии развития цивилизации»³.

Очень интересный аспект исследований академика В. С. Степина связан с его отношением к опыту советской эпохи. Надо признать — это один из самых острых и непростых вопросов нашего общественного сознания. Нельзя не заметить, что в осмыслении опыта советского времени ученый стремится быть максимально вдумчивым, тщательным в формулировках, стремясь выявить и истолковать неоднозначность и значительность пройденного пути. Это же можно обнаружить в отношении автора к идеологическим основам советской системы, да и вообще к теоретическим основам марксизма.

Как считает В. С. Степин, «нужен спокойный (насколько это возможно в наших беспокойных условиях) анализ существа теории, выяснение того, что в ней действительно рационально, что сохраняет значение для нашего времени и что переходяще»⁴. Конечно, для ученого совершенно очевидно, что «время идеологизированного, полурелигиозного отношения к марксизму уже закончилось»⁵. И все же, пожалуй, главное в трактовке наследия марксизма — это отмечаемая В. С. Степиным «глубокая связь марксистской теории с приоритетами техногенной культуры»⁶. Иначе говоря, с точки зрения ученого, марксизм не есть какая-то аномалия, какой-то глухой тупик техногенной цивилизации и культуры, он один из магистральных ее путей, впрочем только на этапе становления. В наши дни, как полагает В. С. Степин, вряд ли «какое-либо одно учение или система взглядов, сложившаяся в прошлом культурном развитии человечества, может претендовать на роль единственного истинного предвосхищения будущего»⁷.

Стоит отметить, что с особым вниманием мы подошли к главе пятой части второй рецензируемой монографии, где речь идет о взаимоотношениях интеллигенции и власти. Заметно, что автор придал этой главе особый личностный акцент. Например, он откровенно признается, что в свое время, как и подавляющая часть интеллигенции страны, симпатизировал горбачевскому проекту перестройки, в частности выдвинутой тогда новой программе КПСС, которая «была действительно социал-демократической в западном понимании и по духу, и по сути»⁸. Но теперь, «когда возникла историческая дистанция», маститый ученый признает: «Эта программа была не для России тех времен и в этом смысле была обречена, как и весь неясный в своих очертаниях проект обновления социализма»⁹.

Возвращаясь опять к проблемам интеллигенции и ее изучения — т. е. к интеллигентоведению, — мы не без чувства удовлетворения обнаружили в этой главе монографии В. С. Степина те самые *базисные подходы* к данной тематике, которые стали основополагающими за последние два десятилетия в рамках наших исследований в НИИ интеллигентоведения.

Первый из них в понимании В. С. Степина: «Интеллигент — носитель культуры не столько в смысле хранителя традиций и консервативного ее начала, сколько в том именно смысле, что он порождает новые идеи, идеалы, образцы и ценности, характеризующие развитие культуры...»¹⁰

Второй связан с характеристикой ученым «идеала интеллигента»: «Если попытаться охарактеризовать этот идеал, то он предполагает такие черты целостной личности, как высокая нравственность, интеллектуальная эрудиция, гуманизм, выражающийся не в абстрактной любви к человечеству вообще, а в доброте к людям, уважении к личности и в обостренном чувстве справедливости»¹¹. Очевидно, что здесь речь идет не только и не столько о «целостной личности», сколько о *сущностных чертах интеллигенции*.

Одна из итоговых оценок В. С. Степина, на наш взгляд, по своей точности и актуальности вполне может быть признана несомненным ориентиром современного российского интеллигентоведения: «Предлагая новые ценности и апеллируя в первую очередь к обществу, а не к власти, интеллигенция

должна проделать работу по адаптации вырабатываемых ценностей к реальным условиям российской жизни, соединяя их с традицией, а не просто декларируя их в качестве утопических проектов желаемого будущего»¹².

Согласимся также, что конец XX — начало XXI столетия сделали «вполне зыбким и неопределенным классический образ интеллигенции, сформировав многочисленный слой интеллектуалов, занятых в различных сферах умственного труда. Весь этот слой именуется интеллигенцией, но по старым, классическим меркам большинство из них “образованщина”, если выразиться словами А. И. Солженицына»¹³. Однако данный слой далеко не однороден. По мнению академика В. С. Степина, в нем есть великие, но прагматично настроенные на карьеру люди, и совсем не великие, однако умеющие делать свое дело специалисты, а также и те, кого называли и называют «пролетарии умственного труда». Согласимся, что из этого разрастающегося разнородного слоя происходит миграция во власть и в оппозицию к власти, отсюда переходят в бизнес и т. д. На наш взгляд, данный слой вряд ли стоит относить к интеллигенции. Это, скорее, разрастающийся слой интеллектуалов.

В исследовании Вячеслава Семеновича Степина наше внимание также привлекла глава «Наука и религия в техногенной культуре: возможности диалога». И здесь многие вопросы, рассматриваемые автором, представляются нам весьма актуальными и своевременными, в частности вопрос о возможности *нового типа цивилизационного развития*, выходящего за пределы техногенной цивилизации. Это связано, отмечает ученый, с «*точками роста новых ценностей*», в том числе в контексте диалога науки и религии. В этой связи В. С. Степин обращает внимание на работы некоторых современных протестантских теологов¹⁴.

Исследовательская и общественная деятельность в данном направлении весьма своевременна и значима. Однако, на наш взгляд, здесь невозможно ограничивать духовную сферу только человеческим опытом, поскольку все суждения о Боге и религиозном опыте вне понимания трансцендентности данной сферы заведомо недостаточны.

В целом монография академика Вячеслава Семеновича Степина представляется очень содержательным научным трудом, имеющим действительно междисциплинарный характер. Она написана весьма ясным и точным языком. Автор постоянно ставит проблемы, актуальные не только для нашего времени, но — скорее всего — и для будущего. Можно сказать, он готов предложить многое и следующим поколениям ученых, аспирантов, студентов, деятелей культуры, наконец — и новой генерации российской политической элиты (если она будет к тому способной). Впрочем, можно пожелать многоуважаемому ученому и самому идти дальше в своем научном поиске, открывать новые горизонты и покорять еще не взятые вершины.

Издателям же серии «Классика гуманитарной мысли» из Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов и ее научному редактору, ректору СПбГУП, академику РАО А. С. Запесоцкому хотелось бы предложить обратить внимание и на труды ученых из российской провинции, которые тоже могли бы представить интерес для читателей.

Примечания

- ¹ *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 78.
- ² Так, например, В. С. Степин делает отсылку на идеи Г. Н. Поварова об изменениях системной сложности техники в процессе исторического развития цивилизации (*Степин В. С.* Указ. соч. С. 23 и след.).
- ³ Там же. С. 274—275.
- ⁴ Там же. С. 278.
- ⁵ Там же. С. 302.
- ⁶ Там же. С. 296.
- ⁷ Там же. С. 302.
- ⁸ Там же. С. 361.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 343.
- ¹¹ Там же. С. 349.
- ¹² Там же. С. 369.
- ¹³ Там же. С. 350.
- ¹⁴ Там же. С. 258—260.

В. В. Комиссаров, А. К. Калинин

ИНТЕЛЛИГЕНТ — ЧЕЛОВЕК, НЕСУЩИЙ СВЕТ

Научные публикации, как и люди, совершенно не похожи друг на друга. Одни живут сегодняшним днем, руководствуясь конъюнктурными соображениями, а другие остаются в человеческой памяти на долгие, долгие годы. И не случайно, поскольку научные работы создают те же самые люди. Фундаментальность, академичность и глубина мысли автора не позволяют времени предать забвению продукты его эвристической деятельности.

В полной мере последнее относится к трудам выдающегося российского литературоведа, члена-корреспондента Российской академии наук, советника РАН, доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Скатова.

Совсем недавно увидело свет новое издание работ Н. Н. Скатова под общим названием «О культуре»¹. Книга открыла серию «Классика гуманитарной мысли» в издательстве Санкт-Петербургского университета профсоюзов. По замыслу издателей данная серия призвана выполнить широкую гуманитарную миссию: просвещение, воспитание культурой и приобщение к вечным ценностям. Выбор сборника трудов Н. Н. Скатова в качестве пионера серии оказался удачным. Николай Николаевич — это человек широкого гуманитарного профиля, интенсивно занимающийся вопросами истории культуры и просвещения. Его работы всегда на пульсе времени и давно известны и узким специалистам-литературоведам, и читающей публике. Примечательно, что Н. Н. Скатов — питомец провинциальной школы. И школьное, и

© Калинин А. К., Комиссаров В. В., 2012

Калинин Александр Константинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Института развития образования Ивановской области. artmotor1982@rambler.ru

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева. cosh-kin@mail.ru

высшее профессиональное образование он получил в Костроме, но сделал блистательную научную карьеру в интеллектуальной столице страны Ленинграде — Санкт-Петербурге, доказав невероятный творческий потенциал интеллигенции российской провинции. На встрече со студентами Николай Николаевич очень тепло отозвался о своих педагогах: «И тому, что поступил в Московскую аспирантуру при конкурсе 22 человека на место, я обязан своим учителям»². Его становление как исследователя пришлось на сложный, но интересный период оттепели. Сам Н. Н. Скатов справедливо относит себя к шестидесятникам, но вкладывает в это понятие нравственно-этическое содержание. «Я думаю, что поколение, которое называют шестидесятниками, сохранило ощущение необходимости моральных ценностей, — говорит ученый, — тех самых евангельских ценностей, хотя и претерпевших серьезнейшую трансформацию; в этом, как я считаю, главная заслуга моего поколения»³. Такой подход лежит в рамках нравственно-этического определения интеллигенции, что позволяет рассматривать работы Н. Н. Скатова в проблемном поле современного интеллигентоведения.

В структуре сборника отчетливо видны две сюжетные линии. Первая — специальные литературоведческие работы. Вторая — тексты научно-публицистического характера, отражающие искания автора в области социогуманитарного знания. Представленные работы невероятно разнообразны по жанрам. Здесь и выдержанные в классическом академическом стиле научные статьи, и газетные публикации, и выступления на научных конференциях, и такой редкий для научных изданий жанр, как открытые письма и материалы встреч автора со студентами Санкт-Петербургского университета профсоюзов. Столь же обширен и хронологический охват представленных в сборнике работ. Мы видим статьи начала 1970-х годов («Лирика Афанасия Фета» датируется 1972 г., «Создатель народного театра: Александр Николаевич Островский» — 1973 г.), работы предперестроечных лет («Безмерность гения: Федор Михайлович Достоевский» — 1981 г., «Литература великого “синтезиса”», «Иван Александрович Хлестаков и другие» — 1984 г.) и тексты 1990—2000-х годов. На этом обстоятельстве, возможно, не стоило бы останавливаться, но оно рисует одну характерную черту. Многим исследовате-

лям-гуманитариям на рубеже 1980—90-х годов пришлось откорректировать свою методологию, полностью или частично изменить проблематику, сменить терминологию. Однако это совершенно не касается Н. Н. Скатова. Его работы разных лет смотрятся вполне современно, органично укладываются в структуру рецензируемого сборника. Цельность представленных в книге текстов достойна монографии, созданной в рамках единого авторского плана, и может служить только доказательством высокого научного профессионализма ученого.

Исследователь делает весьма смелые суждения, что характерно и для ранних работ. Например, еще в статье 1984 года Н. Н. Скатов весьма неоднозначно оценил роль императора Николая I в судьбе и творчестве А. С. Пушкина. «Только благодаря царю “История Пугачева” увидела свет... Царь открывал Пушкину такие архивы, которые, в сущности, ни для кого и никогда не открывались...» — пишет ученый⁴. И это в те годы, когда Николай I в исторических публикациях продолжали именовать «Палкиным», а некоторые публицисты обвиняли его чуть ли не в личной подготовке убийства великих русских поэтов — Пушкина и Лермонтова. Научная смелость, сочетающаяся с высокой гражданственностью, присутствует в работах 1990—2000-х годов, где ученый проявляет свою озабоченность по поводу развития отечественной культуры, преподавания литературы в школе, введения единого государственного экзамена и многим другим вопросам.

Блистательное владение изучаемыми проблемами, проникновение в самую суть исторических процессов, внимание к мелочам (в которых, как известно, и таится дьявол) позволяют Николаю Николаевичу легко развенчивать расхожие мифы и досужие домыслы. Например, он опровергает известный тезис, что А. С. Пушкин — человек без детства, оставленный родителями, имевшими другие увлечения, на попечение няни. Н. Н. Скатов убедительно показал роль семьи и близких в воспитании великого поэта⁵. Столь же тщательно выполнены и газетные публикации, вошедшие в сборник. И в этом, казалось бы, далеко от академического стиля жанре, Николай Николаевич верен себе, тщательно работает с фактами, строго придерживается исторической правды. Примечательна статья «Черный пиар на Черной речке», впервые увидевшая свет в «Литературной газете». Из нее мы

узнаем, что Наталья Гончарова была не легкомысленной красавицей, сгубившей поэта, как принято было думать, а являлась образованной женщиной, верной женой и безутешной вдовой; что А. С. Пушкина не хоронили почти тайно, как утверждалось в ряде работ, а отпевали в придворной церкви шесть священников вместе с архимандритом; что великосветское общество отнеслось к его гибели не с равнодушием, а в подавляющем большинстве искренне скорбело, включая и членов царской семьи⁶. В другом материале из «Литературки» Н. Н. Скатов, опираясь на свои знания и профессионализм, развенчивает еще один «черный» миф. Оказывается, что няня великого Пушкина вовсе не «средних лет умная бестия, поставлявшая поэту в постель крепостных девок» и, одновременно, жертва крепостничества, как утверждает современный модный критик. «Из уст» Н. Н. Скатова мы узнаем, что в действительности хрестоматийная Арина Родионовна — старушка лет семидесяти, мать четырех собственных детей и вдова, к тому получившая вольную и добровольно воспитывавшая детей в семье бывших господ⁷.

В нашем небольшом очерке вряд ли стоит подробно рассматривать все публикации Н. Н. Скатова, которые увидели свет в этом научном издании. Акцентируем внимание, прежде всего, на интеллигентоведческом дискурсе выдающегося ученого.

Отметим главное, что наблюдается в процессе знакомства с книгой. Составителю сборника Ю. В. Зобнину, на наш взгляд, удалось системно структурировать многочисленные работы Н. Н. Скатова по критерию социокультурной проблематики. Хронология публикаций показывает переход от литературоведческих узкоспециальных вопросов к общим вопросам культуры. Этот путь характерен для многих классиков гуманитарной и естественно-технической мысли. Так развивалась научная деятельность академиков Н. Н. Моисеева, Д. С. Лихачева, А. Д. Сахарова, профессоров В. М. Межуева, А. А. Зиновьева и многих других. Обращение к их творчеству показывает, что на определенном этапе развития специалиста в какой-либо области *необходимым* становится вопрос изучения интеллигенции. Впрочем, и в ранних работах сфера научного интереса Н. Н. Скатова невероятно широка. Он обращал свои исследовательские усилия на жизнь и творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова,

Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова и других корифеев, составивших славу русской культуры. Такой широкий исследовательский охват неизбежно должен был привести к изучению теоретических и методологических вопросов истории и деятельности отечественной интеллигенции.

Проблематике интеллигенции посвящен целый пласт трудов Н. Н. Скатова. Среди них можно увидеть и эссе «Но у нас есть Пушкин», и открытое письмо Президенту России В. В. Путину, и доклад на Конгрессе петербургской интеллигенции. Одну из своих работ, посвященную социокультурным проблемам современного российского общества, Н. Н. Скатов так и назвал: «Интеллигент — человек, несущий свет». В полной мере, полагаем, этот тезис относится и к самому Н. Н. Скатову. Своей широкой просветительской деятельностью он доказывает, что каждодневная работа, подлинное *служение* науке способны преодолеть любые деструктивные вызовы современности.

В статье о проблемах образования и воспитания «Дух разыскивающий» автор не обошел стороной и вопрос об интеллигенции: «...как не бывает доброго урожая без элитных семян, так не будет и доброго человеческого всхода без элиты в сфере собственно умственного труда»⁸. Примечательно, что статья увидела свет в самый пик перестройки — в 1989 году, а мысли, высказанные в ней, в большей степени актуальны в наши дни.

Боль о судьбе родной страны звучит в докладе «Российская культура и процессы глобализации». В нем убедительно показывается, как информационная агрессия массовой культуры разрушает основы нашей самобытности, представляет непосредственную угрозу будущему страны. И в этой работе Н. Н. Скатов развивает мысль об интеллигенции — спасительнице России; доказывает, что современная государственная политика в области культуры буквально убивает подлинную интеллигенцию, заменяя ее банальным китчем.

Николай Николаевич понимает интеллигенцию в широком общегуманитарном смысле. Для него интеллигенция — это люди, созидающие культуру и духовно влияющие на современников, а интеллигент — это человек, всегда выполняющий просветительскую функцию.

Читая Н. Н. Скатова, трудно не заметить его особую трактовку места и роли интеллигенции в отечественной истории. Интеллигенцию, судя по работам ученого, нельзя рассматривать изолированно от сфер образования и воспитания, в отрыве от языка. Интеллигенция возникает, развивается и существует, исключительно только являясь носителем императивов общечеловеческих ценностей и выполняя функцию культурного ретранслятора.

В этом ключе трактовка ученым интеллигенции соответствует разработкам НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета. Исследования Н. Н. Скатова еще раз подтверждают убеждение, что интеллигенция никогда не была массовой «прослойкой», а является элитарной социальной стратой. Он доказывает, что тотальное образование без соответствующих для него условий приводит к появлению полупрофессионалов и полунауки и, в конечном итоге, оглуплению всего общества. К сожалению, выводы ученого подтверждаются печальной ситуацией, сложившейся в последние годы в российской техносфере и в системе подготовки специалистов.

Безусловно, издание и публикация монографии «О культуре» — это заметное явление в современной гуманитарной науке. Мы солидарны с академиком РАО А. С. Запесоцким, что работы ученого, собранные в этой книге, станут для внимательного читателя ориентиром в бурном потоке трансформаций русской культуры.

Думаем, книга оказалась хорошим подарком к юбилею Н. Н. Скатова, которому в 2011 году исполнилось 80 лет.

Примечания

¹ Скатов Н. Н. О культуре / сост., науч. ред. Ю. В. Зобнин. СПб., 2010. 416 с.

² Скатов Н. Н. Мы не должны потерять нашу литературу // Там же. С. 348.

³ Там же. С. 352.

⁴ Скатов Н. Н. Литература великого «синтезиса» // Там же. С. 28.

⁵ Скатов Н. Н. Тип нормального гения // Там же. С. 44—45.

⁶ Скатов Н. Н. Черный пиар на Черной речке // Там же. С. 55—66.

⁷ Скатов Н. Н. Погружение во тьму (Русская классика сегодня) // Там же. С. 218—219.

⁸ Скатов Н. Н. Дух взыскующий // Там же. С. 263.

В. А. Порозов

**ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В КНИГАХ СЕРИИ «ПЕРМЬ КАК ТЕКСТ»:
Была ли у нас частная жизнь? *Статья вторая****

В серии книг «Пермь как текст», изданной в 2009 году и недоизданной, произведения четырех авторов¹ дают возможность достаточно последовательно рассмотреть многие аспекты истории интеллигенции российского провинциального города 1945—2000 годов. 1950-е годы, анализируемые в конце книги историка и культуролога Олега Лейбовича, открывают книгу писателя Владимира Киршина. Судя по заглавию, вторая написана под иным углом зрения: там политическая повседневность, а тут, видите ли, частная жизнь. Увы, книги не случайно оказались в одной серии, в едином оформлении, с едиными издателями.

Писателю позволительно не давать определений базовых понятий, поэтому то, что понимает автор под частной жизнью, мы, в общем-то, так до конца и не узнаем. Все наши предположения насчет некоего противопоставления жизни общественной с первых же страниц разлетаются в прах. Автор предисловия Вячеслав Раков, хоть и считающийся ученым, тоже ясности в этот вопрос не добавляет². По нему, избравшему в качестве указующего перста Ксению Касьянову, русский человек — это «эпилептоид», противостоящий власти, но нуждающийся в ней для организации и порядка. Между властью и «эпилептоидом» — пропасть: та старается его («нас»!) обобрать до нитки, а мы стараемся всячески ее обмануть («не просто приятно — святое дело»!). В бунте

© Порозов В. А., 2012

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермского государственного педагогического университета. rogozov_va@perm.ru

* Первая статья опубликована в журнале «Интеллигенция и мир» в № 4 за 2010 год.

«эпилептоид» страшен, но в целом культурной обработке поддается, чем занимались и занимаются авторы и издатели Перми «как текста».

Получается, что частная жизнь — это то, что противостоит власти. Тогда, к примеру, деятельность компартий, находящихся в оппозиции, хоть на Западе, хоть в России — это и есть частная жизнь. Невероятно, но книга Киршина этой трактовке соответствует! Вся она об антипартийных, антисоветских, антиправительственных тенденциях и действиях. Даже в балете и танцах на льду автор видит борьбу с политическим режимом: «Ибо не “демократы” развалили страну к концу века, а девчонки своими попками — базовый инстинкт сработал, что вы хотите, нельзя его долго прятать»³. Причем как марксисты ищут объективное, материалистическое обоснование своим усилиям в существующем способе производства, так и В. Киршин видит их в материальных условиях жизни современника. И чем быстрее мы движемся, вслед Западу, по пути НТР, тем ближе конец ненавистного автору господства КПСС. Конвергенция. Глобализация!

Приводимая аргументация временами весьма убедительна. Порой из-под пера (с клавиатуры?) автора выходят строки, достойные встать рядом с марксовой критикой политической экономии:

«Началась эра синтетики. Новый стиль жизни. Он был толково синтезирован в соответствующих кабинетах и успешно внедрен в массовое сознание. Лозунг “Химию — в жизнь!” сработал на сто процентов: в нашу жизнь вломились полиэтилен, оргстекло, пластик — новые материалы, новый футур-дизайн. Нейлон просто взорвал советскую эстетику и задел саму нравственность. В моду вошли нейлоновые блузки фривольной прозрачности, “газовые” шарфики, легкомысленные шубки из искусственного меха, капроновые чулки, “черевички” на кожимите. Повевало пижонством»⁴.

Также к частной жизни В. Киршин относит жизнь личную. Но касается ее мало — так, походя. Например, объясняет ее наличием «бешеную популярность» Пугачевой («Она первая заявила о своей личной жизни как о высшей ценности») или самоубийства и расстрелы сослуживцев в армии (письмо от любимой неприятное получил). К личным делам относит также все, связанные с семьей. О собственной личной жизни почти ни слова. Вот раздел, посвященный 1970 году — называется «Про любовь». Личная жизнь?

Любили: шоколад «Аленка», «Анжелику», футбол, пластинку Ободзинского, вообще эстраду, «Солнцедар», длинные волосы и брюки клёш. И всё это все вместе, скопом. Остальное не любили — как «лажу», чужую музыку. Вот только по поводу Солженицына мнения, естественно, разделились: делились уже на кем-то «продвинутых» и на «не очень». И только в самом конце главки — несколько строк: «Ей ничего не надо было от меня...» Девочку звали Любовь. Кстати, в связи с ней выяснилось, что автор (кроме первого класса), по-прежнему, где-то и чему-то учился, а потом даже «двинул в вуз». Но не себя — «свои фишки».

Наконец, однажды — прямым текстом: «Общественная жизнь к 1985 году загнула бесповоротно и лишь гальванически подергивалась по сигналу сверху, поэтому частная жизнь осталась единственной формой жизни в СССР». Оказывается, относительно частной жизни мы, читатели, вроде бы были правы, но под общественной жизнью надо было понимать жизнь партийно-государственную в определившихся за неполные 70 лет в нашей стране формах. Всё остальное — вот эта-самая частная. И далее о частной жизни:

«Она пронизывала производственную базу социализма и поражала все его надстройки. Никто не работал, все занимались личными делами на рабочем месте или вообще покидали его с утра, оставив шляпу для “эффекта присутствия”. Личные дела равнялись личности: одни в рабочее время травили анекдоты и флиртовали; другие вязали или мотались по магазинам, выслеживая дефицит; третьи мастерили “для дома, для семьи” то, чего не сумели купить в магазине, причем мастерили, естественно, на казенных станках из “экономленных” материалов. Ничтожно малая часть трудящихся тратила рабочее время на изучение полезных книжек и сочинение стихов или прозы. И все пили»⁵.

Ну о пьянстве, конечно, особо.

В. Раков добавляет излюбленный тезис о преимуществах Запада, где всё не так, где государство и общество служат его величеству индивидуальности конкретного человека. Вот у них-то настоящая частная жизнь, а у нас «наша частная жизнь вполне в состоянии обойтись без частного человека»⁶. Эту мысль блестяще иллюстрируют и Владимир Киришин своей книгой, и все, кто проявил к ней такой жгучий редакторский и издательский (до десят-

ка перепечаток!) интерес. Авторы многочисленных рецензий и репортажей с презентаций уверяют, что и читательский тоже.

Описанная в книге частная жизнь — это: велосипед, электробритва, радиоприемник, лыжи, подстаканник, расческа, стиральная машина (1959 год); шариковая ручка, стакан газировки с сиропом, автоматы для продажи таковой, кассовые аппараты в транспорте, таблетки норсульфазола, грампластинки, «джинсоподобные штаны», «первая рюмка», презервативы (1967 год); телевизор, ордена, трусы, часы, диапозитивы (1978 год); телесериалы, шоу-музыка, «пузыри» (взятые с бою бутылки водки), пиво из банки, пиво из кувшинов, книги, рядом с книгами розовая комбинашка и парик, майка с «бэтменом», юбка «кожаная длинная», джинсы-вареники, куртка «кожаная короткая с наворотами», презерватив (1989 год); бронзовый бюстик Пушкина, конфетки, бензин, автомобиль, мобильник, компьютеры, хит-парад Муз-ТВ, пиво (1999 год). Годы взяты наудачу — можно заменить любыми другими и вычленив в них подобную информацию, занимающую до 50 и более процентов объема каждого раздела.

Так вот, оказывается, чем жил русский интеллигент второй половины XX века! Тем, для чего он сам-то действительно ни к чему. Всем этим успешно может пользоваться жлоб с трехклассным образованием. Весьма характерно в этой связи замечание Нины Горлановой о том, что и литературные произведения, именуемые ныне текстами (вспомним о названии серии), ранее назывались в кругу их авторов вещами! «Больше чем поэт» в России сегодня — апологет вещизма! При этом в собственном предисловии «искренне наш» (так и подписался) писатель заглавными буквами заверяет нас в том, что будет описывать «нашу жизнь КАК Я ЕЕ ПОМНЮ»⁷. Что ж, начнем.

1955 год, год рождения:

«Каждый знал свое место в строю, каждый знал, на кого равняться. Но потеря вождя расстроила ряды. Остались, конечно, портреты и заветы, возбуждала “холодная война” с Америкой, “ядерная гонка” и т. п., но... Горе утраты за два года притупилось, и люди стали учиться жить без вождя».

1956 год, автору исполняется один год:

«Вот тогда, в том феврале, и грянул XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина. Никто не удивился, но мало

кому это понравилось. Никита Хрущев ударил серпом по общему корню жизни, по нашему единственному, единому, драгоценному культу».

1957 год, лирическому (уже ясно, что политическому) герою два года:

«У нас в Перми стилиг, слава КПСС, не было. Были подражатели, нарушители норм костюма и прически: все наши хорошие ребята и девчата, но вот бес их попутал — *собезьянничали*. С ними достаточно было комсомольцам побеседовать как следует, в присутствии инструктора райкома, и все вражеское оперение с нарушителей слетало, они слезно раскаивались, вливались обратно в коллектив, и опять наши массы единым строем шли к новым свершениям»⁸.

Правда, в возрасте один год автор еще вспоминает о «матери» и игрушках, но в возрасте двух уже точно знает вес в килограммах и высоту запуска в километрах трех первых спутников. Знает также, что американцы отстали от нас на четыре месяца, спутники у них вшестеро мельче наших, запускали они их ближе, не в мирных целях и вообще скоро помрут от зависти. В общем, юмор такой, детский.

Внимательному читателю становится ясно, что играют с ним краплеными картами. Кто перед ним — наивный чудак, подобравший их в эпоху гласности и перестройки, или матерый шулер — решать каждому в его частной жизни. Не забыть бы только, читая такие книги, что частная жизнь ребенка немислима без родителей, окружающей природы, первых книг. Здесь же папы появляются изредка лишь гордящимися «синими мужскими шубами, овчиной внутрь и с капюшоном», а мамы — «вождеleyenными» «нарядных китайских термосов с драконами». Бабушки, разумеется, нужны для того, чтобы вязать варежки.

Книг, по крайней мере в раннем детстве, не было. Видимо «Муха-цокотуха» и «Мойдодыр» были мудро отнесены ребенком к жизни общественной. Зато сразу появляются Гленн Миллер и «исподтишка по-хамски» перевернутые «песни советских композиторов» (последний термин закавычен В. Киршиным). Затем — абстракционисты, с которыми познакомился по карикатурам в «Крокодиле». Наконец, кино. Первый же фильм, на который первый раз «пошел в кино» (сам! в четыре года!) — про шпионов.

Похоже, родители не занимались воспитанием ребенка вообще. Естественно, он попадает в неформальные компании. Предки становятся враждебной, «общественной» силой, «загоняя» по вечерам домой. Такой же враждебной силой являлись воспитатели в детском садике, требующие дисциплины (хулиганов «привязывали к шведской стенке скакалкой, укладывали в постель без трусов или ссылали в чужую группу — нарушитель выл белугой, цеплялся за косяки, терял сандалии...»). Ну и далее по нарастающей: школа, пионерская и комсомольская организации, КПСС, «деловые мужчины 1981 года», их дети, а также, почему-то, ОБХСС... Беспредел, в общем. Впрочем, КПСС противостояла бедному ребенку с момента рождения. Во-первых: «Высочка Никита Хрущев повсюду велел кукурузу сеять». А во-вторых: «Понятие “частная жизнь” было вражеским. Личная жизнь подлежала контролю. Жены жаловались на мужей в парткомы, и парткомы обсуждали интимные подробности “поведения коммуниста в быту”, выносили постановления: “вернуть в семью”, *rag example*. То же в комсомоле, в пионерской организации. “После уроков будем тебя разбирать”. Разбирали. Всех тошнило...»⁹

Так вот и рос автор воспоминаний в окружении извращенцев. Снова появляются родители: «бестолковые», они совершают страшную вещь: покупают сыну не тот велосипед — «дамский», «без рамы».

На этом можно бы и остановиться, не будь в книге, даже в заданных рамках, правдивых и небездарно описанных озарений. Например: «Красный галстук на шее действовал возбуждающе сам по себе и как знак принадлежности к дружине, к стране. Галстуки продавали в “Детском мире”, и это было обидно. В том же отделе продавали и знамена, и вымпелы разных победителей, за которые следовало бороться не щадя жизни. Цена знамени была 465 руб. 90 коп. Долго я стоял перед той витриной, страдая за свою маленькую веру... Придя домой, крошка сын спросил отца: “Почему?!” Впервые в жизни мой всезнающий отец только вздохнул в ответ»¹⁰.

Или: «Джинсы. В 1972 году это уже не мода и не болезнь — сложилась особая, джинсовая субкультура. У нее был свой язык, фольклор... у нее была своя иерархия ценностей, свои мифы. Люди посвящали свою жизнь джинсам — добыва-

нию их (или подделке) и сбыту. Стоили импортные “трузера” до 250 руб. — две инженерские зарплаты. Везли их через Болгарию и другие соцстраны, покупали в “Березке” за чеки, продавали на “балке”, вместе с дисками, за рубли — рисковали на каждом этапе. Все это называлось “спекуляция”, по фене — “фарцовка”. Ловили, сажали, общество в целом презирало спекулянтов, а люди по отдельности охотно пользовались их услугами. Одно время из областного центра за джинсами ездили в леспромхозы. Те уральский лес меняли за границей на импортную одежду, и наши фарцовщики просекли это дело — ездили за шмотками не в столицы, а в леса»¹¹.

Или: «В 1980 году ко мне в гости приехал эстонец Юло Мустамяэ. Я водил его по разным компаниям и наслаждался эффектом: мужики, услышав иностранное имя и акцент, терялись и разговаривали с моим эстонцем, как с глухим; девчонки таяли и вообще лишались речи. Обожали иностранцев. За их отсутствием обожали пермских немцев, но только если у них были “шмотки” и акцент, обрусевшие немцы в пиджаках от “Пермодежды” никого не интересовали. Однако и те, кто с акцентом, и те, которые без, при первой возможности уезжали на родину предков, подалее от советского обожания. Уезжали семьями, оставляя друзей и плоды трудов своих, уезжали навсегда. В 80-м пермских немцев отпускали неохотно, а встречали в ФРГ радушно. В 93-м все стало наоборот. Вообще, любой западный акцент имел над нами магическую власть. Ну кто бы стал слушать певца Тыниса Мяги, не будь у него западного акцента?»¹²

Вот это уже ценнейший материал для историка, заслуживающие доверия свидетельства неглупого и наблюдательного очевидца. А картины застоя! Тут автор поднимется до высот лучших образцов отечественной публицистики: «Осень, все на картошку! Школьники в восторге: не учимся! Выезжали классами, бегали по полю, кидались картошкой друг в друга, набегавшись, садились в кружок с бутербродами и термосами... У парней в термосах был вермут. Начиналась захватывающая игра в кошки-мышки с классной дамой. Студенты-первокурсники выезжали в колхоз на месяц — была такая хорошая советская традиция, праздник поступления в вуз, праздник знакомства, медовый месяц на свежем воздухе. Деготь в бочку меда капали

всякие командиры с их дурацкими сотками-сводками и еще — дожди: грязь, “копалки” не ходят, трактористы “пируют”, ковыряешься вилами в грязи во имя страны, как Павка Корчагин, а девчонка-напарница, вся в полиэтилене, роет грязь руками и твои анекдоты про Андропова слышать больше не желает. Конец “феличите”, распад и разложение в отряде, разговорчики в строю всякие антисоветские...

Все предприятия участвовали в ежегодной “битве за урожай”, все учреждения (даже вредный обллит — их ждала морковка в районе Култаево). Городские “Икарусы” по утрам выводили население на поля, вечером забирали обратно. Потери от тотальной мобилизации никто не считал, казалось, если горожане не помогут колхозникам, зимой наступит окончательный голод... “Уважаемые люди” выехали в поле со столами, понятное дело с посудой, с баяном, с коробками “дефицита”. Какая там, на фиг, картошка, какая такая “продовольственная программа”? Феличита!.. Ресторанские тетки в золоте верещали про “час розовый”, “дефицит” к ним в утробу уже не помещался, валился изо рта. А наутро приезжали трактора и закапывали неубранный урожай вместе с мусором в землю»¹³.

«И все пили. Отмечали на работе все общенародные праздники, все дни рождения, повышения, отцовства, уходы в отпуск и на пенсию, обмывали покупки. Увернуться было невозможно. Пили по пятницам, по понедельникам. Пили во вторник-среду-четверг. Пили по выходным — у себя дома, на “дураковом поле” или в гараже. О гараж! Типично советская, типично “застойная” форма досуга — мужской клуб в гараже! Рыбалка, грибы, сельхозработы, командировка, встреча, прощание, футбол, баня — всё с выпивкой. Бабы пили не меньше мужиков, называлось “девишники”. Городской фольклор: «Природа шепчет: “Займи и выпей”». Выезжали “на природу”, орали: «Из полей доносится: “Налей!”» Селяне гоняли за водкой на комбайнах. Горожане по ночам в недопитии ловили такси и принимались раскалывать “шефа” на “водяру”. Таксист кочевряжился, набивал цену...»¹⁴

Вот вам и единение интеллигенции и народа! Кстати, рубежом, выделившим героя из предшествующей среды, стал фильм Тарковского «Зеркало». Те, кто его смотрел, получая от этого удовольствие или делая вид, что получает, стали «мы».

Кто смотрел мексиканскую «Есению» (и, следовательно, еще более многочисленные индийские фильмы) и «Любовь земную» Матвеева — стали «они». Далее контакты носят чисто эпизодический характер: пьяный фронтовик, плюющий в телевизор при вручении Брежневу очередной награды; доярка, с ностальгией вспоминающая свои райкомовские награды; танцующие ветераны; очередь за пивом...

Однако власть, по крайней мере партийно-государственная, Тарковского не запрещала, хотя и не благословляла. Всё вело к одному — в полном соответствии со своим пониманием частной жизни герой запил: «Курили кишиневское “Мальборо” — до полуночи, а после “кизяк” и что закатилось под холодильник с прошлого раза. Слани гонца за вином, он возвращался не один: проплывали какие-то воры, журналисты, балерины, хирурги, окулисты-гинекологи, десантники и просто забияки — хоровод собутыльников. Эстафета диванов, кушеток, козеток, соф, раскладушек и просто матрасиков на полу. Дух бродяжий, ты всё еле-еле.

Как мы чокались? Часто. Фигурно: “камушками”, “поводолазному”, под речевки типа: “Не желаем жить — ЭХ! — по-другому!” или под выдох скорби: “Ну, давай”. Пили стоя, сидя, лежа, с кулака, с локтя, с мостика, перекатом “по орденам”, с переворотом и подскоком. Пили спирт гидролизный (“галошу”), неразведенный почему-то. Почему было не развести? — непонятно. Сами были неразведенные потому что. Ну, то есть действительность не устраивала — улетали таким образом, от спирта ведь разгон знаешь какой — как будто под зад пнул слон. Да и как иначе, если стакан по-турецки “бардак”... Стоп, дальше ни слова, секса при советской власти, будем считать, не было. А была всякий раз *литература*: романтическое грехопадение с последующими терзаниями себя и жертвы. Ну, ты в курсе.

Кодировать свои исповеди — единственное, что мы хотели и умели делать хорошо. Все остальное не имело смысла, а особенно “служение обществу”. Просто “общества” уже не было — были пальцы крестиком у вождей и фиги в кармане у “масс”. А нам это зачем? Мы уже летали (во сне и наяву, помнишь?), видели какое-то сияние на горизонте — бог его знает, что там было, может, Истина? Ходили на работу, прикидывались полезными и

скромными, смывались оттуда пораньше и расслаблялись на конспиративных квартирах.

Самая экзотическая из них была, конечно, на улице Матророва — избушка на курьих ножках, полная чертей и гениев. Один из чертей на четвертые сутки белогвардейского кутежа кинул таки в хозяйку круглый тяжеленный стол и сломал ей ногу. Говорят, это был я»¹⁵.

С вырабатываемыми в этой бредовой атмосфере ценностями, герой вписывается в, опять же, неразрешенно-незапрещаемые структуры и идет работать с молодежью, без труда сокрушая предлагаемыми рецептами поднадоевшие партийно-комсомольские аксиомы:

«В 1978 году я крутил свой второй фильм — уже вполне попсовый клип — на дискотеке в Доме офицеров и в Институте галургии. В отличие от первого, “интеллектуального”, его можно было крутить под любую музыку без остановки и даже задом наперед. Что мы и делали цинично, удаляясь тем временем в буфет и насыщаясь там портвейном до побурения, пока в танцевальном зале шла вся эта катавасия»¹⁶.

Но это для «них». А для «нас» появляется «гнездо эстетического разврата» в подвале общежития на Народовольческой — 42: «Хватило бы одной ручной гранаты в разгар пирушки, чтобы покончить разом со всем пермским андеграундом. А обком слиберальничал — и вот где он теперь, обком? А наши орлы вона где — в зарубежных каталогах и энциклопедиях»¹⁷. А еще — клуб любителей фантастики, театры-студии, киноклубы (Феллини, Антониони, Вайда...)... «Ну, ты в курсе». В. Киршин, специалист по дискотекам, перепутал исполнителей многих популярных отечественных шлягеров, о Бахе и Бетховене упомянул лишь, когда их «протащили по шпалам диско» между «Куин» и «Дорз», написал Р. Щедрину несуществующую «ораторию “Гойя”», но пересыпал страницы десятками наследников Гленна Миллера («французов не было в природе»). И, разумеется, — Босх, Дали, Кортасар, Филонов, Юнг, Вознесенский, Стругацкие, Лем... В общем, узковато, конечно. Но ведь вся классика — в обязательной школьной программе, и в частную жизнь Киршина и К° доступа ей быть не может.

Зато пошли «свои», пермские: Лариса Пермякова (авторская песня), Сергей Наговицын (шансон), «Пашка» Печенкин, Коля Шабунин, Андрей Безукладников... Где-то на горизонте отметилась в книге балерина Надя Павлова, но, победив на всесоюзном конкурсе, даже до международного у Киршина не дошла — пропала. Балет-то хуже противостоял системе, чем фигурное катание: «там сушенная эротика, а на фигурном катании — сочная». Правда, в пьяных оргиях на «конспиративной квартире» балерины какие-то безымянные появлялись. И все же автор признается: «застой застою, а жизнь, если вспомнить получше, кипела»¹⁸. Но игра шла в одни ворота: на разрушение существовавшей государственно-политической системы. И не очень лирический герой книги оказался в этой игре не последним игроком.

В. Ракова очень удивило, что «странным образом» не было «большой крови», то есть гражданской войны. «Эпилептоид» должен был вести себя иначе. Но мы их пережили, эти девяностые. Правда, в книге 1985—2000 годы наименее интересны: сплошной субъективизм — лови, что хочешь. Что выбрал автор «направляющего» предисловия?

«1987. “Пермь — открытый город”. Его открыли молча, просто “в ежегодном списке закрытых городов не оказалось Перми”. В 88-м на улицах Перми появились иностранцы и, поудивлявшись немного, все приняли это как должное. Ни одной статьи, в которой хоть как-то был бы осмыслен этот факт, сопоставимый по важности разве что с основанием города, так и не появилось. Это по-нашему — полный обломов: “Это у них там, в Москве, сразу вскипела «гласность», а у нас в Перми все было тихо. У нас всегда тихо...”

Впрочем, происходило “извержение энергии андеграунда”. У нас была приличная и разнополярная тусовка, преимущественно литературная и музыкальная. В 1990-м, незадолго до смерти, в Пермь приезжал Цой с “Кино”. На привокзальной площади играли пермские группы...

Вот так, с разгону, мы влетели в 90-е. Наша частная жизнь впервые за десятилетия советского времени получила возможность вступить с общественной жизнью в брак по любви. Но вместо этого вышел скандал с битьем посуды: не имеющее и не имевшее никогда внутренних скреп русское частное стало необ-

ратимо срываться в войну всех против всех, а затем в откровенный бандитизм. “Частная жизнь на пороге нового века дошла до крайности, до края, до полного разрыва с обществом, до личных баррикад, до землянок бомжей в городском лесопарке. Никому ни до кого нет дела: броня и баксы”. Под броней разумеются бронированные “комки”...

По косточкам месяцев в книге разобран 1992 год. “В этом году частная жизнь в России победила!.. Хлеб и молоко с начала года подорожали в 100 раз. Народ одичал в 1000”.

И, наконец, резюме: “К концу века свершилось главное — ПРИВАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ. Жизнь на сто процентов стала частной, твоей, и все проблемы, прежде решаемые государством, стали твоими, и нравственный выбор украсть — не украсть, уехать — не уехать — стал твоим личным делом. Мораль отменена. Жизнь приватна. Такой сюжет”¹⁹.

Однако неудовлетворенность авторов, последовательно добивавшихся торжества этой-самой частной жизни, очевидна. Уж не опасаются ли, что, оказавшись в числе лидеров разрушительного процесса, они «отменили» мораль раньше, чем это сделали все, по их мнению, остальные? И как вообще в эти тяжелейшие годы Киршин не встретил ни дружбы стоящей, ни любви, ни теплых человеческих отношений? Как вообще выжил без этого? Хороша же частная жизнь! Шмотьем была, им же и осталась.

Между тем, шляпа, к примеру, сама по себе (к сожалению, этот формальный признак близкого к интеллигенции человека из второго издания книги выпал, а точнее зафиксировался на голове «бича» 90-х) явлением частной жизни ни в коем случае не является. Это продукт общественного производства, общественного потребления и общественного восприятия. Предметом частной жизни становится данная шляпа конкретного человека, причем тогда, когда с ней связаны обстоятельства покупки, ношения, жизненные ситуации, в которых она играла какую-то роль, и т. д. Так что вещизм, пронизывающий книгу Киршина, — это, увы, жизнь общественная. Исключением является, пожалуй, лишь всё тот же неправильно купленный родителями велосипед, полноценное существование которого пришлось отстаивать кулаками.

Однако с 1997 года бронированные павильоны постепенно сменяются стеклянными. Улеглась наша агрессивность? Или, как

полагает В. Раков, «в очередной раз восстала из пепла смутного времени» «система Рюрика — Гостомысла»? Или массовая культура новейшего времени, ревностным сотворцом и служителем которой оказывается со своими друзьями Киришин, сформирована, и народ держится в узде окончательно потерявшими интеллигентность служащими достаточно надежно?

В этом случае творцы и хранители представленной в книге частной жизни неплохо потрудились, лавры их вполне заслуженны и их можно поздравить. Очевидно, что чрезмерная политизированность героев, антисоветская и антипартийная направленность их мировоззрения и деятельности приводят к торжеству вещизма, бездуховности и массовой культуры. Обратной стороной последних являются, в сущности, вымученные тусовки провинциальной богемы. Сама «элита» мало изменилась: по-прежнему считает, что уйти от банальной пьянки в новогоднюю ночь удастся немногим. Конечно же, эти избранные — люди их клана, их среды: те, кто имеет, к примеру, возможность встретить Новый год на воздушном шаре. Им видится иногда светлое будущее (как пьяным — Истина на горизонте?), но не дает-таки покоя вопрос, КАКАЯ ТАМ будет ВЛАСТЬ (так и выделено — заглавными буквами). Это неудивительно, ведь не будь власти, никакой частной жизни в избранном понимании для них просто не было бы.

Однако подобные эпизоды доказывают факт наличия интеллигенции и в сегодняшней России. Среда и ближайшее окружение автора — героя книги достаточно жестко ограничены рамками массовой культуры и сообщества мнящих себя элитой творцов этой культуры, противостоящей власти и потому отнесенной к частной жизни. Очевидно, что среди друзей Киришина были достаточно интересные личности, достойные звания русского интеллигента, но ни одного хоть сколько-то значимого образа в среде заданной частной жизни мы не встретим. Сам же Владимир Киришин по роду деятельности и по личным характеристикам если и не интеллигент, то, по крайней мере, интеллектуал. Из книги Н. Горлановой мы узнаем, что Владимир Александрович может быть романтичным выдумщиком, добрым отцом, оригинальным музыкантом. Где же всё это? Не в частной жизни. Не в личной. А

в какой же еще? Вспомним о заверениях в искренности — чего же они стоят? Страшновата его книга, в сущности говоря.

Ведь по схемам многих наших обществоведов разве вопросами власти должен быть озабочен интеллеktуал в первую очередь? Он же профессионал, функционер, служащий! В любых условиях его должны интересовать, прежде всего, работа, творчество. Но ведь политическая ангажированность как раз и является одной из родовых черт русской интеллигенции! И она все-таки есть, хоть и хочется Владимиру Киршину утопить ее в спиртном и вещизме. Если ангажированность эта внешняя, а не внутренняя — увы, такое в нашей истории бывало нередко — тут прямая дорога к новому запою. Или кодированию.

Однако неприятие Киршиным окружающей действительности носит некий ритуальный, антисоветский, но, в общем-то, не антигосударственный характер. При этом не удивительно, что в обществе, провозгласившем, пусть формально, другие ценности, люди, упорно выдающие за частную жизнь свое стремление к обновлению массовой культуры (увы, не более того!), постоянно балансируют на грани уголовного кодекса. Ведь однажды около них оказался-таки труп раздетой девушки, и никто не мог с уверенностью сказать, что они не имеют к ней отношение. «Обошлось». Обходится и сегодня — автор вполне успешен.

Отчего же тоска? По идеалам? Полноте, у героя книги нет и намека на поиски таковых: в его «частной» жизни подобные интеллектуально-нравственные усилия не маячат даже на горизонте. Его идеал, символ свободы — голый мужчина, разлегшийся на крыше автомобиля посреди канадского города (ради этого кадра несколько раз смотрел документальный фильм об олимпийских играх). И вот в жаркий день наши города заполняются обнаженными торсами — а счастья нет. Всё дело в том, что Высоцкого, как «последнего национального героя», окружавшие его творцы «частной жизни» посадили на иглу и вроде бы похоронили. После чего многие из последователей Тарковского полагали, что вот «до основанья разрушат», и народ уж точно будет смотреть им в рот. А вышло иначе. И интеллигенция, смотревшая вместе со своим народом фильмы Матвеева, тоже жива. И хватит ли одной гранаты?..

Примечания

- ¹ *Федотова С. Л.* Молотовский коктейль // *Федотова С. Л.* Молотовский коктейль ; *Киришин В. А.* Частная жизнь. Пермь, 2009 ; *Лейбович О. Л.* В городе М : очерки политической повседневности советской провинции в 40—50-х годах XX века. Пермь, 2009 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь : очерки частной жизни пермяков, 1955—2001 // *Федотова С. Л.* Молотовский коктейль ; *Киришин В. А.* Частная жизнь ; *Горланова Н. В.* Вся Пермь. Пермь, 2009.
- ² *Раков В.* Частная жизнь как она есть и как ее нет // *Киришин В. А.* Указ. соч. С. 135—143.
- ³ *Киришин В. А.* Указ. соч. С. 166.
- ⁴ Там же. С. 161.
- ⁵ Там же. С. 219.
- ⁶ *Раков В.* Указ. соч. С. 136.
- ⁷ *Киришин В. А.* Указ. соч. С. 146.
- ⁸ Там же. С. 148, 150, 151.
- ⁹ Там же. С. 153, 200.
- ¹⁰ Там же. С. 167—168.
- ¹¹ Там же. С. 183—184.
- ¹² Там же. С. 204—205.
- ¹³ Там же. С. 213—124.
- ¹⁴ Там же. С. 219—220.
- ¹⁵ Там же. С. 208—209.
- ¹⁶ Там же. С. 201.
- ¹⁷ Там же. С. 218.
- ¹⁸ Там же. С. 210.
- ¹⁹ *Раков В.* Указ. соч. С. 142—143.

Сибиряков И. В. Феномен «моральной растерянности»: террор в России на рубеже XX—XXI веков глазами интеллигенции (Уроки одной дискуссии)

Ключевые понятия: интеллигенция, террор, вызовы времени, роль интеллигенции в обществе, противодействие терроризму.

Представлены размышления автора по итогам одной из дискуссий, инициированной журналом «Иностранная литература», о роли интеллигенции в эпоху терроризма. Отмечается некоторая «моральная растерянность» представителей культурной элиты в ответ на вызовы террора, вскрывается ряд проблем в жизнедеятельности российской интеллигенции на современном этапе развития.

Пчелинцева Е. В. Взгляды русской интеллигенции на проблему преодоления последствий насилия над ребенком во второй половине XIX — начале XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, феномен преодоления последствий насилия, апология прав детской природы, гуманистические основы нравственного семейного воспитания, естественное развитие индивидуальных способностей, драматическая игра, народная сказка.

Рассматриваются историко-культурные предпосылки общего и особенного в понимании преодоления последствий насилия над ребенком представителями русской интеллигенции. Определяются истоки мировоззренческих позиций представителей русской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX века в отношении этого вопроса.

Лобок Д. В. Научная интеллигенция и ее профессиональные объединения (1917—1922)

Ключевые понятия: Лига интеллигентного труда, Профессиональный союз профессоров и преподавателей Высших учебных заведений Москвы и ее окрестностей, профессиональные союзы, Объединенный Совет Научных учреждений и Высших учебных заведений Петрограда, народный комисариат просвещения, Петроградская комиссия по улучшению быта ученых.

Статья посвящена созданию и развитию независимых профессиональных объединений научной интеллигенции в период буржуазно-демократической революции и становления Советской власти. Рассматриваются основные направления деятельности профессиональных союзов научной интеллигенции, эволюция взаимоотношений с Советской властью, опыт работы по защите прав и интересов научных работников в условиях обострения классовой борьбы. Показывается зарождение и развитие советской модели взаимоотношений научной интеллигенции с профсоюзами, раскрываются противоречия в осуществлении «нового курса» в отношении профсоюзного движения.

Ермушин М. В. Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы новой экономической политики

Ключевые понятия: инженерно-техническая интеллигенция, профсоюз, инженерно-технические секции.

Рассматривается образование, развитие и деятельность профессиональной организации инженерно-технической интеллигенции по защите собственных производственных интересов в годы новой экономической политики.

Кузьмина В. М. К вопросу об участии творческой интеллигенции в организации художественной самодеятельности на селе в годы индустриальной модернизации

Ключевые понятия: творческая интеллигенция, советское руководство, индустриальная модернизация, художественная самодеятельность, формы участия в социалистическом строительстве.

Рассматривается участие творческой интеллигенции в организации художественной самодеятельности, в работе сельских клубов и иной культурно-просветительской деятельности. Раскрыта партийная политика по вопросу привлечения интеллигенции к различным формам агитационно-пропагандистской работы на селе.

Капустина О. В. Особенности пенсионного обеспечения советской интеллигенции

Ключевые понятия: пенсия, пенсионер, размер пенсии, пенсионный возраст, служащий, интеллигенция, персональное пенсионное обеспечение.

Анализируется развитие советской пенсионной системы с точки зрения обеспечения работников образования, науки и культуры. Рассмотрены основные виды пенсий, предназначенные для данных категорий граждан. Отражена регулирующая роль пенсионного обеспечения в области трудовых отношений.

Корнилов А. А., Рогожин А. А. Роль интеллигенции в процессе формирования немецкого национального самосознания: вклад И. Г. Фихте

Ключевые понятия: интеллигенция, национальное самосознание, И. Г. Фихте, немецкая нация.

Рассматривается роль И. Г. Фихте как представителя интеллигенции в процессе формирования немецкого национального самосознания. Анализируются «Речи к немецкой нации» как один из источников немецкой национальной мысли, описывается состояние национального самосознания немцев на данном этапе.

Веселов А. А. Формирование законодательной регламентации союзов художественной интеллигенции в конце XIX — первой четверти XX века

Ключевые понятия: законодательная регламентация, закон, устав, административные структуры, художественная интеллигенция, сообщества художественной интеллигенции, общественный слой, постановления ЦИК и СНК СССР.

Выявляются основные этапы в развитии российского законодательства конца XIX — первой четверти XX века применительно к московским союзам художественной интеллигенции. На основе архивных материалов по московским художественным объединениям, действовавшим в данный период, а также материалов различных нормативно-правовых актов делается вывод о том, что законодательная регламентация деятельности союзов художественной интеллигенции на данном временном этапе окончательно так и не была оформлена.

Шалбин В. Л. Проблемы формирования социальной сплоченности в России и роль интеллигенции в условиях аномического общества

Ключевые понятия: социальная сплоченность, социальная адаптация, гражданское общество, интеллигенция, интеллектуалы, высоко-ресурсная группа, социальная трансформация, самоорганизация, информационное общество.

Анализируются основные проблемы социально-политической трансформации конца XX — начала XXI века. Основное внимание уделяется рассмотрению социальной сплоченности как интегральной характеристике качества процесса формирования гражданского общества, а также интеллигенции как неизменному компоненту конструирования социальной консолидации внутри аномического общества.

Меметов В. С., Усманов С. М. В лабиринтах техногенной цивилизации

Ключевые понятия: интеллигенция, культура, гуманитарное образование, цивилизация, цивилизационное развитие, интеллигенция и власть, наука и религия.

Представлены размышления над монографией доктора философских наук, профессора, академика Российской академии наук Вячеслава Семеновича Степина «Цивилизация и культура», вышедшей в издательстве Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в 2011 г. и обобщающей изыскания автора по очень широкому спектру проблем гуманитарных наук.

Комиссаров В. В., Калинин А. К. Интеллигент — человек, несущий свет

Ключевые понятия: литературоведение, русская литература, интеллигенция, культура, гуманитарное образование.

Анализируется интеллигентоведческая составляющая сборника статей Н. Н. Скатова «О культуре», рассматриваются нравственно-этические вопросы истории русской интеллигенции. Показано соотношение работ Н. Н. Скатова с исследованиями НИИ интеллигентоведения, выделены актуальные аспекты, подчеркивается высокая гражданственность автора.

Порозов В. А. Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: была ли у нас частная жизнь? *Статья вторая*

Ключевые понятия: интеллигенция, провинция, город, оппозиционность интеллигенции, частная жизнь, условия жизни.

Анализируются публицистические и мемуарные публикации, посвященные жизни пермской интеллигенции. Воспроизводятся характерные черты частной жизни на примере взросления представителя городской интеллигенции, сопровождающиеся живыми, и иногда едкими, комментариями автора.

ANNOTATIONS

Sibiryakov I. V. The phenomenon of «moral confusion»: terror in Russia at the end of the 20th — the beginning of the 21st century from the point of view of intelligentsia (lessons of one discussion)

Key-notions: intelligentsia, terror, challenges of time, role of intelligentsia in society, resistance to terrorism.

The article shows author's thoughts about the results of one discussion initiated by journal "World Literature" and devoted to the role of intelligentsia in the époque of terrorism. The "moral confusion" of the cultural elite representatives as an answer to the challenges of terror is shown. A number of problems in the activity of Russian intelligentsia at the contemporary level of development is revealed in the article.

Pchelintseva E. V. Views of Russian intelligentsia on the problem of overcoming the consequences of violence against children at the end of the 19th — the beginning of the 20th century

Key-notions: intelligentsia, phenomenon of overcoming the consequences of violence, apologia of rules of children's nature, humanistic basis of moral family education, natural development of individual capabilities, dramatic game, national fairy-tale.

The article shows historical and cultural preconditions of the general and the special in understanding of overcoming the consequences of violence against children by representatives of Russian intelligentsia. Sources of world outlook positions of representatives of Russian intelligentsia in connection with this issue at the end of the 19th — the beginning of the 20th century are defined.

Lobok D. V. Scientific intelligentsia and its trade unions in 1917—1922

Key-notions: league of intellectual labor, trade union of university professors and teachers in Moscow and its surroundings, trade unions, the united council of scientific institutions and universities of Petrograd, national commissariat of education, Petrograd committee of improvement of scientists' life.

The article is devoted to creation and development of independent trade unions of scientific intelligentsia during the period of bourgeois-democratic revolution and formation of the Soviet Union. The article shows the main directions of activity of scientific intelligentsia's trade unions, evolution of their mutual relations with the Soviet power, work experience in defense of scientific workers' rights and interests in conditions of aggravation of class struggle. The author demonstrates the start and development of Soviet model of mutual relations with scientific intelligentsia's trade unions showing the contradictions in realization of "new course" in relations with them.

Ermushin M. V. Engineering-technical intelligentsia and trade unions during the New Economic Policy period

Key-notions: Engineering-technical intelligentsia, trade union, engineering-technical sections.

The article is devoted to the education, development and activity of a trade union of engineering-technical intelligentsia concerning the defense of its production interests during the New Economic Policy period.

Kuzmina V. M. To the issue of creative intelligentsia participation in the organization of amateur performances in countryside during the period of industrial modernization

Key-notions: creative intelligentsia, Soviet administration, industrial modernization, amateur performances, forms of participation in the Socialist building.

The article shows creative intelligentsia's participation in the organization of amateur performances, in the work of rural clubs and in other cultural-educational activity. The Party's policy on the problem of intelligentsia's involvement into different forms of agitation-propagandistic work in countryside is demonstrated.

Kapustina O. V. Features of pension provision of the Soviet intelligentsia

Key-notions: pension, pensioner, size of pension, pension age, employee, intelligentsia, personal pension provision.

The article analyzes the development of Soviet pension system in terms of educators and scientists' provision. General types of pensions intended for them are considered. Regulating role of pension provision in the sphere of labor relations is reflected.

Kornilov A. A., Rogozhin A. A. The role of intelligentsia in the process of German national consciousness formation: contribution of I. H. Fichte

Key-notions: intelligentsia, national consciousness, I. H. Fichte, German nation.

The role of I. H. Fichte as a representative of intelligentsia in the process of German national consciousness formation is shown. The author analyzes "Speech to German nation" as one of the sources of German national thought and shows the condition of German national consciousness during the described period.

Veselov A. A. Formation of a legislative regulation of art intelligentsia unions at the end of the 19th — the first quarter of the 20th century

Key-notions: legislative regulation, law, charter, administrative structures, art intelligentsia, communities of art intelligentsia, social layer, decisions of the Central Electoral Committee and the Council of national commissioners of the USSR.

The author shows the main stages in the development of Russian legislation at the end of the 19th — the first quarter of the 20th century with reference to Moscow unions of art intelligentsia. The author concludes that legislative regulation of art intelligentsia unions at the studied period was not finally registered. Author's conclusions are verified with archive materials concerning Moscow art unions and issued at the studied period and with information from different regulatory legal acts.

Shalbin V. L. Problems of social unity formation in Russia and the role of intelligentsia in the conditions of anomic society

Key-notions: social unity, social adaptation, civil society, intelligentsia, intellectuals, highly resource group, social transformation, self-organization, information society.

The author analyzes the main problems of social-political transformation in the end of the 20th — the beginning of the 21st century. Special attention is paid to the social unity as an integral characteristic of quality of

civil society formation process. Intelligentsia is also focused as an important component of social consolidation constructing in a society.

Memetov V. S., Usmanov S. M. In the labyrinths of technogenic civilization

Key-notions: intelligentsia, culture, arts education, civilization, civilization development, intelligentsia and authority, science and religion.

The authors present reflections on the monograph «Civilization and Culture» written by prof. dr. V. S. Stepin, academician of Russian academy of science, and published in St. Petersburg Humanities University of trade unions in 2011. The article concludes that the monograph is the generalization of author's research on the vast spectrum of humanitarian studies problems.

Komissarov V. V., Kalinin A. K. An intelligent — is a person bringing light

Key-notions: literary criticism, Russian literature, intelligentsia, culture, arts education.

The authors analyze the collection of articles by N. N. Skatov paying special attention to intelligentsia studies' component in it and consider moral-ethical problems of Russian intelligentsia's history. They also show correlation of N. N. Skatov's works with researches of scientific research institute of intelligentsia studies, point out actual aspects, stress a high level of author's civic consciousness.

Porozov V. A. The image of Russian province intelligentsia of the second part of the 20th century in book series «Perm as a text»: did we have private life? *Article two*

Key-notions: intelligentsia, province, town, opposition of intelligentsia, private life, living conditions.

The article analyzes publications and memoirs devoted to life of Perm intelligentsia. Features of private life are illustrated by an example of growing up of a town intelligentsia's representative and are accompanied with author's lively and sometimes sarcastic remarks.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выделенного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2012 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 14.02.2012 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41
☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.